

СВѢТЪ ВЪ МАЛОМЪ ВИДѢ

или

Жизнь Человѣческая
въ Противоположныхъ отношеніяхъ

Соч. Г. МАССЕЛЕНЯ . съ 20. Гравир. Картинами

МОСКВА,

въ Типографіи Августа Селена .

1821.

СВѢТЪ ВЪ МАЛОМЪ ВИДѢ,

ИЛИ

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ

ВЪ ПРОТИВОПОЛОЖНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

Соч. Г. МАССЕЛЕНЯ.

СЪ ДВАДЦАТЬЮ ГРАВИРОВАННЫМИ КАРТИНАМИ.

Переводъ съ Французскаго.

Изданъ В. Логинова.

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

1821.

Печаташь дозволяется съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ публику, представлены были въ Ценсурныи Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Нолбра 25 дня, 1820 года. Книгу сію разсматривалъ Адъюнкпъ

ИВАНЪ СНЕГИРЕВЪ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.		Стран.
<i>Къ Читателю.</i>	3	<i>Сыновья любовь.</i>	57
<i>Отъ Сочинителя.</i>	5	<i>Отцеубійство.</i>	63
<i>Человѣкъ между добродѣтелию и порокомъ.</i>	7	<i>Любовь къ отечеству.</i>	68
<i>Карточный домикъ.</i>	18	<i>Боязнь.</i>	73
<i>Крестины и похороны.</i>	23	<i>Неустрашимость.</i>	76
<i>Младенецъ въ колыбели и Старецъ на краю гроба.</i>		<i>Храбрость.</i>	79
<i>Старость.</i>	32	<i>Малодушіе.</i>	82
<i>Юношество.</i>	38	<i>Красота.</i>	85
<i>Богопозтеніе и Нечестіе.</i>	44	<i>Безобразіе.</i>	88
	51	<i>Смиреніе.</i>	91

И
Расточитель.
Любопытство.
Скромность.
Гнѣвъ.
Снисхожденіе.
Милосердіе.
Жестокость.
Благодѣяніе и скупость.
Хозяйство.
Кокетка.
Невоздержаніе.
Цѣлбренность.

Сираи.

95 *Страсть къ игръ.*
98 *Роскошь и Богатство.*
103 *Бѣдность.*
107 *Трудъ.*
112 *Лѣность.*
116 *Признательность.*
121 *Неблагодарность.*
125 *Должно избѣгать худыхъ сообществъ.*
129 *Садъ надѣжды. (сновидѣніе.)*
232 *Добродѣтель и пороки.*
136 *Краткое наставленіе юношества.*
141 *Словарь.*

Сираи.

146
151
157
164
168
172
176
179
181
189
193

Здѣсь предлагаются нѣкоторыя истины, почерпнутыя изъ познанія жизни человѣческой. Сочинитель сей книги Г. Масселень былъ увлекаемъ духомъ своей націи, и потому въ переводѣ надлежало нѣсколько опустить отъ подлинника. Награда за сей маловажной трудъ соразмѣрна той пользѣ, которую оный доставитъ Россійскому юношеству.

Второй раздел посвящен описанию
жизни и деятельности И. М. Мухоморова
в период его пребывания в
С.-Петербурге. В этом разделе
описаны его занятия в
С.-Петербургском университете,
его участие в различных
общественных и научных
организациях, его поездки
за границу и т. д.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

ОТЪ СОЧИНТЕЛЯ.

Изъ многихъ писателей, посвятившихъ труды свои наставленію и забавамъ юношества, большая часть достигла желаемого успѣха, и я не смѣю дерзновенно, чтобы оспоривать у нихъ пальму, на которую не имѣю никакого права. Я не желаю помрачить собою предшественниковъ моихъ на сѣмъ обширномъ поприщѣ, чтобы прославились на ихъ счетъ, и слабое начертаніе свое поставилъ выше ихъ почерковъ. Не смотря на то, поле просвѣщенія неизмѣримо, и какъ бы ни было обработано, все еще остается мѣсто трудолюбивому. Думаю, что наславники и отцы семейства примутъ благосклонно такое сочиненіе, которое предлагаешь краткіе уроки для разума и сердца.

Свѣтъ въ маломъ видѣ долженъ правиться дѣтямъ , и занимать молодыхъ людей. Онъ посвященъ обоему полу и показываетъ нѣкоторыя правила изъ науки *жить на свѣтъ*: всякая добродѣтель здѣсь въ противоположности съ порокомъ, посредствомъ сего сравненія они могутъ съ перваго взгляда замѣнить, что имъ должно дѣлать и чего избѣгать. — Все, помѣщенное въ книгѣ сей сообразно съ правилами вѣры и благоразумія, и потому ласкаю себя надеждою , что она не недостойна быть причислена къ таковымъ , каковыхъ умныя мапери не запрещають чипать дочерямъ своимъ.

Горацій, одинъ изъ лучшихъ Нравоучителей, сказалъ въ своей наукѣ стихотворства, что смѣнивать полезное съ пріятнымъ , и забавляя чипателя въ поже время научать его, есть верхъ совершенства. Я употребилъ всевозможныя старанія, чпобы достигнуть этой же цѣли, и одно вниманіе Публики удостовѣрить меня въ успѣхѣ.

С В Ъ Т Ъ

ВЪ МАЛОМЪ ВИДѢ.

Ч Е Л О В Ъ К Ъ

МЕЖДУ ДОВРОДѢТЕЛЮ И ПОРОКОМЪ.

Одинъ молодой человекъ, по имени Полиандръ, гоповъ былъ по приказанію матери своей Фисіи, пустился въ обширный Океанъ, называемой Визо. Онъ отправлялся опыскивать въ кошораго Эвдемона, о которомъ большая часть людей проливаютъ слезы. — «Сынъ мой,» сказала ему сія нѣжная мать, главнѣйшее изъ моихъ желаній было и есть содѣлать тебя щаспливымъ, но тщетно оное, естли не сыщешь Эвдемона, отъ него одного зависишь твое благополучіе. Можетъ быть онъ недалеко отсюда, но такъ какъ часто перемѣняетъ

» свое жилище, то и не знаю, гдѣ его найши. Однакожъ увѣряюпть, что чаще всего онъ по-
 » сѣщаетъ островъ Фанатосъ, и на ономъ является тѣмъ, кои не могли съ нимъ встрѣ-
 » питься на пупи. Эша спрана будетъ послѣдняя, которую ты долженъ проѣзжать, и въ
 » которой наконецъ найдешь его, естли до тѣхъ поръ спаранія твои будутъ безуспѣшны.
 » Коликія опасности ожидаютъ тебя во время мореплаванія! Ахъ! сынъ мой, я не смѣю во-
 » споминать объ оныхъ, материнское сердце мое будетъ разперзано. Уклоняйся, какъ можно
 » безчисленныхъ подводныхъ камней, коими изобилуетъ бурное море сіе, наиболѣе удаляйся
 » Идонійской земли, которая гибельнѣе всѣхъ опасностей. Ахъ, Полиандръ! тамъ не найдешь
 » ты своего счастья: день и ночь окружающее эхо повторяетъ любезное имя Эдемона, но одно
 » только привидѣніе блуждаетъ на мѣстѣ его. Спрана сія исполнена зараженнаго воздуха,
 » несчастные смертные, ослѣпленные губительными прелестями Идоніи, раскаиваются въ
 » своей слабости. Будучи лишены разсудка, они пресмыкаются подобно презрѣннымъ пшварямъ
 » или горестно проводятъ дни свои на Липиросѣ, одномъ изъ сосѣдственныхъ острововъ. Чпо-
 » бы предохранить себя отъ сѣшей этой новой Цирцеи, взойди, сынъ мой, на корабль Софіи,
 » которая возвращается на островъ, обладаемый сестрою ея Аретією, къ коей Эдемонъ имѣ-

« есть особенное симпатическое чувство. Софія торжественно объявила себя непріятельницею Идоніи. Сіи двѣ соперницы, поклялись питать другъ къ другу вѣчную ненависть, и естли « шѣ послѣдуешь совѣтамъ первой, то не усрашишься очарованіи другой. » — Поліандръ, пронувши словами своей мапери, обѣщаль все, чего она желала, и охотно вступилъ на корабль Софіи. Физиогномія сей прекрасной женщины имѣла нѣкоторую важность и величіе, внушавшія почтеніе, смѣшанное со страхомъ. Когда она начинала говорить, то не лзя было невнимать сему голосу, коего сладость привлекала сердца. Поліандръ, въ теченіи первыхъ дней своего плаванія, непреставаль исполнять въ точности всѣ ея приказанія, и шѣмъ приобрѣль особенное ея вниманіе. Видъ шихаго и спокойнаго моря прельщаль его, а разнообразіе мѣстъ⁹, гдѣ корабль иногда останаавливался, услаждало скучное путешествованіе. Такъ какъ и всѣ его товарищи отправились искать Эвдемона, то онъ надѣялся вскорѣ найши сію таинственную особу; и казалось ничто не смѣло возмущать сладкаго спокойствія, коимъ наслаждался корабль, управляемый Софіею. Но море, котораго поверхность была до сихъ поръ подобна кристаллу восколебалось до самой бездны. Перуны, исторгаясь изъ черныхъ пучъ, раздробляють корабль, и неизмѣримая пропасть поглощаентъ несчастныхъ плавателей. Поліандръ и его пове-

липельница, схватившись за большую мачту, носились нѣсколько часовъ по вѣроломной спихѣ, и яростными волнами наконецъ были выброшены на необитаемый островъ. Софія пришедши въ себя, примѣтила, что они находятся въ одной изъ отдаленнѣйшихъ частей острова Аретіи. Привѣспивуя землю сію, они пошли вдоль берега и достигли одного мѣстечка, въ которомъ Аретія имѣла свой увеселипельный замокъ. Не въ далекѣ усмотрѣли дворець ея на вершинѣ скалы, возвышавшейся среди озера. Аретія тогда прогуливалась на обширномъ лугу, смежномъ съ садами замка своего, и двѣ сестры, увидѣвшись, осыпали другъ друга нѣжнѣйшими ласками. Еспьли бы нашъ путешественникъ не былъ уже прельщенъ Софіею, то какое бы чувство испыналъ онъ при взглядѣ на прелести сестры ея. Благосклонность, съ коею она его привѣспивовала, произвела смущеніе въ душѣ его, и съ сей самой минушы онъ уже не заботился о Эвдемонѣ, потому что не находилъ большаго счастья, какъ посвятивъ остатокъ дней своихъ симъ двумъ божествамъ. Аретія, соболѣзнуя о постигшемъ ихъ бѣдствіи, пригласила провести ночь въ своемъ замкѣ. Вошедши въ огромную залу, въ которой былъ приготовленъ прекрасный полдникъ, Полиандръ сѣлъ между спутницею своею и хозяйкою — и во время стола, за коимъ царспивовала свободная и благоприспоиная веселость, узналъ къ великому удивленію своему, что

Эвдемонъ жилъ съ нѣкотораго времени во дворцѣ владѣтельницы острова, и былъ ея супругомъ. Сіе извѣстіе чрезвычайно обрадовало его. Онъ бросается предъ нею на колѣни и клянется не слѣдовать ничѣмъ законамъ, кромѣ законовъ Аретіи и Софіи. — « Ахъ! сказала Аретія испу-
 » стивши глубокій вздохъ, многіе увѣряли меня такимъ образомъ, но сколь мало тѣхъ, кои мог-
 » ли сдержать свое слово! Не далеко отъ сего острова живетъ вѣроломная Идонія, нападающая
 » на моихъ подданныхъ. Одна только сестра моя могла ограничивать ея неистовство, — но и
 » тупъ разнообразныя хитрости иногда ей удавалась, а со времени опустошенія Софіи, она поч-
 » ти уже опустошила мои владѣнія. Вѣрнѣйшіе изъ моихъ подданныхъ обольщаются обманчи-
 » выми ея прелестями, и естли бы ты, любезная сестра, естли бы ты не возвратилась, то
 » царство мое было бы обращено въ пустыню. Еще нынѣ сія страшная непріятельница показа-
 » лась на берегу, сопровождаемая группою музыкантовъ, игравшихъ меланхолическія аріи. Без-
 » стыдство ея простерлось до того, что приказала разкинуть великолѣпную палатку на другой
 » сторонѣ луга — и тамъ-то готовитъ новыя сѣти для тѣхъ изъ моихъ питомцевъ, коихъ я
 » не могла убѣдить взойти на скалу, ужасающую ихъ своею высотой. О! Поліандръ, избѣгай
 » присутствія Идоніи и завтрашній день не садись безъ насъ въ лодку, долженствующую оп-

» вести себя въ жилище Эвдемона.» — Слова Аретіи сдѣлали живѣйшее впечатлѣніе на сердцѣ Полиандра. Онъ повпорилъ обѣщанія свои и распался въ швердомъ намѣреніи достигнуть на другой день той скалы, на которой обѣщали ему счастье. Но едва успѣлъ сомкнуть глаза свои, какъ сновидѣніе представляетъ ему красавицу, которая очаровательными прелестями помрачала своихъ соперницъ. Обманчивый видъ чистосердечія заставлялъ любить ее, а коварный языкъ довершалъ побѣду. — « О Полиандръ! сказала она ему, Полиандръ, чего ты здѣсь ожидаешь? Когда перестанешь быть игралищемъ сихъ двухъ вѣроломныхъ волшебницъ, которыя для того хотятъ тебя взвести на крушизну, чтобы изнуря всевозможными мученіями, низринуть въ волны, раздробляющіяся объ оную. Не вѣрь измѣнительнымъ словамъ, Полиандръ! Медь изпекаетъ изъ успъ ихъ, но ядъ скрывается во глубинѣ сердца. Онѣ утѣряютъ тебя, что Эвдемонъ назначилъ пребываніе свое во дворцѣ ихъ, итъ, давно уже онѣ обитаетъ на моемъ островѣ, и никогда не вступалъ на землю лжи и вѣроломства. Я Идонія, но не ша немилосердая — жестокая, какую описываютъ онѣ меня своимъ легковернымъ обожателемъ, я Идонія добрая, благотворительная, всегда готова избавлять онѣ ихъ власти благоразумныхъ смертныхъ, коихъ не можетъ ослѣпить одна наружность. Проспи! Полиандръ,

» помни совѣты мои, завтра мы опять увидимся. ».— Сказавши сіе, она исчезла и оставила его погруженнаго въ изумленіе. — « О боги! вскричалъ онъ, справедливо ли то, что говорила » сія пѣнь? И не для того ли вы послали сей спасительный сонъ, чтобы предостеречь меня » отъ величайшихъ бѣдствій? Но иѣсть, мать моя Фисія, говорила поже, что и тѣ прекр- » сныя особы: правда она уже довольно стара, и преклонныя лѣта помрачили иѣсколько раз- » судокъ ея; но можешъ ли желашъ погибели своему сыну? Ахъ, я долженъ болѣе опасаться » Идоніи. Это та коварная очаровательница, о которой рассказывала мнѣ вчера Аретія. Я » усмотрѣлъ ея адскія сѣти, и что бы она мнѣ не предлагала, никакъ, никакъ не послѣдую ея со- » вѣщанья! — » Отвергнувъ помышленія объ Идоніи онъ успокоился въ объятіяхъ Морфея. —

Глубокій сонъ его былъ прерванъ пѣніемъ птицъ, возвѣщавшихъ появленіе Авроры. Полиандръ оставилъ ложе, и до пробужденія своихъ покровительницъ, пошелъ безъ всякаго намѣренія на пошъ лугъ, гдѣ вчерась встрѣтился съ Аретією. Онъ еще былъ занятъ сновидѣніемъ, какъ длѣнительные звуки божественнаго голоса, сливашіеся съ уладительными Аккордами лиры, поразили слухъ его. Онъ слѣдуетъ за гармонією, и скоро находитъ Идонію въ великолѣпной палаткѣ. Убранство увеличивало красоту ея, а пламенные взоры проникали до глубины сердца,

Онъ поспѣшь хотѣлъ удалиться, но та удержала его. — « Поліандръ! сказала она, что ты » находишь во мнѣ ужаснаго, побуждающаго убѣгать меня? — Ахъ, прошу тебя, остановись » на минушу! познай шу, которая пріемлетъ живѣйшее участіе въ швоемъ положеніи. Ска- » завши сіе приблизилась къ нему, и взявши его за руку, Поліандръ! прибавила она, ты не » откажешся успокоиться, хопя на минушу, въ моей палаткѣ; я неперѣливо жалаю предста- » вишь взорамъ швоимъ шу неизмѣримую бездну, въ которую хопяшь свергнушь тебя, и ежели » не буду въ силахъ раздрать предъ тобою волшебную завѣсу, тогда въ швоей волѣ оставишь » меня, чшобы слѣдовать коварнымъ женщинамъ, которыя заранѣе наслаждаются своимъ успѣ- » хомъ. » — Въ сію минушу они увидѣли, приближающуюся Аретію. Ошсущствіе любимца » сдѣлалось подозрительно, она пошла искать его, и увидѣвши, разговаривающаго съ ея смер- » пельною непріятельницею, сѣшила отвратить оболъщеніе. — « Неблагоразумный! сказала она, » схвативъ его за другую руку, такъ - то слѣдуешь ты моимъ совѣтамъ? Подъ цвѣтами, укра- » шающими сѣпи, не видишь ли ты все безобразіе эпош? . . . О молодой человекъ, вошть испол- » неніе кляпвъ швоихъ! Ты ищешь Эвдемона, и предпочитаешь Идонію Аретіи. Взгляни еще » разъ на множество скаль, теряющихся въ облакахъ, на величественный храмъ, увѣнчанный

» лучами безсмертія , тамъ только найдешь ты свое счастье . Спупай , время еще не ушло !
 » спупай , садись на эту лодку ; и съ сего мгновенія очарованія Идоніи неподѣйствуютъ на
 » тебя . » — Произнесши сіе , она повлекла Поліандра , призывая на помощь Софію . Но сія не
 могла услышать ее , ибо Идонія , жаждущая гибели чловѣчества погрузила ее въ глубокой
 сонъ . Несчастнй путешественникъ находился въ жалоспномъ положеніи , увлекаемый попере-
 мѣнно сими двумя соперницами , онъ не зналъ , которой изъ нихъ отдасть преимущество ,
 Иногда склонялся на сторону Аретіи , но одинъ взоръ Идоніи разрушалъ шоль благородное на-
 мѣреніе . Онъ хотѣлъ за нею слѣдовать , и Аретія снова брала преимущество . Идонія рѣши-
 лась нанести роковой ударъ , чтобы прекратить борьбу , которой не предвидѣла конца . — « По-
 » ліандръ , сказала она , любезный Поліандръ ! я смѣло утверждаю , что Эвдемонъ находится на
 » моемъ оспровѣ . Сія безспыдная женщина увѣряетъ тебя въ прошивномъ , знай , что ложъ
 » и коварство наполняютъ сердце ея . Выслушай меня и наконецъ изслѣдуй , которая изъ насъ
 » достойнѣе обладать тобою . Прими руку мою , и будь счастливымъ супругомъ . Не видишь
 » ли ты оспода брачное ложе ? Не примѣчаешь ли чашу Гименей ? для тебя это приготовлено :
 » сѣвши вкусишь тамъ сладкія плоды , и оспавя на вѣки женщину , преслѣдующую тебя ; спупай

» въ мои владѣнія раздѣлять мое могущество. » — Идонія умолкла и устремила на него нѣжные взоры. Нужно ли говорить о томъ болѣе? Учинившись клятвопреступнымъ, онъ отпринулъ любезную Аретію, чтобы слѣдовать за шой, которая обѣщала ему свою руку. Вдругъ раздалась новыя аріи, богатые занавѣсы опустились, и испивши до дна чашу сладострасія, Полиандръ почтпалъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ . . . Но, увы! какъ скоро исчезла мечта сія! перенесенный въ Идонійскую землю, онъ умножилъ число несчастныхъ, коихъ лишила разсудка сія опасная Сирена. Ему же оный былъ возвращенъ только для того, чтобы болѣе чувствовать весь ужасъ своего положенія. Тогда казалась Идонія только гнусною, коль прелестна была она на островѣ Аретіи. Онъ хотѣлъ осыпать ее укоризнами, но былъ препровожденъ на островъ Липирось, откуда по испеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ мученіяхъ онъ освободился, чтобы напослѣдокъ отправиться въ землю Фанатось, гдѣ нашелъ Эвдемона въ объятіяхъ Смерти.

Молодые люди, читающіе сію повѣсть, приподымите на минушу аллегорическую завѣсу, покрывающую оную и да будетъ сіе для васъ полезнымъ урокомъ. *Фисія*, есть природа наша общая мать, коеи совѣтами пренебрегать не должно. Въ прекрасной *Софии* видите вы мудрость, которая должна быть вашею путеводительницею на

бурномъ океанѣ сего свѣта, названномъ здѣсь *Визо*. Сеспра ея *Аретія*, ничто иное, какъ добродѣшель, которой вы никакъ не должны оставяшь, чпобы не быть обольщеннымъ пагубными совѣтами *Идоніи*, подъ именемъ которой разумѣемъ сладострастіе, мать всѣхъ пороковъ. Ужасная участь *Полиандра* да отвратишь васъ навсегда отъ злополучнаго пути. Сей несчастный есть человѣкъ, склонившій слухъ свой къ лести смертельнаго врага своего. Въ роломная обольстительница сія влечетъ за собою печаль и раскаяніе, коихъ островъ *Липирозъ* есть всегдашнее обиталище. Что касается до *Эдемона*, шо признавайше въ немъ счастье, неразлучное съ добродѣтелию, и безразсудные, пренебрегающіе оную, чпобы предаться пустымъ удовольствіямъ міра, не иначе находятъ его, какъ въ пристанищѣ Смерпи, вѣчной самодержицы острова *Θανάτου* (*).

(*). *Примѣч.* Греческій языкъ доставилъ имена мѣстъ и лицъ, упомянурыхъ въ семъ иносказаніи. — *Ἡ ψύξις, ἡ σοφία, ἡ ἀρετή, ἡ ἰδονή, λυπήρος, Ἐυδαιμόνια, ὁ Θάνατος.*

КАРТОЧНЫЙ ДОМИКЪ.

Господинъ Вершоель имѣлъ двухъ сыновей. Старшій назывался Фридрихомъ и былъ самаго вспыльчиваго характера. Онъ любилъ дѣлать все напрошивъ брату своему, Амедею, бывшему моложе его двумя годами, и рѣдкой день проводили они безъ ссоры. При всемъ томъ, оба любили заниматься науками, почивали своихъ родителей, и когда маленькія распри утихали, то они казались лучшими дѣтьми въ свѣтѣ.

Въ одно утро Фридрихъ бѣгалъ за бабочками; Амедей, возлѣ каменнаго стола, изощалъ все свое искусство надъ карточнымъ домикомъ. Онъ провелъ болѣе четверти часа, чтобы утвердить зыбкое его основаніе, и послѣ такихъ трудовъ поспавилъ уже и впорой эпажъ. «Дѣло кончено.» сказалъ онъ; но вдругъ прибѣгаетъ братъ его, сердится, кричитъ и однимъ ударомъ разрушаетъ плодъ продолжительнаго занятія.

Залившись слезами, Амедей побѣжалъ къ отцу своему. Г. Вершюель позвалъ Фридриха и довольно побранилъ его за столь худой поступокъ, потомъ прижавши къ своему сердцу Амедея, говорилъ ему слѣдующее: « Утѣшься, сынъ мой, и запечатаешь въ памяти наставленія отца твоего! Давно уже говорилъ Соломонъ, что все на землѣ суетно и тщетно. Созидать и разрушать — вотъ обыкновенныя упражненія людей, и твой картоной домикъ представляешь тебѣ картину *міра въ маломъ видѣ*. Сей часъ ты строишь на пескѣ, и одно дуновение Зефира могло бы разрушить зданіе, раззоренное брапомъ твоимъ, но люди копающіеся въ землѣ, чтобы утвердить въ оной основанія дворцовъ и городовъ, воздвигаютъ ли памятники болѣе твердыя? Пустая гордость, ослѣпляющая ихъ къ тому побуждаетъ, но малѣйшее колебаніе земли обращаетъ въ прахъ сіи башни, коихъ вершины терялись въ облакахъ. Ихъ огромныя зданія ничто иное, какъ *картоныя домики*.

Взгляни на высокія пирамиды, изображенныя на этихъ картинахъ. Онѣ существуютъ въ теченіи многихъ столѣтій, но что это въ сравненіи съ вѣчностію? Песчинка въ обширной степи, капля воды въ неизмѣримомъ океанѣ. Придетъ время, когда путешественникъ будетъ искать мѣста ихъ — и не найдетъ. Великій Боже! скажетъ онъ, и сіи ужасныя громады камней были ничто иное, какъ *картоныя домики*.

Ахъ! если бы было шебѣ возможно обозрѣть всѣ страны, славившіяся нѣкогда, нынѣ же
 покрытыя развалинами, которыя напоминаютъ намъ о древнемъ величїи своемъ и о ничтож-
 ныхъ предпрїятїяхъ людей. Если бы пы изъ равнинъ Мемфійскихъ былъ перенесенъ на поля
 Пальмиры, то какъ бы пы проклиналъ ихъхъ непокойныхъ людей, называемыхъ завоевате-
 лями, коихъ люпость, будучи губительнѣе и самой руки времени, разбросала по долинѣ сіи
 богатые оспатки великолѣпныхъ *картожныхъ дощиковъ!*

Гдѣ раздавался громъ побѣдъ,
 Уныло воешь въспрѣ свирѣпый;
 Гдѣ храмъ сіялъ великолѣпный,
 Въ травѣ по камнямъ змїи ползешъ.

А предпрїятїя людей, развѣ пверже ихъ памятниконъ? Ахъ, сынъ мой, какал *плѣнность*
 ко всемъ, относящемся къ роду человѣческому!

Непостоянство — доля смертныхъ,

Сказалъ одинъ знаменитый стихонворецъ. Человѣку все нравится и не нравится, онъ ве-
 селъ и печаленъ безъ причины, принимаетъ, отвергаетъ, созидаетъ, передѣлываетъ, разрушаетъ;
 всю жизнь свою шрудитъ и ничего не сдѣлаетъ кспаша.

Начнемъ съ скупаго; мы видимъ , что онъ и день и ночь заботился о собираніи сокровищъ, коихъ употребленіе самому себѣ запрещаетъ. Съ какимъ удовольствіемъ взираетъ онъ на сіи драгоценности, на коихъ, по его словамъ, успѣлъ утвердить свое счастье. Но встѣ приходитъ болѣзнь. Смерть разлучаетъ его съ идоломъ, котораго одного обожалъ онъ на земли, и сіе несчастное сокровище, истощеваясь въ рукахъ жадныхъ наслѣдниковъ, скоро представитъ однѣ развалины *картогнаго домика*.

Не лзя ли эпоже сказать и о честнлюбцѣ. Сколькo стараній, проискавъ, чнбы пріобрѣсти честь и достоинство ! Какимъ непріятностямъ и униженіямъ долженъ онъ себя подвергнуть прежде, нежели достигнетъ предмета своихъ желаній ? Проньрство , обманы , клевета, для него ничего не споюштъ, лишь бы только низпровергнуть своихъ противниковъ. Но — будучи низверженъ самъ, въ одно мгновеніе теряетъ плоды усильныхъ трудовъ, и въ отчаяннѣ уже признается, хотя поздно, что спроилъ *картогный домикъ*.

Я бы никогда не кончилъ, сынъ мой, есшьи бы хотѣлъ тебѣ представить всю картину непостоянства и суетности предпріятій нашихъ. Самыя богатства, на которыхъ большая часть людей основываютъ свои надежды, не менѣ зданій подвержены плѣнію. Онѣ исчезаютъ

погда, когда объ этомъ и не думаютъ — и кпо изчисляя многочисленныя владѣнія свои мечтаетъ нынѣ, что онъ счастливейшій изъ смертныхъ, пошъ завтра поверженъ однимъ ударомъ среди развалинъ своего *карточного домика*.

Любезный Амедей! одно только безопаснсть всякихъ злослютеній, это науки соединенныя съ мудростію и добродѣтелію. Вотъ единственное богатство, которое никогда не изсякнетъ. Человѣкъ просвѣщенный и добродѣтельный можетъ сказать подобно Біасу: « Я ношу все съ собою. » Подобно Самониду, онъ можетъ презирать въпрѣи бурю:избавившись кораблекрушенія, найдетъ всегда въ самомъ себѣ источникъ радости—и когда другіе, подверженные тому же, стануть оплакивать прелести минувшаго, онъ испытаетъ тихое удовольствіе, будучи въ силахъ подать имъ руку помощи.

Здѣсь умолкъ Г. Вертоель. Фридрихъ , стоявшій во время разговора въ углу съ потупленными взорами, не пропустилъ ни одного слова: онъ подошелъ къ отцу своему, которой простилъ его, и два брата обнявшись, обѣщались никогда забывать о *карточномъ домикѣ*.

Крестинь, и Похороны.

КРЕСТИНЫ И ПОХОРОНЫ.

Господинъ Добонъ былъ одинъ изъ тѣхъ благочестивыхъ и разумныхъ опцевъ семейства , которые при всякомъ удобномъ случаѣ спараются внушать дѣтямъ своимъ правила вѣры и нравственности. Будучи любимъ всеми, кто только зналъ его , сей рѣдкій человекъ почитался образцемъ добродѣтели и правосудія. Два сына его Юлій и Констанцій, еще въ малыхъ лѣтахъ благородными поступками доказывали , что они могутъ нѣкогда достойно слѣдовать по стопамъ отца своего. Въ одинъ день пришедши къ нему учиться Географіи они замѣтили , что онъ опираетъ слезы. Съ нѣжною заботливостію просили его открыть причину своей горести. « Дѣти мои, сказалъ онъ, сумъ билеюмъ извѣщаю васъ о смерти добраго Сюрвеля, другаго изъ друзей нашихъ. Погребеніе его будетъ сего дня поутру , и связи, существовавшія между нами, обязываютъ меня присутствовать на печальной церемоніи. Хочу, чтобъ и вы были свидетелями оной. Пора уже вамъ знать, чѣмъ оканчиваются всѣ наши предпріянія и надежды. »

Юлій и Констанцій имѣли чувствительное сердце, сіе извѣстіе сдѣлало на нихъ живѣйшее впечатлѣніе. Какъ скоро вспомнили, что за восемь дней предъ симъ Г. Сюрвель на помѣ же самомъ мѣстѣ, гдѣ они узнали о его смерти, подарилъ имъ по прекрасному Телемаку, по заплакали, и слезы ихъ смѣшались съ слезами родителя.

Все было готово къ опѣзду. Г. Добонъ отправился съ своими дѣтьми въ жилище покойнаго. Спѣны увѣшаны чернымъ, въ ногахъ при гробѣ стояла святая вода; по обыкновенію (*) они окропили ею смертные оспайки своего друга, и скорѣй показался печальный одръ, на комъ должно было опвесити его къ послѣдному пристанищу. Они сѣли въ назначенную карету и отправились за гробомъ. Церемонія остановилась возлѣ церкви, гдѣ все уже было приготовлено къ погребенію. Г. Добонъ съ дѣтьми входитъ въ оную, и взорамъ ихъ представляется зрѣлище весьма обыкновенное, это правда; но въ погребеніи обстоятельстве, составлявшее противъ должную карину. Одинъ изъ служителей олтара крестилъ младенца, родившагося наканунѣ. На лицахъ людей, окружавшихъ купель изображалось живѣйшее удовольствіе, между тѣмъ какъ

(*) Это Католическое обыкновеніе.

съ другой стороны погребальное пѣніе увеличивало общую печаль. Сіи двѣ крайности, столь чудно соединившіяся, наполнили сердца предстоящихъ печальнымъ чувствованіемъ, что послужило Г. Добною предметомъ слѣдующаго разговора съ своими дѣтьми.—«Видишеля, дѣти мои, сказалъ онъ, когда поѣхали провожать покойнаго, *рожденіе* и *смерть* соспавляютъ наше назначеніе. Природа даруетъ намъ жизнь, не опредѣляя ни дня, ни часа, когда должно возвратитъ оную: возьметъ когда захочетъ. Мы сами получили ее съ такимъ же условіемъ. Смертный, будучи всегда слабъ и падая отъ малѣйшаго удара, здѣсь ничто иное, какъ бѣдный странникъ, приходящій остано- виться въ обширную гостиницу, въ которой одни смѣются другимъ. Онъ останавливаетъ оную, чтобы послѣ никогда не возвращаться, и подобно ему все, коихъ онъ тамъ оставилъ, останавливаетъ оную безъ малѣйшей надежды возвратиться.»

Юлій. — «Ваши слова, любезный батюшка напоминаютъ мѣсто, читанное мною въ одномъ изъ писемелей, которыхъ изъяснялъ мой учитель: «По словамъ Аристошеля, въ Азіи, на берегу нѣкоторой рѣки находятся насѣкомые, которыхъ жизнь продолжается не болѣе дня. Кто изъ нихъ умираетъ въ восьмомъ часу, шестъ дожилъ до старости, а видѣвъ захожденіе солнца — это уже дряхлость.»

Констанцій. — Если это правда, папунька, то сіи малыя животныя, гораздо несчастнѣе насъ, ибо, что такое день въ сравненіи съ годомъ? Да и мы вѣдь еще не знаемъ, сколько проведемъ оныхъ на свѣтѣ?

Г. Добонъ. — Писатель, про котораго сей часъ говорилъ Юлій, дастъ тебѣ удовлетворительный отвѣтъ. Онъ кажется прибавляетъ: — «Сравните самую долгую жизнь человѣка съ вѣчностію, и вы увидите, что она еще короче.»

Вся наша жизнь, о Безначальный!
 Предъ шайной вѣчностію Твоей,
 Едва минушее мечтанье,
 Лучъ блѣдный утренней зари.

Юлій. — Прекрасно, бапюшка: я думаю, что лучше эшаго не возможно дать понятія о кратковременности жизни нашей.

Констанцій. — Такія размышленія до сихъ поръ еще не приходили мнѣ въ голову: но въ наши лѣта, кажется, очень не кспаша думать о смерти.

Г. Добонъ. — Какія бы ни были наши лѣта и соспояніе, сынъ мой, мы непрестанно под-

вержены ея губительнымъ ударамъ , а для того не должно забыватьъ , что можемъ быть поражены внезапно. Послушай, что сказалъ объ этомъ Милертъ.

(*) Ничто не можешь быть жесточе лачной смерти,
 Хоть просимъ мы ее,
 Неумолимая не внимаешь воплямъ, спонамъ,
 Напрасный будешь трудъ.
 И въ вешхой хижинѣ, соломою покровенной,
 Покорна бѣдность ей;
 И мощный Государь, среди шолпы безспрашныхъ,
 Падешь къ ея спонамъ.

(*) La mort a des rigueurs à nulle autres pareilles,
 On a beau la prier,
 La cruelle qu'elle est se bouche les oreilles,
 Et nous laisse crier.
 Le pauvre en sa cabane, où le chaume le couvre,
 Est sujet à ses lois,
 Et la garde qui veille aux barrières du Louvre,
 N'en défend pas nos rois.

Юлій. По этому нѣтъ ни одного счастливица на землѣ?

Г. Добонь. Ни одного, сынъ мой! Нѣкто изъ древнихъ Философовъ перебралъ всѣхъ великихъ людей своего времени, и не нашелъ ни одного, которой бы былъ совершенно благополученъ. Тотъ, кто болѣе другихъ умѣетъ обуздывать страсти свои, можетъ назваться менѣе несчастнымъ.

Окончивъ сіе, Г. Добонь примѣшилъ стѣны монастыря, при которомъ находилось кладбище. Онъ вышелъ съ дѣтьми изъ кареты, и вмѣстѣ съ родственниками и друзьями покойнаго, приходитъ на мѣсто, гдѣ должно было предать его землѣ. Предъ опусканіемъ тѣла, пожилой человекъ, украшенный сѣдинами, попросилъ зрителей стоять вокругъ могилы, и твердымъ голосомъ произнесъ слѣдующее: «Зрѣлище, представляющееся взорамъ вашимъ, Слушатели, по-
» даетъ мнѣ случай сказать нѣсколько словъ, о предметѣ сей печальной церемоніи. Собрав-
» шись въ плачевныя мѣста сіи, куда призываетъ насъ бренностьъ человѣчества, мы готовы
» предать общей матери, одного изъ чадъ ея. Что совершаемъ и теперь съ Г. Сюрвелемъ, тоже
» самое, быть можетъ очень скоро, произведешь и надъ нами; въ ожиданіи сего неизбѣжнаго
» конца, къ которому приближаемся мы быспрыми шагами, да научатъ насъ; добродѣтели сего

» мужа, унопребитъ крапкій оспапокъ пупи нашего на дѣла добрыя и полезныя. Я ничто не скажу
 » ни о богатствѣ, ни о могуществѣ Г. Сюрвеля. Будучи воспитанъ въ вышшемъ сословіи,
 » онъ достойно исполнялъ возложенныя на него должности. Никогда вопли вдовъ и сиротъ не
 » возставили противъ него, и никогда несчастные напрасно не умоляли его о помощи. Сколько
 » разъ даже самъ онъ входилъ въ убѣжище бѣдныхъ, и собственными руками облегчалъ тя-
 » гостное иго плѣхъ, которые не смѣли о томъ и просить его. Добрый сынъ, попечительный
 » отецъ, вѣрный другъ и лучший гражданинъ! Онъ оставилъ по себѣ горестъ; и воспоминаніе о
 » прекрасныхъ его качествахъ будетъ для насъ незабвенно. — Почто неумолимая смерть, по-
 » хишила изъ среды насъ добродѣтельнѣйшаго? Вы довольно хорошо знали его. Слѣдующіе Слу-
 » шатели! Г. Сервелю, едва исполнилось 35 лѣтъ, и ничто не предвѣщало столь скорую раз-
 » луку. Онъ бы долго еще былъ полезенъ опечеству, и составлялъ бы щастіе окружающихъ
 » его. Но тайны судьбы неисповѣдимы! — Можемъ ли мы роптать на то, что избавило его
 » отъ оковъ, удерживавшихъ на земли, поелику и въ столь крапкое время жизни, онъ успѣлъ
 » совершить подвигъ свой съ честію и славою. Прѣ послѣдней минутѣ своей оказалъ христі-
 » янское терпѣніе и неуспрашимость; онъ зналъ, что крапкость жизни есть самое большое

» благодареніе природы, и доказалъ, что мудрый не сожалѣетъ о сей брэнной оболочкѣ, которую мы сбрасываемъ, чтобы возвратиться въ вѣчное жилище — общее опечество наше.

» Въ самомъ дѣлѣ, Слушатели ! сей послѣдній день, есть день не разрушенія души его, но вожделенный день переселенія ея въ вѣчность: и такъ, чего же еще намъ желать болѣе? При-
» мѣръ его да укрѣпитъ насъ, и подобно вѣрному воину, которой, падая подъ губительнымъ уда-
» ромъ, приверженъ еще къ тому, за кого изливается послѣдняя капля крови его, не позабудемъ
» справедливаго изреченія сего: *Господь приближище мое.* »

Сія рѣчь глубоко пронула слушателей, и особенно Г. Добоня. Юлій и Констанцій посвящали новыя слезы шѣни друга своего; сплукъ камней, падающихъ на гробовую крышу, которую начинали уже зарывать опдался въ сердцахъ ихъ; медленными шагами слѣдовали они въ задумчивости за опцемъ своимъ, среди многочисленныхъ и великолѣпныхъ Мавзолеевъ, обремененныхъ пышными надписями, гдѣ мраморъ и металлъ заключаетъ въ себѣ пыль — прахъ.

Кто всякихъ чуждъ предразсужденій,
Кому всѣ братья , всѣ друзья;
Кто добродѣтель чинитъ священну ,
Блаженъ лишь щасіемъ другихъ—
Смотрише, какъ онъ въ гробъ низходитъ!
Онъ внемлетъ гласъ судьбъ верховныхъ;
Палъ посохъ изъ руки его ! . . .
То сынъ по странствіи далекомъ ,
Къ отцу благому въ небо идешь!
Скажише ниѣ: ужасна ль смерть?

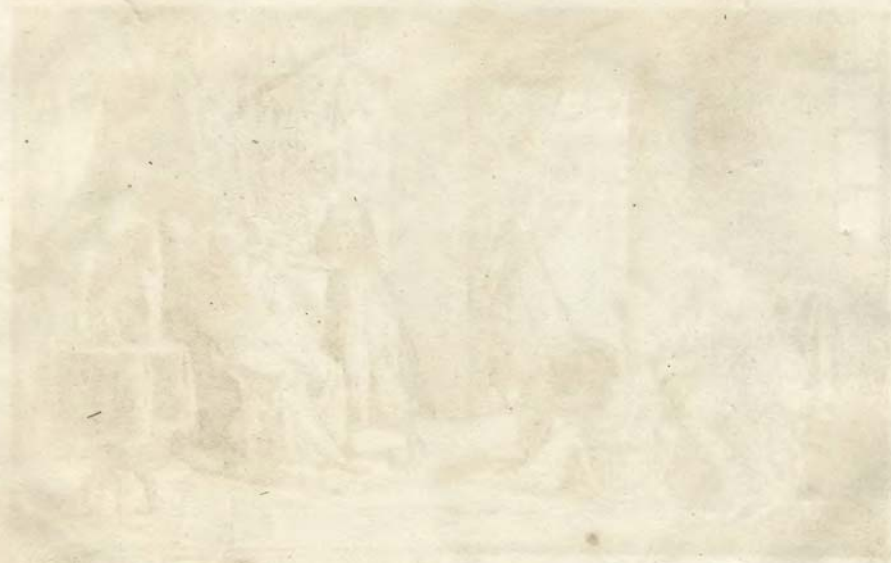

МЛАДЕНЕЦЪ ВЪ КОЛЫБЕЛИ
И
СТАРЕЦЪ НА КРАЮ ГРОБА.

На другой день, послѣ обѣда Г. Добонь съ дѣтьми своими, поѣхалъ прогуливаться въ Булонскій лѣсъ, чпобы нѣсколько разсѣять печаль, причиненную потерю своего друга. При выѣздѣ за заспаву, онъ вышелъ изъ коляски, желая предсавить ихъ Г-жѣ Даранкуръ, которой супругъ, умершій уже назадъ тому нѣсколько лѣтъ, оказалъ ему нѣкогда важныя услуги. Сія почтенная дама жила на Елисейскихъ поляхъ, въ маленькомъ прекрасномъ домикѣ, которой раздѣляла она съ опцемъ своимъ, слѣнымъ спарцемъ, и съ Г-жею Вальбрюнь, единственною дочерью, имѣвшею уже многихъ дѣшей, изъ коихъ старшая, по имени Стефанія, вступила на седьмую весну своей жизни. Сіе прелестное швореніе при входѣ ихъ, подносило своему прадѣдушкѣ чашку съ молокомъ, между шѣмъ, какъ съ другой стороны мать ея Г-жа Вальбрюнь, ласкала

Младенцевъ въ колыбели, и Старцевъ на краю гроба.

меньшого изъ дѣтей своихъ. Она сама кормила его, и невинной улыбки довольно было, чтобы вознаградить въ полной мѣрѣ всѣ ея попеченія.

Юлій и Констанціи были поражены сею противоположностію; заря и сумракъ жизни человѣческой, такимъ образомъ сближенные, произвели въ душѣ ихъ разныя сужденія, которыя они желали сообщить опцу своему. Коль скоро проспился съ Г-жею Даранкуртъ, и сѣли въ коляску, то первый, Юлій, началъ разговоръ слѣдующими словами.

Паничка, не уже ли я и братъ мой были стель же слабы и малы, какъ сынъ госпожи Еэльбрюнъ?

Г. Добонъ. — Конечно, мой милый, таково бываетъ сначала состояніе челоѣка, прекраснѣйшаго изъ твореній. Природа, дающая другимъ животнымъ одежду, каждому по своему роду, бросаетъ насъ на землю нагихъ, и съ сей минуты оставляетъ на жертву неумолимой судьбы.

Констанціи. — Развѣ ребенокъ, не отвѣчаетъ на ласки своей матери, пріятною улыбкою?

Г. Добонъ. — Вопли его начинаются съ жизни, а смѣхъ появляется не прежде сорока дней.

Юлій. — Для чего же его такимъ образомъ связываютъ, пеленаютъ?

Г. Добонъ. — Другія животныя, руководимыя однимъ инстинктомъ, поддерживаются, лезаютъ

и плавають, безъ помощи другихъ; при самомъ рожденіи, но челоѣкъ, самъ по себѣ ничего не можетъ, ни говорить, ни ходитъ, ни ѣсть: плакать вошь единственная способность, данная ему опъ природы, безъ всякаго учителя. По сему до шѣхъ поръ не должно освобождать его опъ пеленокъ, пока не будетъ въ состояніи держаться на ногахъ.

Юлій. — И такъ, сколько заботъ причиняешь дѣтя своимъ родителемъ, прежде нежели, онъ можетъ обойтись, безъ ихъ попеченій!

Г. Добонь. — Тѣ кои не отдають дѣтей своихъ на руки наемниковъ, и рачительно исполняють все предписанная природою обязанности, шѣ одни могутъ знать, чего стоить воспитать сіе бѣдное созданіе, котораго желанія столь же обширны, сколь бренно состояніе его. Вошь для чего дѣти сіи будутъ всегда любить добрую и иѣжную мать свою, которая столько стараешся объ нихъ и предупреждаетъ ихъ самоналѣйшія нужды.

Констанцій. — Развѣ не все дѣти любятъ своихъ родителей?

Г. Добонь. — Эпошь вопросъ дѣлаешь шебѣ похвалу, любезный сынъ. Твой братъ и пы, рѣдко причиняли намъ неудовольствія, и потому неудивительно, что пы не могъ имѣть помянія о томъ, что еешь чудовища, неказывающія почшенія къ виновникамъ дней своихъ. Но

нерѣдко встрѣчаются сердца жестокія, всегда готовые восстать противу власти родительской, и свергнуть съ себя иго повиновенія.

Натурально, что родители и сами иногда заблуждаются, и сами имѣютъ нѣкоторыя недостатки — своеправіе; но если бранить и попустому, то сыновняя любовь должна извинять это. Одинъ молодой человекъ, долгое время учился у Зенона. По возвращеніи отъ него, отецъ спросилъ его, что онъ выучилъ. Онъ отвѣчалъ, что это покажетъ на самомъ дѣлѣ. Отецъ, будучи недоволенъ такимъ отвѣтомъ, взялъ палку и началъ бить своего сына, а сей пребывая неподвиженъ подъ ударами, принималъ оныя съ терпѣніемъ: *вотъ гелу я научился* сказалъ онъ, *носить безъ ропота еявѣ отца моего.*

Только дитя избалованное можетъ жаловаться на своихъ родителей. Ахъ! желайте нашей сноровости: можетъ быть, нѣкогда вы будете порицать насъ за наше снисхожденіе. Какъ бы разгнѣванъ ни казался отецъ, вспомните, что онъ при всемъ томъ, наилучшій другъ вашъ, и если принужденъ наказать, то терпите вдвое.

Конст. нціи. — Съ какимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на маленькую Стефанію, заботящуюся о семъ добромъ старичкѣ, которой едва уже могъ держаться на ногахъ, и коего зрѣніе при-

пунилось на вѣки! Сколь жалокъ онъ! О! я почту себя счастливымъ, если буду оказывать подобныя услуги своему дѣдушкѣ, когда онъ будетъ находиться въ такомъ же положеніи.

Юлій. — И я также, братецъ; мы бы оба облегчали его участь. Не такъ ли папилька?

Г. Добонь. — Какъ пріятно слышать васъ, любезныя дѣти! Ахъ! сохраните навсегда сіи благородныя чувства, и берегитесь подражать молодымъ людямъ сего времени, для коихъ старость есть предметъ пренебреженія и насмѣшекъ. Нечувствительные! думаютъ, что они другой природы съ тѣми, коихъ презираютъ. — Много ли прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ сіи существа, кои не боясь показывать такую надмѣнность, были подобны дряхлому старцу? Чѣмъ они были, тѣмъ еще онятъ будущъ, если Творецъ природы позволилъ имъ совершить обширный кругъ жизни, отъ одного конца до другаго. Кустарники, смѣются надъ старыми дубами, представляющими только остатки прежней зелени! О! если бы внялъ гласу человечества, молодые люди не красѣли, сославляя спасительную опору старости. Нѣкогда уважались сѣдины, и морщины на лбу были почтеннымъ шипломъ. Молодые люди внимали урокамъ старшихъ, кои оживляли въ нихъ любовь къ добродѣтели. Во времена проспопы, говорятъ Ювенальъ почиталось преступленіемъ, если молодой человекъ не вспанетъ предъ старцемъ или

диптя предъ юношею. — Хотя диптя сіе и видѣло въ хижинѣ опца своего, болѣе плодовъ и жолудей.

Законами Спаршанцевъ , молодымъ людямъ предписано было не только почиташь своихъ родителей, и повиновашься имъ, но и уважашь спаршихъ. Они также уступали имъ дорогу, вставали передъ ними, и во время ихъ шествія , спояли неподвижно съ наклоненными головами.

Когда Г. Добонь переспалъ говорить, коляска уже подѣхала къ рѣшеткѣ сада. Они вышли изъ оной , и оставивъ при ней стараго слугу , пріѣхавшаго съ ними , пошли въ одну изъ алей, представившихся взорамъ ихъ.

С Т А Р О С Т Ь.

Хотя Г. Добонь и старался изъ всего вывести нравоученіе для дѣтей своихъ, но не смотря на то, онъ не былъ изъ числа тѣхъ нравоучителей, которые думаютъ, что потеряютъ свое достоинство, если на минуточку сойдутъ съ поучительной кафедрой. Заходя далѣе въ лѣсъ онъ разговаривалъ съ дѣтьми своими о красотѣ мѣстоположенія, и показывалъ многочисленныя украшенія, сдѣланныя въ печеніи нѣсколькихъ лѣтъ, въ разныхъ частяхъ сего обширнаго гульбища. — Возвращаясь по одной алѣ, они увидѣли, возлѣ дороги подъ столѣтнимъ дубомъ прехъ стариковъ, которые казалось углубились въ предметъ своихъ разговоровъ. По платью ихъ, приличному разнымъ званіямъ, которыми проходили они, можно было узнать, судью, воина и церковнослужителя. Такимъ образомъ, случай соединилъ въ семь мѣстѣ то, что есть въ обществѣ самаго почтеннаго и опличнаго. Одинъ изъ нихъ, по видимому служи-

тель Θεμиды, сидѣлъ при корчѣ дерева и черпилъ простіею своею на песокъ; а двое другихъ, опершись на свои палки, слушали его съ глубокимъ вниманіемъ. Жаръ, съ которымъ онъ говорилъ, заставлялъ думать, что изъясняетъ великія таинства природы. Г. Добонъ и дѣти его сѣли на правѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дерева, и какъ ораторъ произносилъ очень громко, то изъ первыхъ словъ узнали они, что онъ располагаетъ двѣ великія арміи, и слѣдовало только начать сраженіе. — « Воишь, говорилъ онъ, воишь мой резервный корпусъ; я его помѣщаю за симъ аврагомъ. Здѣсь моя пѣхота, тамъ конница. Въ войскѣ моемъ я вижу слабую сторону, но это та хитрость, которою я хочу уловить непріятеля. Между тѣмъ, какъ подвигаю среднюю армію, лѣвое крыло разтягивается до праваго, онъ нападаетъ на мое, мы спускаемъ, запасное войско останавливаемъ его: онъ сопротивляется, и въ то время, какъ я дерусь съ жестокостію, одинъ изъ моихъ генераловъ скорымъ маршемъ . . .

Военный. — Заходишь сзади, окружаешь, и вы берете въ плѣнь двѣ прети его арміи.

Судья. — Точно такъ вы это отгадали.

Военный. — Очень хорошо, но позвольте вамъ сказать, вы здѣсь мало выиграете. Мы имѣемъ дѣло съ непріятелемъ очень хитрымъ, а сѣши напрошивъ того довольно примѣшны; и онъ

не скоро опдаеися въ обманъ. Во время сраженія при Фонпенуа случилось поже. При началіи дѣйсвія . . .

Аббатъ.— Ахъ! — вопъ опять за поже; все ваше сраженіе при Фонпенуа; все непобѣдимаа колонна.

Военный.— Чпо же можете сказать пропиву сего? Не правда ли, что эпошъ знаменитый день увѣнчалъ славою Французское оружіе? О! погода была прекрасная, какъ сего дня. Какіе солдаты! какіе Генералы! нынѣ вы не скоро найдете такихъ.

Судья.— Можешъ бытъ; но почему вы ничего не сказали о спашскихъ? гдѣ наши Ламуаньоны, Агвессо.

Разговоръ спариковъ былъ бы безконеченъ. Г. Добонъ не хотѣлъ болѣе слушать, вспалъ и пошелъ далѣ. Вы видите, любезныя дѣши, сказалъ онъ, опошедъ нѣсколь-ко шаговъ, вопъ одна изъ спранностей сего возраста: сажалъшъ о настоящемъ, и перевозно-силь прошедшее. Нѣкогда находилось въ саду Палерояля (*) спарое дерево, называемое

(*) Королевскій дворецъ и публичное гульбище въ Парижѣ.

Краковію. Подъ тѣнію онаго, собирались обыкновенно всѣ праздные старики столицы, гдѣ, они полковали подобно тѣмъ, коихъ мы сей часъ оставили. Тамъ предводительствовали войсками, давали сраженія, свергали Королей, ссорили и мирили народовъ; вѣкъ Франциска I^{го} получалъ у нихъ преимущество въ вѣкъ Людовика XV, и заключали обыкновенно тѣмъ, *что лучше бы умереть тогда, нежели жить нынѣ.*

Юлій. — За тѣмъ же старики, коихъ мы сейчасъ слышали порицаютъ людей одинакаго съ ними званія, а оказываютъ справедливость въ разсужденіи другихъ.

Г. Дубон. — Въ закоренелыхъ лѣшахъ своихъ, они слѣдуютъ сумазбродству, свойственному всѣмъ людямъ, ибо мы обыкновенно возстаемъ противъ тѣхъ изъ нашихъ современниковъ, кои исправляютъ одинакія съ нами должности, къ чему побуждаетъ одно самолюбіе, которое внушаетъ намъ, что унизивъ ихъ, сами возвысимся, или по крайней мѣрѣ, будемъ равны имъ. Чтожь касается до тѣхъ, кои превосходятъ насъ въ другихъ отношеніяхъ, то охотно признаемъ ихъ достоинства, поелику не боимся быть помрачены ими.

Констанцій. Но, вѣрно, не всѣ старики между собою сходны, ибо отецъ Г-жи Даранкуртъ, имѣетъ много отличнаго.

Г. Добонь. — Бываютъ, сказалъ Цицеронъ, старики слабоумные и смѣшные, неимѣющие ни памяти, ни разсудка; но сіе зависитъ отъ характера, а не отъ возраста.

Юлій — Развѣ не всѣ они несчастны?

Г. Добонь. — Начало и конецъ на пути жизни нашей изобилуютъ терпѣемъ, и горе тому, кто не нашелъ спокойствія въ самомъ себѣ. Пользующійся внутреннимъ щастіемъ, ничего не щипаетъ за зло, что случается по законамъ природы. Здѣсь все имѣетъ свои предѣлы, свою почку плѣнія и разрушенія, такимъ образомъ и человекъ подобно зрѣлому плоду низнадеетъ въ совершенномъ созрѣніи. Старость, есть зло для безумца. Наилучшее утѣшеніе ее въ оной сущь науки и добродѣтели, посвященныя на зарѣ жизни: онѣ производятъ плоды, весьма драгоцѣнные, не потому только, что пребудутъ съ нами неразлучно и во время позднаго вечера, но и потому что чистая совѣсть и воспоминаніе добрыхъ дѣлъ, есть самое высочайшее благо. Какое удовольствіе провождать дни свои въ служеніи порокамъ — въ честолюбіи, проискахъ, крамолахъ? ... Повѣрь, любезный Юлій, съ душою просвѣщенной науками и познаніями нѣтъ ничего щастливѣе тихой старости.

Юлія. — Но воспоминаніе приближающейся смерти развѣ не дѣлаетъ ихъ несчастными?

Г. Добонь. — Безъ сомнѣнiя, сынъ мой, несчастенъ старецъ, который въ теченiи жизни своей не научился презирать сію смерть, которую должно почитать благомъ, ибо она разрушая тѣло, препровождаетъ душу въ жилище безсмертія. Можетъ ли онъ оплакивать участь свою, если оную равномерно раздѣляетъ съ нимъ и юноша? Смерть молодыхъ подобна пламени, потушенному водою, а смерть старца есть свѣтильникъ, угасающій самъ по себѣ. Съ прищупленіемъ всѣхъ чувствъ, и любовь къ жизни прищупляется. Дѣтя имѣетъ склонности, не свойственныя юношѣ; юноша имѣетъ свои непристойныя мужу; а сей предаётся новымъ удовольствіямъ, о коихъ и не думаетъ старецъ; у старца бываютъ особенныя желанія, послѣднія въ жизни, которыя исчезаютъ подобно другимъ: онъ сего онъ скучаетъ жизнью, и тѣмъ доказываетъ, что лѣта его исполнились, и время смерти настало.

Ю Н О Ш Е С Т В О.

Et qu'en veux — tu faire de ce sang, bête féroce? le veux-tu boire?

(J. J. ROUSSEAU).

Г. Добонь былъ прерванъ произительнымъ крикомъ. Оборотившись въ сторону, онъ увидѣлъ, между кустарниками двухъ молодыхъ людей, дравшихся на шпагахъ, изъ коихъ одинъ получилъ смертельный ударъ. Узнавъ на руки Секунданша, онъ не имѣлъ уже силъ держать свою шпагу, между тѣмъ какъ побѣдитель смотрѣлъ на жертву свою съ злобною улыбкою и спокойно надѣвалъ шляпу. Человѣколюбивый и великодушный Добонь бросился на помощь къ раненому. Онъ находить прощину, и сопровождаемый дѣшми своими, достигаетъ того мѣста, гдѣ лѣсъ, будучи гораздо рѣже, представлялъ пространство довольно обширное для такихъ сраженій.

Старость.

Юность.

Увидѣвъ его, противникъ исчезъ съ однимъ изъ зрителей сего ужаснаго произшествія , и несчастный молодой человекъ остался безъ памяти на рукахъ своего спутника. Г. Добонь спѣшилъ перевязать рану его, изъ коей кровь текла ручьями, и исполнивъ сей печальный долгъ, думалъ о средствахъ вынести его изъ сего мѣста, гдѣ не льзя было подать ему и самонужнѣйшей помощи.

Оставивъ дѣшею возлѣ раненаго , онъ побѣжалъ къ своей коляскѣ , и приказавъ подѣхать къ лѣсу положилъ въ оную несчастнаго, которой не оказывалъ ни малѣйшаго знака жизни. Отъ друга его, узналъ Г. Добонь, что молодой Сент-Фаръ принадлежитъ къ одной, изъ знатнѣйшихъ фамилій въ столицѣ, и что будучи вызванъ на поединокъ въ нѣкоторомъ публичномъ мѣстѣ, пошелъ въ эту лѣсу, гдѣ сдѣлался жертвою своей вспыльчивости; онъ узналъ также что у него есть мать самая нѣжная — попечительная, которая не можетъ снести сего ужаснаго зрѣлища. Почему и положили оповѣсти его въ домъ Г. Добоня, гдѣ обѣщая онъ прилагать о немъ всевозможныя попеченія. Эшивалъ (другъ Сент-Фара) сѣлъ возлѣ него въ коляску, Г. Добонь велъ лошадей , а Юлій и Конспанцій въ молчаніи слѣдовали за ними. Слуга пошелъ искать другаго экипажа , и чрезъ нѣсколько времени , Сент-фаръ былъ положенъ на

подушкахъ въ наемной каретѣ, куда сѣлъ и Г. Добонъ съ Эстивалемъ, препоручивъ спарому Доминику отвезти дѣшею въ городъ.

Онъ прѣхалъ часомъ позже ихъ, стараясь поспѣшностію не обезпокоить раненаго. — Помѣстилъ его въ своихъ комнашахъ, и одинъ изъ лучшихъ докторовъ осмопрѣлъ рану; сдѣлали первую перевязку, и едва прошло два дни, какъ больной уже чувствовалъ въ себѣ довольно силы, чтобъ выдержать свиданіе съ своею матерію, которую Г. Добонъ, предувѣдомилъ на другой день, послѣ сего несчастнаго приключенія. Она хотѣла казаться спокойною, однакожъ увидѣвъ блѣдное лице своего сына, едва не упала безъ чувствъ, она не могла упрекать его, и бросившись на поспелю, орошала его своими слезами. Умѣривъ печаль свою, Г-жа Сент-Фаръ просила Г. Добоня, позволить ей самой прилагать попеченія о томъ, коего существованіе было для нее всего дороже. Просьба сердобольной матери не могла быть отвергнута, и сколь ни была спрудна должность, которую она добровольно возложила на себя; она исполняла ее съ ревностію, до того самаго времени, когда докторъ объявилъ, что больной находится уже внѣ опасности.

Каждое утро Юлій и Констанцій проводили полчаса въ его комнитѣ, и участіе, которое принимали они въ здоровьи его, дѣлало ихъ еще любезнѣе. Однажды, когда отецъ

ихъ находился шупъ же, а молодой человекъ былъ въ гораздо лучшемъ состояніи, то мать его просила рассказать, что произошло между имъ и его противникомъ, предъ свиданіемъ въ Булонскомъ лѣсу. Онъ началъ слѣдующими словами: « Я находился въ театръ во время перваго представленія одной Трагедіи, которую друзья сочинителя превозносили до небесъ. При первыхъ явленіяхъ, начался въ партерѣ шопотъ, предвѣщавшій ужасную бурю; нѣсколько спустя, громкій свистъ раздался со всѣхъ сторонъ. Офицеръ, занимавшій возлѣ меня ложу, бранилъ свиставшихъ, и говорилъ, что одни только глупцы могутъ позволить себѣ такіа оскорбленія на счетъ сочинителя. Его рѣшительный тонъ, мнѣ не понравился, и я спросилъ, знаетъ ли онъ того, кого защищаетъ? — Га! га! вскричалъ онъ, развѣ и вы одинъ изъ сумасшедшихъ, кои оуждаютъ сіе сочиненіе? — Если оно достойно эшаго, отвѣчалъ я, то не знаю, кто можетъ отнять у меня сіе право? — Я, можетъ быть, государь мой, и если хопине, то сей часъ готовъ доказать, что вы ничто иное какъ безумецъ. Такой вызовъ не могъ быть оставленъ безъ наказанія: честь обязывала меня отвѣчать ему въ такихъ же выраженіяхъ, и мы условились о мѣстѣ и часѣ, гдѣ можемъ прекратить свою ссору. Я отправился туда съ Эскавалемъ, и нашелъ дерзкаго противника

ожидающаго меня. Я нѣсколько умѣлъ фекповать, и счастливо отражалъ наносимые удары; но попому ли, что онъ былъ воспаляемъ яростию, или искуснѣ меня въ семъ ужасномъ дѣлѣ, я наконецъ почувствовалъ себя пронзеннымъ въ грудь. Небо, которое захотѣло сохранить жизнь мою, въ ту самую минушу послало ко мнѣ на помощь благодѣтельнаго чело-вѣка, которому я обязанъ своею жизнию.»

«Сынъ мой, сказала Г-жа Сент-Фаръ, когда ты отвѣчалъ на вызовъ сего чудовища, уже ли ты не подумалъ о той, которая носила тебя подъ своимъ сердцемъ, которая пишала тебя молокомъ своимъ, о той, которая столько разъ пренебрегла о тебѣ, когда ты вступалъ на поприще жизни? Наконецъ ты не пожалѣлъ о той матери, которая живетъ только для тебя, и за тобою послѣдуетъ въ землю? — Должно признаться, отвѣчалъ молодой чело-вѣкъ, въ ту минушу я внималъ только оскорбленной чести, которая повелѣвала мнѣ итти на поединокъ.»

«Слышите ли, дѣти мои? возразилъ Г. Добонъ; честь! честь! вотъ все ихъ оправданіе. О неопытная юность! когда ты спанешь презираешь звѣрскій предрасудокъ, чтобы ставить за честь изъ бездѣлицы перерѣзать другъ другу горло? — Сей ужасный предрасудокъ, ко-

второй по выраженію новѣйшихъ Философовъ, поставляетъ всѣ добродѣтели на лезви шпаги, и можетъ производить въ обществѣ только храбрыхъ злодѣевъ. Развѣ наша кровь стоить такъ мало, чтобы проливаться ее при первомъ вызовѣ какого нибудь безумца. — Та кровь, которая должна проливаться только за Вѣру и Опечесство. — Если вы неправы, то умерщвленный противникъ докажетъ ли справедливость вашу? — но положимъ, что она на вашей стороне, то долженъ ли умереть ближній для подтвержденія этаго? Кто вызываетъ васъ безъ причины, тогда доказываетъ, что онъ не въ своемъ разумѣ, но умнѣе ли и вы, если подумаете, что дуракъ оскорбилъ честь вашу? Въ древности, великіе мужи ошмщали ли, когда либо за свои обиды частными сраженіями? Цесарь посылалъ ли вызовы къ Катону, или Помпей къ Цесарю за сколько важныхъ оскорбленій? обезчестилъ ли себя великій полководецъ Греціи, снеся удары палкою? — «Другое время, другіе нравы!» — Я это знаю, но хороши ли они, и смѣли ли бы думать объ томъ, если бы нравы сего времени были такими какихъ требуетъ истинная честь? — Воздавать зломъ за зло, приличествуетъ только звѣрю, Слово *мищеніе* напоминаетъ намъ варварскіе вѣки. Ошмщивъ за себя, значить уменьшить печаль свою. Имѣющій великую душу поступаетъ, подобно льву, презирающему лайніе собакъ —

паковый подобенъ Сократу, которой не огорчаешя брыканіемъ осла. — Любезные дѣти! обезоруживайте пропивниковъ вашихъ великодушіемъ и умѣренностію, и эпаго уже довольно, чтобы сдѣлать ихъ виновными и оппяшь охоту къ поединкамъ у другихъ.»

« Впрочемъ, прибавила Г-жа Сени-фаръ, большая часть сихъ изверговъ, умѣренныхъ въ своемъ губительномъ искусствѣ, нападающъ на всѣхъ встрѣчающихся, а сами часно бываютъ первыя шусы. Кто же помнишь молодого Аншекаря, которой будучи вызванъ однимъ изъ сихъ хваспуновъ, вынулъ изъ кармана два шоколатные шарика и сказалъ ему слѣдующее: « Государь мой, я не привыкъ къ обыкновеннымъ сраженіямъ, а какъ одинъ изъ насъ непременно долженъ умереть, то вошь двѣ пилюли, изъ коихъ одна содержишь въ себѣ острый ядъ, между тѣмъ какъ другая совсѣмъ невредна, они совершенно похожи одна на другую, я предоставляю вамъ выбирать, мы съѣдимъ каждый свою, и участь опредѣлимъ, кому изъ двухъ должно быть жертвою нашей ссоры. » — Храбрець не имѣлъ смѣлости выбрать, и они разстались лучшими друзьями. — Эпопъ анекдотъ заставилъ вздохнуть дѣшей, они общались опцу своему сохраняя себя для Опечесива и никогда не проливая крови, какъ только въ битвахъ, посвященныхъ защитѣ онаго. Что касается до молодого Сени-фара, то онъ скоро выздоровѣлъ, и Г. Добонъ никогда не имѣлъ уже друга столь признательнаго и нѣжнаго.

Богослужение, и Херемия.

БОГОПОЧТЕНІЕ И НЕЧЕСТІЕ.

Напрасно намъ ничтожный человекъ
Препящивуешь вѣщать его хваленья;
Господне имя не погибнешь въ вѣкъ.

« Ахъ, папенька! сказалъ Карлъ, входя въ кабинетъ отца своего, сей часъ мы были слышаны дѣшелями ужаснаго нечестія. По утру я пошелъ съ маменькой и сестрицей въ церковь. — Мы пришли въ то время, когда священникъ приступалъ къ совершенію литургіи. Проклонивъ колѣни, мы углубились въ благочестивыя размышленія, и не смотрѣли ни на кого вокругъ себя, какъ вдругъ были поражены необыкновеннымъ шумомъ. Это заспавило меня оглянувшись, я увидѣлъ молодыхъ людей, которые стоя спиною къ олтарю, разговаривали и хохотали вовсе горло, какъ бы въ шакомъ мѣстѣ, которое посвящено забавамъ. Возможно ли? — Это происходило въ ту самую минушу, какъ другіе, будучи исполнены благоговѣнія,

» преклонялись предъ дарами, которыми осѣнялъ ихъ священникъ. Такое нечестіе произвелоявмое
 » негодованіе въ предстоявшихъ : однакожь это не отвлекло ихъ отъ разговоровъ, и небла-
 » гоприспойные крики, раздавались по сводамъ храма до самаго окончанія литургіи. »

Г-нъ Гупенбергъ былъ изъ числа людей добродѣтельныхъ. Онъ не занималъ никакого по-
 четнаго мѣста въ государствѣ, но въ уединеніи спокойно провождалъ дни свои съ женою и
 дѣтьми. Почипалъ Бога, любилъ Государя, и не спрашивалъ говорить правду. Сынъ его Карлъ
 своимъ благонравіемъ и просвѣщеніемъ былъ обязанъ попеченіямъ родителя. Во всякомъ случаѣ
 онъ прибѣгалъ къ его совѣтамъ, а сей всегда готовъ былъ прочесть ему хопя не очень
 длинное, но пріятное наставленіе: — они всегда были довольны другъ другомъ. Г-нъ Гупенбергъ
 выслушавъ Карла, приказалъ ему сѣсть и началъ говорить слѣдующее :

» Въ Древности, нѣкошорый знаменитый Софистъ, въ одномъ сочиненіи своемъ сказалъ, что
 онъ не знаетъ, существують ли боги? за что Аѣиняне сожгли его творенія, а самаго, какъ
 преступника изгнали изъ отечества. Вопшь какъ, даже во времена язычества, одно сомнѣніе въ
 бытіи Божіемъ не могло избѣгнушь спройайшаго наказанія. Въ самомъ дѣлѣ, кто будетъ
 споль безразсуденъ, чшобы обращая взоры свои къ небу, опшвергнулъ бышіе Бога ? — Изыще-

ство вселенной, (говоритъ безсмертный Массиліонъ) успройство небесныхъ тѣлъ, періодическія движенія солнца, луны и звѣздъ, при одномъ взглядѣ на оныя, довольно свидѣтельствуютъ, что все сіе не произведеніе слѣднаго случая, и обязываютъ человѣка признавать Верховное Могущество, вѣчный предмѣтъ удивленія, почтенія и любви. Потому надлежитъ благоговѣть предъ Создателемъ таковыхъ чудесъ и приближаться ко святому храму Его съ непорочною душею и чистымъ сердцемъ. Всѣ твари обязаны единому Богу своимъ существованіемъ, но человѣкъ, носящій на себѣ Его образъ и подобіе, долженъ наипаче Его почитать. Всѣ народы, какое бы не имѣли они о Богѣ понятіе, во время жертвоприношеній своихъ наблюдали всевозможную пишину и благоговѣніе. Произшествіе, котораго свидѣтелемъ былъ ты сего дня — увы! очень часто у насъ случается. Да внушишь оное тебѣ должное омерзѣніе къ нечестивымъ.

Когда они вспунаютъ въ черпоги Царей, или вельможъ, то наблюдаютъ во всемъ благопристойность и приличіе, стараются оказывать уваженіе и покорность; а во храмѣ Того, предъ Кѣмъ и самые Цари — ничто, они не знаютъ ни оспорожности, ни умѣренности. Не вѣкъ послушали предки наши, которые часто собственными выгодами жертвовали Религіи, и

исполняя обязанности благочестія, не заботились о своей безопасности, среди безчисленныхъ непріяпелей.

Безъ Вѣры, любезный сынъ, умсплованія учености подвержены заблужденіямъ. Порекъ, спраснь, нещасіе — все можетъ совратить насъ съ пути истиннаго. Для того необходимо должно противупоставить волненіямъ души такую силу, которая бы отклоняла насъ отъ несправедливыхъ мнѣній. Вѣра полагаесть сіи предѣлы; она смиряесть, возноситесть, укрѣпляетъ, руководствуетъ, озаряесть немерцающимъ свѣтомъ Истины. Слѣдующій ея законамъ умъ сознаесть, что одно только Высочайшее Существо вѣдаетъ начало сѣиопны его, и ту цѣль, къ которой должны бытъ направлены всѣ его дѣйствія. Онъ благодаритъ за нѣ высокія таинства, которыя повѣданы ему, за то сладчайшее бремя, которое возложено на него истиннымъ Богопознаніемъ.

Самые мудрые Владыки земли всегда покровительствовали и защищали Религію. Она обуздываетъ порочныя желанія и направляетъ все наши чувства къ общему благу; она превозмогаетъ самолюбіе, сноль взыскапельное, жестокое, иногда раболѣиствующее, сѣное, презрительное; она шолько можетъ убѣдишь насъ, чтобы мы уступили ближнему то, чѣмъ ему

обязаны. Гражданскіе законы искореняютъ пороки, или по крайней мѣрѣ, отвращаютъ тѣ, кои очевидны, — она же не только заспавляетъ людей бытъ справедливыми, но и пребуесть, чшобы добродѣтель, скрываясь въ еердцѣ христіанина, дѣйствовала во всемъ своемъ могуществѣ. Всегда еще можно обратишь на путь истины того, до чьего сердца достигаесть гласъ ея, между тѣмъ какъ безбожникъ не внимаесть, ни правосудію, ни совѣсти; — словомъ сказашь, человекъ, непризнающій никакихъ отношеній къ своему ближнему, не имѣющій ни страха, ни надежды на Творца всея швари, оспанеся на вѣки злодѣемъ.

Сладоспными упѣшеніями, пріятною надеждою, Вѣра облегчаесть неизбѣжныя спраданія, назначенныя въ сей жизни для каждаго, и особенно для добродѣтельныхъ. При различіи сосполній, при несоразмѣрности почестей и наградъ, она равно раздѣлаесть дары свои. Ея мудрые законы, сколь возможно, исправляютъ человѣческія слабоспи.

Проспупокъ христіанина предъ лицомъ ея есть ничшо иное, какъ кратковременная погрѣшность, послѣ кошорой онъ еще можешь ожидать милосердаго прощенія — можешь еще заслужить вѣчную награду. Преспупленіе нечестиваго, есть жало беззаконія, причина несправедливостей; поводъ къ возмущеніямъ и сигналъ кровосполитія.

О заблужденіе! хопятъ, чпобы злодѣйство существовало безъ всякаго обузданія — желаютъ уничтожишь истины доселѣ священныя, изстребиль власти, попрашь законы, распоргнушь оковы спрасшей и превратишь насъ въ шаковыхъ же чудовищъ, какъ сами. Вотъ плоды ложныхъ умствованій! Убѣгай сообщества съ сими развращенными шварями, любезный Карлъ, презирай ихъ зловредныя обольщенія! Сія ушѣшипельница несчастныхъ, копорую они опвергаютъ, сія свяшая Вѣра, да будешъ всегда обузданіемъ спрасшей швоихъ, предмѣпомъ чистѣйшей любви швоей, и основаніемъ швоего благоденствія.—«

Въ продолженіи совѣшовъ отца своего, Карлъ не смѣлъ перевести духа. Когда Г-нъ Гушенбергъ кончилъ, шо онъ бросившись въ его объятія увѣрялъ, чпо никогда не забудетъ шѣхъ высокихъ истинъ, кои нынѣ опкрышы ему.

Сыновьяя Любовь.

Отцеубийца.

СЫНОВНЯЯ ЛЮБОВЬ.

Повелѣвая любить родителей, Богъ ничего не предписалъ намъ такого, чтобы не было сообразно съ закономъ природы. Мы имъ обязаны своимъ существованіемъ: многіе говорятъ, что это еще небольшое благодѣяніе; но при всемъ томъ мы бы были извергами рода человеческого, если бы такое сужденіе могло разпоргнуть узы, соединяющіе насъ съ виновниками бытія нашего. — Тѣ, которые отъ рожденія нашего не престаюшъ прилагать неуспѣшныя объ насъ попеченія; тѣ, которые пренебрега о разрушеніи слабаго состава нашего, были столь долгое время хранителями нашими — нашимъ промысломъ; тѣ, которые не щадятъ ни трудовъ, ни собственнаго спокойствія, чтобы обезпечить нашу будущность; тѣ, которые будучи не въ состояніи снабдить насъ богатымъ наслѣдствомъ, стараются о назиданіи разума и сердца, надѣлая чрезъ то драгоцѣннѣйшимъ изъ всѣхъ сокровищъ; тѣ самые, голову я, которые произвели насъ на свѣтъ, не уже ли не приобрѣли никакого права на нашу

любовь и признательность! — Не имѣя еще разсудка, мы пропягиваемъ къ нимъ ручки, отвѣчаемъ на ихъ ласки пріятною улыбкою, все кажется предвѣщаетъ постоянную дружбу; но когда будемъ въ силахъ понимать величайшую обязанность свою, не уже ли захотимъ оспорить у нихъ законное право на нашу любовь. Можетъ быть и мы нѣкогда сдѣлаемся родителями . . . тогда должны будемъ спрашиваться, чтобы сіи несправедливости не заславили дѣтей нашихъ забывъ ихъ обязанности въ разсужденіи насъ.

Вѣра и правосудіе осуждаютъ неблагодарныхъ, которые не оказываютъ должнаго почтенія къ виновникамъ дней своихъ. Оспавленные Богомъ, презрѣнные людьми несутъ достойную казнь въ сей жизни; изіяющій адъ готовитъ для нихъ вѣчныя мученія, по ту сторону гроба. Ничто такъ не обличаетъ беззаконника, какъ неповиновеніе власни родителей, коимъ мы обязаны совершенною покорностію во всемъ, что только не противно законамъ Божескимъ и человѣческимъ. И предполагая даже, что они спали бы отъ насъ требовать чего либо и неблагоприспойнаго, лучше уклониться приказаній ихъ съ видомъ невинности и простосердечія, нежели явно отвергнувъ оныя. — Еслили имъ не благопріятствуетъ щастіе, еслили жизнь ихъ въ опасности, нашъ долгъ успѣшить и подать руку помощи, не ожидая, чтобы законы при-

нуждали къ сему. — Во время ихъ спароспи можемъ ли опказать въ помѣ, тѣмъ они жертвовали для насъ въ нашей юности? . . .

Между добродѣтелями , коими Виргилій украсилъ своего Героя , сыновняя любовь есть одна изъ первыхъ. Греки , побѣдители Троянъ , овладѣли ихъ городомъ. Нося повсюду мечъ и пламень они разломали двери Пріамова дворца , и самъ Монархъ , пронзенный при подножїи жертвенника , лежалъ среди окрававленныхъ труповъ своихъ подданныхъ. Эней въ первой разъ позналъ ужасъ, видъ великаго Государя , испускающаго духъ посреди сыновъ своихъ, напомнилъ ему сорбеннаго опъ спароспи опца, обижаемую супругу и любезнаго сына. Онъ спѣшилъ избавить драгоценныхъ сердцу его. Покровительствуемый Венерою (*) презираетъ всѣ опасности, спремится во дворець, чшобы спасти спарца, копторой не желалъ пережить несчастїй своего отечества. Однакожъ , убѣжденный просьбами

(*) Раздоръ, лишенный чести присуществовать въ сонмѣ боговъ; бросилъ яблоко съ надписью *прекрасивѣйшей*. Три богини Юнона, Минерва и Венера вступили въ споръ кому изъ нихъ оное принадлежить. Парисъ, сынъ Пріама, Государя Троянскаго будучи избранъ судїею ошдалъ яблоко Венерѣ и съ шѣхъ поръ она сдѣлалась покровительницею Троянъ. Подъ ея защїпою Эней опсправился въ Италию, гдѣ помощки его основали Римъ.

и слезами сына, невестки и внука, Анхизъ призываетъ на помощь Юпитера и рѣшается слѣдовать за дѣтьми своими. Неустрашимый беретъ его на руки и очищаетъ нуть среди безчисленныхъ непріятелей. Одинъ древній писатель повѣствуетъ, что Греки, пораженные удивленіемъ возвратили ему все его имущество, къ сему прибавляетъ онъ достоверное свидѣтельство, служащее доказательствомъ, что и самые непріатели уважаютъ добродѣтель побѣжденныхъ.

Напомянуть ли вамъ о сынѣ Крезовомъ, которой будучи нѣмъ отъ рожденія, превозмогъ самую природу, чтобы спасти отца своего, коего одинъ разбойникъ хотѣлъ лишитъ жизни? О Александрѣ великомъ, которой закрылъ щитомъ своимъ Филиппа и закололъ собственною рукою всѣхъ, посягавшихъ на жизнь его будучи 17ми лѣтъ? О молодомъ Манліѣ, принудившемъ съ мечемъ въ рукахъ Трибуна Помпонія отказать отъ обвиненія, прошивъ родителя его Тита Манлія? Говорить ли вамъ также о Коріоланѣ, которой желалъ лучше погибнуть, нежели отказать своей матери въ помѣ, чего ни жрецы, ни Сенаторы не могли получить отъ него? о той рѣдкой дочери, которая будучи введена въ темницу родителя, осужденнаго умереть съ голоду, пишала его собственнымъ молокомъ и симъ знакомъ не-

слыханной привязанности изходящей сповала ему прощенье? . . . Всѣ опличительныя черты сіи въ бытописаніяхъ Древности безъ сомнѣнія достойны вѣчнаго удивленія; но мнѣ позволяеть также представить нѣсколько примѣровъ, недавно случившихся. Они докажутъ, что сыновняя любовь была вездѣ и всегда.

Въ то время, какъ арестанты Вѣнскаго смирительнаго дома, обремененные оковами чистили улицы сего города, молодой человекъ порядочно одѣтый подошелъ къ одному изъ нихъ, и съ почтеніемъ поцѣловалъ его руку. Свидѣтель сего происшествія одинъ Спатскій Советникъ, подозвалъ къ себѣ молодаго человека и сказалъ ему, что у невольниковъ не цѣлуютъ руки. — Ахъ! отвѣчалъ онъ, залившись слезами. « Этого арестанта есть мой отецъ! . . . Тронутый чиновникъ донесъ о семъ Инспектору, которой тотчасъ приказалъ опредѣлить сего нѣжнаго сына на первое вакантное мѣсто. Советникъ, кромѣ сей милости пожаловалъ ему изъ своей пенсіи по 10 флориновъ въ мѣсяць и въ письмѣ своемъ, начерпалъ сіи достопримѣчательныя справки: « Это въ знакъ признательности за тѣ слезы умиленія, кои » ваша сыновняя любовь извлекла изъ глазъ моихъ. »

Въ царствованіе Генриха IV, говоритъ Мезеръ, опряды Венгровъ, подъ предводительствомъ

Графа Ру, производили ужасныя опустошенія въ Пикардїи. Молодой человекъ изъ окрестностей сего Королевства, спасся у одного изъ своихъ родственниковъ, и по прошествїи нѣсколькихъ лѣтъ вступилъ въ чужезпранныя войска. Война завела его въ отчизну, онъ находился при взятїи того самаго города, въ которомъ былъ рожденъ, жители, онаго искали приспанища въ церквѣ, и Капитанъ Венгерскаго отряда приказалъ оную зажечь. Пикардїецъ не могъ безъ содраганія смотрѣть на исполненіе сего звѣрскаго повелѣнія. Любовь къ родинѣ внушила ему смѣлость — вопли соотечественниковъ взволновали его внутренность. Онъ вырывается изъ среды воиновъ, и не смотря на запрещенія Капитана, спарается отворить двери, дабы несчастнымъ доставить средство къ побѣгу. Вдругъ обезображенная женщина представляется глазамъ его. Онъ узнаетъ въ ней свою мать. Ахъ! сынъ мой! вскричала она. Онъ не имѣлъ духа отвѣчать — и прижалъ ее къ своему сердцу. Безчеловѣчный начальникъ приказываетъ ему оставить сію женщину. Но природа превозмогаетъ; онъ не можетъ разстаться съ своею матерью. Самый пирръ былъ бы симъ пронуть. Раздраженный неповиновеніемъ Капитанъ приходитъ въ бѣшенство, и обоихъ повелѣваетъ бросить въ пламень, гдѣ Пикардїецъ, перзаемый жесточайшими мученіями испустилъ духъ въ объятїяхъ своей матери.

О Т Ц Е У Б І Й С Т В О .

Опцеубійца! Великій Боже! . . . при видѣ сего чудовища природа содрагається; челоуѣчество негодуетъ , соспраданіе опвращаєтъ взоры. Существованіе его было бы не вѣроушно, естльи бы примѣры, хотя не многіе , не подтверждали сію истину. Вы не увидите льва , разперзывающаго утробу его носившую , нѣтъ пигра пожирающаго шу , которая пишала его сосцами своими. А между нами, къ спыду рода нашего , существо , сотворенное по образу и подобію Божію, ожесточаєтся до того, что пронзаєтъ убійственнымъ желѣзомъ сердца шѣхъ, коимъ онъ долженъ посвятить жизнь свою по всѣмъ правамъ природы. Такое злодѣяніе вмѣщаєтъ въ себѣ все , что ни естъ ужаснѣйшаго , и нѣтъ поль жестокаго мученія , которое было бы достойною казнію чудовищу учинившему оное.

Авинскій законодашель ничего не предписалъ проптивъ пресупленія, которому не слыхалъ еще примѣра, опасаясь, чтообы, законъ вмѣсто того, чтообы обуздать, не послужилъ поводомъ

къ оному. Но вскорѣ узнали, что нѣтъ пользы священнаго союза, котораго бы не можно было нарушить. Римляне изобрѣли для таковыхъ единственное наказаніе, могущее ужаснуть тѣхъ, коихъ гласъ природы не могъ удерживать отъ преступленія: ихъ зашивали въ коженный мѣшокъ и бросали въ рѣку, чптобы злодѣй лишился вдругъ воздуха, огня, земли и воды — четырехъ стихій, входящихъ въ главный составъ всѣхъ прочихъ (*)

Оракуль предвозвѣстивъ Лаію, Царю Фивскому, что жена его Гокаспа родитъ сына, который не только лишитъ жизни своего родителя, но и женился на своей матери. Государь для избѣжанія сего великаго несчастія, повелѣлъ убить дитя поспѣе по его рожденіи. Гокаспа долго не могла на сіе рѣшиться, но вѣря прорицанію Оракула, препоручила сіе одному воину, сжалившись надъ невиннымъ младенцемъ онъ не захотѣлъ умертвить его, но связавъ ему ноги, повѣсилъ на дерево, на горѣ Цинерѣ. Паспухъ увидѣвъ сіе спасъ его отъ неизбежной смерти, и Полибія — супруга Царя Кориноскаго, неимѣвшая дѣтей, усыновила сего несчастливца. Она воспитала его какъ роднаго сына. Опухоль ногъ, причиненная гнѣшеніемъ верев-

(*) По мнѣнію древнихъ.

ки, за которую былъ повѣшенъ, подала поводъ къ наименованію его *Эдипомъ* (*). Узнавъ наконецъ, что не Полибія даровала жизнь ему, Эдипъ отправляется въ храмъ Дельфійскій, спросить, гдѣ можетъ найтись отецъ своего.

« Въ Фокидѣ увидишь его, » отвѣщивала жрица, и онъ направилъ стопы свои туда, гдѣ долженствовалъ совершиться неизмѣнный законъ судьбы. Онъ подлинно встрѣтилъ Лаіа на очень узкой тропинкѣ. У нихъ зашелъ споръ, кому первому должно уступить дорогу, при чемъ Эдипъ сдѣлался убійцею отца, котораго онъ не узналъ. Побѣдитель Сфинкса, за сокрушеніе коего назначена была рука Іокасты, становится супругомъ той, которой обязанъ своимъ существованіемъ. Отъ сего непозволительнаго брака имѣлъ онъ двухъ сыновей Этеокла и Полиника, и двухъ дочерей Антигону и Исмену. Раздраженные боги опустошали отечество его язвою. Прибѣгнули къ Оракулу, и отвѣтъ его былъ, что бѣдствіе кончится съ изгнаніемъ убійцы Лаіа. Эдипъ всѣми силами спарался найти злодѣя. Воинъ занес-

(*) Слово Эдипъ составлено изъ двухъ Греческихъ словъ, означающихъ *пухлую ногу, идѣлецъ*.

нїи его на гору Циперо, еще былъ живъ : онъ открылъ шайну его рожденїя. Собирали свѣденїя, сравнивали происшествїя и вскорѣ узнали, что мнимый сынъ Полибіи былъ презрѣнный опцеубійца. Извѣщенная о семъ Іокаста умершвила себя, Эдипъ виновникъ невольнаго преспушенїя возымѣлъ отвращеніе къ самому себѣ. Учинившись собственнымъ мучителемъ, онъ выкололъ себѣ глаза, и удалясь изъ отечества былъ сопровожденъ дочерью своею Антигоною въ окрестности Аѣинъ, на гору называемую Колоносъ, на которой скорбь сократила остатокъ дней его.

Испыпавъ остріе меча своего надъ невиннымъ братомъ, жестокой Неронъ убилъ свою супругу, но и это еще не насыпило сего кровожаднаго тигра. Возведя на престолъ Агриппину, онъ изрылъ для нее могилу, и гнуснѣйшее матерубійство довершило злодѣянїя его. — Что можетъ быть сего ужаснѣе? но вотъ еще:

Нѣмецкій Императоръ Генрихъ IV, былъ ненавидимъ Папою, и едѣлся ужаснымъ примѣромъ злоупотребленїя церковной власти. Пасхалій II, который по обыкновенїю, оплучилъ его опъ церкви, подспрекаетъ хитрымъ образомъ сына его Генриха къ возпрїятїю оружія противъ своего родителя. Онъ разрѣшилъ его опъ данной присяги, будто бы одна клятва

должна не допускать до великихъ злодѣяній. Отецъ увѣщиваетъ сего бунтовщика прогашельнымъ письмомъ. Сей отвѣчаетъ ему, что онъ не признаетъ ни отца , ни Короля, оплученнаго отъ церкви. Однакожь согласились на свиданіе , но оно довершило жестокою измѣну. Задержанный Императоръ принужденъ былъ отказать отъ короны : онъ бѣжалъ изъ пещеры, набралъ войско , побѣжденъ и остался безъ всякой помощи. Приведенный въ крайнюю бѣдность, испрашиваетъ у Епископа Шнеерскаго для пропитанія своего нѣкотораго духовнаго дохода, и представляетъ, что можетъ справлять должность дьячка, или чтеца. Ему отказано и въ сей малости. Наконецъ, опославъ къ преступному сыну своему, мечъ и корону, онъ умеръ въ Липпихѣ.

ЛЮБОВЬ КЪ ОТЕЧЕСТВУ.

И птица по гнздь родимомъ въздыхаетъ! . . .

Человѣкъ не самопроизвольно избираетъ отечество: рожденіе привязываетъ его къ той странѣ, гдѣ покоится прахъ отцовъ его, гдѣ наложилъ онъ на себя первые узы любви и дружбы. Въ нѣдрахъ отечества, онъ не спрашиваетъ ничего: оно служитъ ему твердою защитою. Онъ наслаждается спокойствіемъ, и готовъ самъ всею жерпвою для общаго спокойствія. Такъ Фемистокль и Ариспидъ забыли непримиримую вражду свою, и соединились противу враговъ отечества. Слава ихъ пребудетъ незабвенна. — Сыны отечества! (кто не спашетъ и шеперь гордиться симъ именемъ?) Исторія, судія Царей и народовъ, предаситъ козднему попомству память дѣлнй вашихъ; также, какъ сохранила подвиги сыновъ Греціи и Рима, всегда достойные удивленія и подражанія.

Эпаминондъ былъ изъ величайшихъ мужей въ Древности. Философія, служившая утѣшеніемъ въ уединеніи, не препятствовала ему заниматься дѣлами Государственными, когда опечесство призывало къ онымъ. Душа его, исполненная ученія мудрости, являлась шѣмъ способнѣйшею ко всѣмъ гражданскимъ и военнымъ добродѣтелямъ. Достоинства никогда не прельщали его: онъ прудился единственно для славы Оивъ. Цицеронъ поспавляетъ его выше всѣхъ великихъ мужей Греціи. До него Оивы никакой не играли роли; онъ извлекъ ихъ нѣкопорымъ образомъ изъ ничтожества и сдѣлалъ чудомъ погдашняго времени. Послѣ него они погрузились въ прежнюю неизвѣстность.

Во время славнаго сраженія при Мантиней, Эпаминондъ былъ раненъ въ грудь опломкомъ копія: рана, говоритъ Историкъ, долженствовала кончить и увѣнчать поль славную жизнь.— Когда принесли его въ лагерь, а дѣйствіе еще продолжалось, врачи объявили, что онъ умретъ, ежели извлекутъ желѣзо изъ раны. Тогда единственная забота его была узнать объ успѣхѣ сраженія, и въ какомъ состояніи его оружіе. Видитъ щипъ свой, слышитъ, что соотечественники его остались побѣдителями: утѣшается опчаянныхъ друзей своихъ. « Не пощайте, » сказалъ онъ имъ, дня сего концемъ моей жизни, онъ есть начало моего блаженства — верьхъ

» моей славы. Я оставляю Эврейцевъ порожествующихъ, враговъ опечесства моего поправныхъ
 » а Грецію, освобожденную отъ рабства. » — Изпоргаетъ безпренешною рукою копіе — и
 умираетъ.

Юній, по прозванію Брупуъ, вида Римъ угнѣтаемый Тарквиніемъ, рѣшилъ разпоргнути узы
 опечесства. Краснорѣчіе его оживило бодрость въ Сенаторахъ, и при имени вольности народъ
 воспрянулъ. Тарквиній изгнанъ, достоинство Царей на всегда уничтожено, Брупуъ наимено-
 ванъ консуломъ; однакожъ нѣкоторые молодые Патриціи, прельстившись послами Царя, сдѣ-
 лали заговоръ въ его пользу, но умыселъ открытъ, преступники схвачены и представлены
 на судъ консуловъ. Въ числѣ ихъ были два сына Бруповы, и отецъ видѣлъ себя принужден
 нымъ пожертвовать ими пользѣ опечесства. Многіе знавшійшіе юноши находились на мѣстѣ
 казни, но одни дѣти Бруповы привлекали общее вниманіе. Всѣ оплакивали пагубное ослѣпле-
 ніе, заставившее ихъ измѣнить своему опечесству, опцу — спасителю онаго, консулу, Сенату,
 народу и себѣ самимъ — и для кого же? для Тарквинія, нѣкогда гордаго, нынѣ же изгнанника,
 врага Государства своего. — Консулы сѣли на свои мѣста. Брупуъ, отецъ и судія, повелѣва-
 етъ представити себѣ дѣло, и по краткомъ изслѣдованіи, произноситъ смертный приговоръ . . .

Когда измѣнники пріяли казнь; по всѣмъ взирали на родителея: на лицѣ его изображалась печальная твердость, ни одинъ вздохъ не вырвался изъ груди его, — и всякой въ молчаніи удивлялся великой жерствѣ, принесенной имъ для спокойствія отечества.

Щасливъ, кто можетъ похвалиться сею добродѣтелью; тогдѣ достигнетъ и почестей и достоинствъ, тогдѣ будетъ почищаемъ современниками и прославляемъ потомствомъ. Граждане! не забывайте отечества вашего, пусть лучше оно забудетъ васъ. Лучше подобно Веллизарію просить у прохожаго милостыни, нежели подобно Коріолану нести огонь и мечъ въ недра своего отечества. Вышли изъ повиновенія верховной власти, нарушили клятву, разторгнули узлы дружбы, посягнули на жизнь своего ближняго — сущіе преступленія постыдныя, гнусныя и ужасныя: но непріятелю своего отечества облегчить средства къ разоренію онаго, ввергнуть въ руки убійцъ, не говорю уже своихъ согражданъ; но тѣхъ, кои даровали намъ жизнь, предать на поруганіе женъ и дочерей своихъ — это верхъ злодѣяства.

Когда Александръ Великій покорилъ Персію: по одинъ Сатрапъ, опрубивъ голову побѣжденному Государю своему, которой во время бѣгства искалъ у него спасенія, принесъ оную побѣднелю, въ надеждѣ получить награду. Но Александръ былъ попомокъ героевъ, сынъ Фи-

лишна и ученикъ Аристоптея: подлая измѣна могла ли ожидать опть него награды? Онъ отвратилъ взоры свои и повелѣлъ шоль гнусное преступленіе омыть кровію измѣнника. Пусть такимъ образомъ убійственное желѣзо пронзаешь ихъ въ шу самую минушу , какъ они господзятся произвеси въ дѣйство, пагубные замыслы свои! — пусть и гнусныя имена ихъ изстребятся изъ лѣтописей нашихъ , чтобы не могли покрыть спыдомъ и поношеніемъ шекущіе вѣки!

Если мы измѣняемъ своему опечеству, по измѣняемъ Вѣрѣ , измѣняемъ своимъ родителамъ: если чувствозанія природы единожды погасли , господствующія въ сердцѣ спраси не будутъ уже уважать никакой должности. Когдажъ мы одушевляемся любовію къ оному, по слава его — есть слава наша, малѣйшее злоключеніе — есть наше собственное бѣдствіе. Мы никогда его не забываемъ; и будучи въ спранахъ чуждыхъ, подъ кровомъ иноплеменнымъ, въ послѣднюю минушу жизни обратимъ взоры къ родимой споронѣ и скажемъ умирающимъ голосомъ: прости мѣръ, прости опечество!

Боязнь.

Неустранимость.

Б О Я З Н Ъ.

Боязнь унижаетъ челоѣка, — въ существо слабое и робкое она превращаетъ совершеннѣйшее твореніе, коему Высочайшій Промысль даровалъ разумъ съ шѣмъ, чтобы увѣришь его во всемъ превосходномъ на землѣ. Таковый неспособенъ уже къ великимъ дѣламъ, малѣйшій предметъ ужасаетъ его, онъ боится самой шѣни своей, и наслѣдокъ становится посмѣшищемъ себѣ подобныхъ.

Рожденный отъ матери, провождавшей жизнь свою въ удовольствіи и разсѣянїи, несчастный Адольфъ вѣренъ былъ съ самаго дѣтства грубымъ и непросвѣщеннымъ наставникамъ, которые старались наполнить едва развертывающійся умъ его самыми глупыми и смѣшными разсказами. Онъ ни о чемъ болѣе не слыхалъ, какъ только о разбойникахъ; за самую маловажную вину угрожали ему *тернымибъ челоѣкомбъ*, *колдунюмбъ*, *кащеюмбъ* и ш. и. приеодиня къ тому хриповашой и ужасный голосъ. Увы! все зависить отъ первыхъ впечатлѣній. Адольфъ сдѣлался робкимъ, не смѣлъ прешупить шагу изъ роинельскаго дому, безъ

няньки, или слуги. Взглядъ на трубочиста или угольника приводилъ его въ шепель: ночью тысячи призраковъ блуждали въ его воображеніи: бѣгающая мышь заспавляла его содрагаться, и никогда онъ не вкушалъ сладкаго сна, если кѣто нибудь не находился подлѣ его постели, и если въ спальнѣ не горѣла лампада. Товарищи прозвали его *маленькимъ трусомъ*: этимъ хотѣли они исправить опъ такой слабости, но тщетно. Она вкоренилась съ его лѣтами и Адольфъ трусь, служившъ еще до сихъ поръ забавнымъ предметомъ насмѣшекъ для всѣхъ своихъ знакомыхъ.

Робкому и нѣжному полу такая слабость нѣсколько простибельна, природа, отказавшая имъ въ необходимомъ духѣ презирать опасности, одарила ихъ благоразуміемъ, чѣобы удаляться оныхъ. Однакожъ не должно думать, чѣобы всѣ женщины были поработены страхомъ, между множествомъ примѣровъ, доказывающихъ противное, можно опдать преимущество слѣдующему: въ царствованіе Лудовика XIV Г-жа Дезульеръ, извѣстная прекрасными идиліями, жила въ снаромъ замкѣ, въ колпоромъ одна комната стояла уже нѣсколько времени пустою, потому чѣо, какъ говорили, была посѣщаема домовыми, привидѣніями и проч. изъ чего выводили ужасныя исторіи. Сія знаменитая женщина, исполненная храбраго и воинственнаго духа, вознамѣрилась узнать собственнымъ опытомъ, до какой степени простирается

предубѣжденіе людей. Она неотступно просила позволить ей одной провести ночь въ семьѣ опдѣленіи. Владѣтели замка всѣми мѣрами старались отвлечь ее отъ опаснаго предпріятія, но видя непоколебимосць, проводили въ ужасную комнату, и не могли оставить ее безъ проливія слезъ, будучи увѣрены, что умышленно предастся сообщникамъ сатаны. Сія неустранимая женщина спокойно запираетъ свои двери, ставитъ подсвѣчникъ на столъ, ложится и засыпаетъ глубокимъ сномъ. Въ полночь была она пробуждена стукомъ упавшаго столика, на которомъ стояла свѣча, кресла опрокинуты, она слышитъ шаги по своей комнатѣ, глухіе стоны достигаютъ ея слуха, и вдругъ, что-то обрушилось ей на ноги. Всякой бы другой пусть умеръ отъ страха. Г-жа Дезульеръ встаетъ съ своей постели, протягиваетъ въ темнотѣ руки, оцупываетъ, и при свѣтѣ луны, узнаетъ большую, смирную собаку, изстари жившую въ замкѣ. Она переночевывала всегда въ этой комнатѣ, которой худой замокъ уступалъ ея усиліямъ. Богъ знаетъ, смѣялась ли наша героиня надъ своими хозяевами, когда они пришли освѣдомиться, жива ли она. Исторія о собакѣ разпространилась по всему округу, и отважность женщины избавила многихъ отъ безразсудной боязни.

НЕ УСТРАШИМОСТЬ.

Сколько боязнь унижаетъ, столько неустрашимость возводитъ насъ выше самихъ себя. Она сокрушаетъ всѣ препоны, и внушаетъ къ намъ почтеніе и удивленіе. Обладающій симъ прекраснымъ качествомъ, никогда не подвергнется несчастію: будучи нечувствителенъ къ ударамъ судьбы, онъ полагаетъ свою славу въ пренебреженіи гоненій ея, и какъ сказалъ одинъ знаменитый поэтъ: пусть обрушится вселенная и падающія развалины не устрашатъ его.

Воззрите на безтрепетнаго путешественника, встрѣтившагося съ двумя разбойниками, которые хотѣли ограбить его. Онъ нимало не заболелся, проситъ у нихъ помилованія: вооруженный одною палкою, повергаетъ сильнѣйшаго, и кажется непримѣчаетъ обогренное кровію желѣзо, которымъ другой угрожаетъ ему. Еще минуша, и злодѣи, жаждавшіе крови его престанутъ существовать. Имѣя съ собою значительную сумму, которую получилъ онъ въ

наслѣдство — чѣобы было, если бы подобно прусу онъ предался страху? Жена и дѣти неперпѣливо ожидаютъ его возвращенія, они возсылаютъ къ Небесамъ шеплыя молитвы о здоровьи его, и всякое утро, выходящъ къ нему на встрѣчу. Сладостная надежда изливается въ глубину ихъ сердець: скоро облобызаютъ они того, котораго пираны хотѣли изпоргнушь изъ ихъ объятій. Неустрашимый человекъ впадаетъ иногда въ сѣпи ненавистниковъ, но рѣдко изнемогаетъ. Пошому храбрый отецъ семейства съ малыхъ лѣтъ не тщетно былъ прозванъ *львоиб*.

При всей своей храбрости онъ принужденъ былъ защищаться: собственное его спасеніе, во-епоминаніе о мученіяхъ, которыя смерть его причинитъ семейству, все побуждаетъ къ мужественному сопротивленію. Но подвергать опасности жизнь свою безъ иной причины, кромѣ спасенія ближняго — вопъ, что можно назвать чрезвычайною неустрашимостію. Подобное сему сдѣлалъ солдатъ Тулонскаго Арпиллерійскаго полку. Прошедши Марсійской лѣсъ въ Бургоніи, сей храбрый воинъ услышалъ не въ далекомъ ружейномъ выспрѣлѣ, послѣдуемый рыданіями и стопами. Не помышляя объ опасности, и не имѣя съ собою другаго оружія, кромѣ сабли, безпрепешный Арпиллеристъ поспѣшаетъ къ тому мѣсту, откуда исходили жалобные вопли. Онъ нахо-

дипъ разбойника, копорой грабилъ одного купца. Злодѣи увидѣвши мундиръ , бросается въ густошу лѣса. Опважный воинъ преслѣдуетъ его по кустарникамъ, достигаесть, и вырвавъ ружье повергаесть къ ногамъ израненнаго купца , принуждая опданъ опнытые у него часы и деньги. Тогда обезобразивши лице разбойника своею саблею , сказалъ онъ: бездѣльникъ ; я не могу оп-
 » веспи тебя въ шемницу, попому что долженъ вспомошествовать сему несчастному, но вотъ
 » тебѣ знакъ, по копорому примѣняю тебя въ той спранъ , копорую избереши своимъ убѣ-
 » жищемъ. » — Въ самомъ дѣлѣ , говоряшъ , что онъ скоро былъ пойманъ , и судимъ по всей спросности законовъ.

Во время укрѣпленій города шолпа народа ворвалась въ домъ президента Моле , съ шѣмъ ,
 » чтобы умертвить его. Сей добродѣтельный Градоначальникъ опворилъ имъ двери, говоря: « Домъ
 » перваго спарѣйшины долженъ быть опверсень для всѣхъ. » Такая рѣдкая неуспрашимость за-
 » служиваесть прекрасное изрѣченіе Кардинала Ретцо: « Если бы не грѣшно было утверждать ,
 » что существовалъ кто либо храбрѣ великаго Конде, то можно бы сказать, что это Машвѣй
 » Моле. »

Храбростъ.

Малодушиє.

Х Р А Б Р О С Т Ь.

Кто сей герой, которому благодарное отечество сплетаетъ лавровый вѣнокъ? взгляните, онъ летитъ подобно стрѣлѣ, и побуждаетъ дружину свою сражаться съ безчисленными врагами, которые исчезаютъ отъ быстраго размаха меча его, какъ пыль, разсѣваемая полуденнымъ вихремъ. Вы вѣрно скажете: это Марсъ, устремляющійся къ битвѣ на конѣ Фракійскомъ? ... Нѣтъ, это воинъ, единственная подпора своего семейства. Онъ изгоргается изъ объятий нѣжной матери, и спѣшитъ на поле Беллоны.

Смертоносное желѣзо, сверкаетъ надъ однимъ изъ товарищей его. Посмотрите, какъ онъ стремится спасти его, презирая всѣ опасности. Предъ его глазами роковой свинецъ повергъ лучшаго его друга, онъ долженъ опмститься за смерть его, защищать отечество и приобрести славу: сколько причинъ оказашъ свое мужество! — не сомнѣвайтесь: онъ сорветъ окровавленные лавры съ противниковъ, онъ докажетъ, что честь драгоцѣннѣе всего для воина; ибо онъ проливаетъ послѣднюю каплю крови за Вѣру, Государя и ближняго.

Неустрашимый герой, не ослабѣвай на знамениномъ поприщѣ, — содѣлайся таковымъ, чтобы попомство, повѣсивъ о своихъ подвигахъ, восхищалось оными, и поставляло тебя примѣромъ достойнымъ подражанія! Когда услышатъ въ отчизнѣ твоей, что ты возвращаешься побѣдителемъ, съ какимъ нетерпѣніемъ будутъ ожидать тебя. Все выбѣгутъ къ тебѣ на встрѣчу, малютки будутъ бросать цвѣты подъ твою колесницу, опягченную Трофеями согбенные старцы падутъ предъ олтаремъ Милосердаго Царя Царей и принесутъ ему жертву благодаренія за то, что могутъ взглянуть еще разъ на своего защитника, и умереть спокойно въ нѣдрахъ мира и благоденствія.

Древніе весьма справедливо опредѣляли храбрость, говоря, что она есть добродѣтель, защищающая правосудіе. И подлинно не безразсудно ли желать бури погоды, когда наслаждаемся тихой погодою? — Но изыскивать всё средства, къ спасенію отъ приближающейся грозы — есть дѣло благоразумнаго человѣка.

Всякой обязанъ жертвовать жизнью своею общему благу: славная смерть, лучше постыдной жизни.

Гробы шѣхъ славны, прахи священны,
Кои для блага братьій умрутъ.

Леонидъ съ тремястами Спартанцевъ не устыдился многочисленныхъ полчищъ Ксеркса, и когда шопъ пребоавль отъ него оружія какъ повелитель, онъ скромно отвѣчалъ ему: *поди, возьми!* — Поразиъ Персовъ на Мараонскихъ поляхъ, подъ предводительствомъ Мильшяда, и преслѣдуя ихъ до морскихъ береговъ, Сенегиръ, Афинскій воинъ, схватилъ правою рукою за корабль, наполненный бѣгущими — ему отрубили ее, онъ схватилъ лѣвою — и сей лишился и наконецъ схватилъ зубами. — Изъ сихъ примѣровъ видно, какъ истинный герой презираешъ смерть, если дѣло идетъ о пользѣ его отечества.

Храбрость есть добродѣтель, господствующая повсюду. Греція и Италія непрестаютъ славиться своими Алцибядами, Эпаминондами, Сципіонами, Помпеями, Цезарями. Не всякая ли страна можетъ представить своихъ героевъ? — Слава, вѣчная слава! симъ образцамъ мужества, коихъ почтенныя пѣни покоятся съ миромъ въ обители праведныхъ. Имена ихъ незабвенны въ лѣтописяхъ міра, — они будутъ переходить со славою изъ рода въ родъ.

По смерти слава хороша,
Заслуги въ гробъ созрѣвають,
Герои въ вѣчности сияють!

М А Л О Д У Ш І Е.

Безъ славныхъ дѣлъ, гремящихъ въ мірѣ,

Ничто и Царь въ своей порфирѣ.

Малодушіе есть слѣдствіе нѣжнаго воспитанія : Лакедемоняне , пріучившіе себя съ малолѣтства презирать всякія опасности, могли ли быть малодушны? . . . Конечно не вѣдѣть быть Леонидами и Сенегирами, но для всякаго равно отверзны пупы къ славѣ. Великодушный человекъ не ищетъ пустыхъ титлъ, онъ опирается на щесловія, и не жертвуетъ своимъ благоденствіемъ ложной славѣ ; но не щадитъ ничего и даже самой жизни , если сего требуютъ долгъ, законъ и вѣра. Онъ борется съ своими несчастіями — твердостію и терпѣніемъ преодолеваетъ оныя. Ничто не можетъ остановить его въ предпріятіяхъ для пользы человечества:

онъ шестивуешьъ прямымъ путемъ и попираешьъ ногами всѣ прудности, между тѣмъ, какъ малодушный пренецешъ подобно листочку, опъ легкаго дуновенія Зефира. Онъ не способенъ къ великимъ дѣламъ, все ужасаетъ его. Кто болѣе всѣхъ подверженъ обидамъ и безчестию? . . . малодушный: онъ бѣжитъ самаго слабаго непріятеля. Кого наиболѣе презираютъ? . . . малодушнаго, ибо при малѣйшей опасности онъ не знаетъ на что рѣшиться и обыкновенно прибѣгаетъ къ униженію.

Обратите еще разъ взоры ваши, молодые читатели, на сего героя, стремящагося пролить кровь свою за отчизну! Въ глазахъ его блистаетъ любовь къ ближнему, на лицѣ изображено спокойствіе, которымъ наслаждается чистая душа его. Но бросьте презрительной взглядъ на сихъ несчастныхъ, убѣгающихъ отъ него! . . . Какая противуположность! . . . Посмотрите на него среди своихъ согражданъ спокойно разсуждающаго о благѣ общемъ, и дающаго мудрыя совѣты: никогда корысть не отвлекала его отъ сей благородной цѣли. Но сіи, пренецущіе взоры его, во время войны и мира, и въ обществѣ, и въ семействѣ равно низки и презрительны. Малодушіе во взорахъ, коварство на лицѣ, неблагодарность въ сердцѣ; вопъ всѣ ихъ

дослѣдствіи. Они забыли , что опечесство повелѣваетъ имъ сражаться до послѣдней капли крови, и при видѣ одного героя усуремляются въ бѣг^{ство}.

Сколько робокъ и униженъ малодушный , предвидя мужественное сопротивленіе, столько же бываетъ жестокъ и неумолимъ , чувствуя превосходство силъ своихъ : если бы сіи прусы предполагали менѣе храбрости въ молодомъ воинѣ, то можетъ быть первые напали бы на него и содѣлались бы люфтѣйшими пирами. Храбрый подаетъ руку помощи побѣжденному непріятелю, а малодушный спарается изнурить его новыми мученіями.

Красота.

Безобразіе.

К Р А С О Т А .

Фіалка въ зарѣ родилась,
 Въ часъ утренній развила цвѣтъ,
 Но въ полдень съ сшебелька свалилась,
 И къ вечеру фіалки нѣтъ.

Красота есть благо временное, ненадежное, подобно розѣ она прельщаетъ только упрямъ, но исчезая къ вечеру часно влечетъ за собою и много несчастнаго, коего природа облагодѣтельствовала столь бѣдственнѣмъ даромъ.

Съ нѣжной юности Горшензія была для всѣхъ удивленіемъ, ловкость и красота прикрывали погрѣшности свойственныя ей лѣпамъ : сама мать ея , внимая непрестанныя похвалы , не смѣла ничего сказать дочери, которую называли превосходнѣйшимъ швореніемъ. Такимъ обра-

зомъ Горшензія мало по малу спановилась глупѣйшею во всей окружности. Получивши отвращеніе и наставникамъ къ ученію , она заранѣе оставила свои книги и незаботясь о образованіи ума своего, ни о чемъ болѣе не думала , какъ только блеснуть своими малозначущими талантами. Она танцовала и пѣла превосходно, болѣе ничего не лзя было требовать; разговоры ее были самые скучные, если дѣло шло не о модахъ. Она проводила нѣсколько часомъ передъ зеркаломъ, и мѣняла наряды по нѣскольку разъ въ день. Коль скоро стала показываться въ обществахъ толпа обожателей окружили ее, но узнавъ, что сія рѣдкая красавица , не имѣла другаго достоинства, кромѣ наружности; перестали оказывать ей бесполезное почтеніе, и ни одинъ не помышлялъ искать руки ея. Невнимая ничѣмъ совѣтамъ, какъ только своему тщеславію, бѣдная Горшензія повѣрила безстыднымъ словамъ одного развратнаго безумца , который увѣрялъ ее въ чрезмѣрной любви . . . жестокая болѣзнь лишила ее единственнаго достоинства . . . Учинившись посмѣшищемъ своихъ соперницъ , коихъ злобная улыбка терзала сердце ея , Горшензія не могла пережить красоты своей , едва исполнилась осьмнадцатая весна ея жизни и нѣсколько кусковъ дерна покрыли могилу той , которая почивалась наипрекраснѣйшею.

Лудовикъ XIV былъ одинъ изъ красивѣйшихъ Госудзрей Франціи. Между множествомъ

красавицъ при дворѣ его, отличалась болѣе всѣхъ дѣвица де ла Вальеръ. Сія прелестная особа обратила на себя взоры Монарха и сильнѣйшая страсть повергла къ стопамъ ея того, коего одно имя приводило къ трепетъ половину Европы. Будучи не въ состояніи пропироваться сему властелину, она увидѣла себя окруженную блескомъ пышности, но и среди богатства и изобилія гнусность порока всегда предспавлялась глазамъ ея. Тайный голосъ безпрестанно склонялъ ее на стезю добродѣтели, и не могли сносить угрызѣній совѣсти, она рѣшилась наконецъ вырваться изъ объятій Самодержца, дабы загладитъ просупокъ свой совершеннымъ покаяніемъ. Разпоргнувши позлащенные цѣпи Герцогиня де ла Вальеръ заключилась въ уединенной обителі, и никакія усилія Лудовика не могли ей воспренятсировать провести тамъ остатокъ дней своихъ.

Б Е З О Б Р А З І Е.

И время дѣлаешь прекрасный видъ худымъ,
И ви́шній блескъ въ очахъ проходишь шакъ какъ дымъ,
Но красота души, свой образъ сохраняешь,
Всегда влечешь умы, всегда сердца плывяешь.

О вы, коимъ природа отказала въ скоропреходящихъ прелестяхъ, которыми возжигаютъ
симиамъ безразсудные, гордитесь вашими нравами, украшайте умъ полезными свѣдѣніями, спа-
райтесь приобрѣтать сокровища постоянныя, чтобы рука времени не могла похишить оныя —
и вы найдете благоразумнаго чело́вѣка, который презря красоту, соединится съ вами нераз-
рывными узами!

Фіалка сокрытая подъ перніемъ не иначе можетъ быть узнана, какъ полько по сладостному благоуханію. Она не имѣетъ ни блеска розы, ни бѣлизны лилей, но не смотря на то, часто находитъ себѣ мѣсто во дворцахъ Царей и въ храмахъ Боговъ. Между шѣмъ, какъ Горшензія, ни о чемъ болѣе не помышляла, какъ о нарядахъ и прелесяхъ своихъ; шихая, шрудолубивая, Антонія почти забыла, что не имѣетъ шой красоты, кошорая содѣлала презрительною и нещасною сестру ея. Успѣвая въ наукахъ, всякой день замѣчала она разверпываніе своихъ способностей, и успѣхи были шоль быспры, что еще въ иѣжномъ возрастѣ она очаровывала своими разговорами. Удовольствіе, съ каковымъ ее слушали, кажется заглаждало безобразіе, и большая часть порабощенныхъ ловкостію Горшензіи нечувствительно прилѣплялись къ Антоніи, съ кошорой напоследокъ не могли уже расшаться. Она была не шолько дѣвица остроумиѣйшая, но и добродѣпельная: шакія качества могутъ ли оставашься безъ награды? дабы улучшить судьбу ея, одинъ почтенный человекъ предложилъ ей руку своего сына, и безобразная Антонія содѣлавшись вѣрною супругою и иѣжною матерью и по нынѣ составляеть шастіе своего семейства.

Въ XVI шолѣтіи, одна молодая Манонская дѣвица рѣшилаь лучше пожертвовать своєю

красотою, нежели оставить добродѣтель. Францискъ I имѣлъ свое мѣсто пребываніе въ семъ городѣ. Сія молодая особа узнавши, что она сдѣлала впечатлѣніе на сердце Монарха, котораго онъ уже былъ не въ силахъ скрывать, положила въ жаровню сѣры, чтобы закоптивши лице, обезобразить себя. Она въ этомъ совершенно успѣла, такъ, что даже не лзя было узнать ее. Историкъ, повѣсившій о семъ прибавляетъ, что Государь, бывши пораженъ столь благороднымъ поступкомъ, далъ ей въ приданое значную сумму денегъ. Но къ чему ей золото? безобразіе ея было доспашочнымъ доказательствомъ, что она приноситъ супругу своему чистѣйшую невинность.

Смѣреніе,

Разсудитель.

С М И Р Е Н І Е.

Дарованія рѣдко бываютъ безъ гордости и тщеславія, но истинному достоинству обыкновенно сопутствуетъ смиреніе. Какъ тщеславный уязвляетъ и огорчаетъ насъ, такъ напротивъ того смиренный раждаетъ въ насъ удивленіе и почтеніе. Мудрый отличаетъ отъ не-
вѣжды скромностію и смиреніемъ, и сія рѣдкая добродѣтель останется навсегда удѣломъ тѣхъ, которые сравниваютъ свои успѣхи и достоинства съ ничтожностію предпріятій человѣческихъ.

Гордися славою, великими дѣлами,
И памятники сирой что пользы? — ты забудь,
Какъ скоро нѣшь себя, народомъ и друзьями,
Моглаи швоея никакшо не посѣшиш.

Посмотрите на сего юношу, котораго простой и откровенный видъ привлекаетъ ваше сердце! Разумъ его украшенъ весьма многими познаніями: побѣждая соперниковъ своихъ, онъ давно уже приобрѣлъ пальму великаго ума, и въ тишинѣ уединенія готовитъ себѣ путь къ безсмертію. Аленвиль не ищетъ славы. Успѣхи свои онъ приписываетъ Творцу всея твари, и возсылаетъ ему жерпву благодарности. Дарованія ни мало не дѣлаютъ его гордымъ: онъ ведетъ себя благородно, но просто, такъ, что при первомъ взглядѣ вы почтете его самымъ невѣдущимъ человѣкомъ. Съ непокрытою головою и потупленными взорами стоитъ онъ предъ почтеннымъ спарцемъ, и со вниманіемъ слушаетъ наставленія его. Онъ боишся прервать, не осмѣливается предложить малѣйшаго замѣчанія — вопроса. Кажется, видите въ немъ сына, внимающаго совѣтамъ родительскимъ. Таковъ безъ сомнѣнія былъ Алкивіадъ въ присутствіи Со-крапа, такъ слушалъ Телемакъ Минерву, когда она, подъ видомъ Манпора, преподавала ему уроки мудрости и добродѣтели.

Но кто пощъ спарець, спросите вы, которому сей благовоспитанный юноша оказываетъ шакое почтеніе? . . . Ахъ! друзья мои, берегитесь презирать его: подъ сею простою наружностію, узнайте Малерба самаго безпорочнаго, честнаго и праводушнаго человѣка! Въ его де-

жартаментъ оказалась вакантное мѣсто. Сей достойный Министръ, будучи опличенъ опъ нѣхъ вельможъ, коихъ покровительство пріобрѣтается безстыдною лестію, и къ которымъ не имѣють доступа скромныя достоинства, тщательнo испытывалъ многихъ совмѣстниковъ, желавшихъ занять столь выгодное мѣсто. Между ними онъ замѣтилъ молодаго Аленвиля, и не смотря на пышныя рекомендаціи знасныхъ особъ, Г-нъ Малербъ думалъ, что достойнѣйшій долженъ быть предпочтенъ. — Онъ предлагаетъ ему свои вопросы и во время разговора даетъ необходимыя совѣты, какъ должно поступать въ опправленіи, возлагаемой на него должности.

Великіе мужи, украсившіе славу подвиговъ своихъ скромностію и смиреніемъ заслужили гораздо болѣе похвалы и уваженія. Тюрень всегда будетъ имѣть первое мѣсто между ими. Если онъ выигрывалъ сраженіе, то все приписывалъ Богу и говорилъ, что воспользовался только непріятельскою ошибкою; если отдавалъ опчетъ въ какой нибудь побѣдѣ, то не забывалъ ни одного добраго дѣла своихъ подчиненныхъ, о себѣ одномъ умалчивалъ; если рассказывалъ важнѣйшія дѣянія въ своей жизни, то можно было подуматъ, что онъ только находился зрителемъ оныхъ. Возвращаясь съ поля брани, содѣлавшей безсмертнымъ имя его:

онъ уклонялся народныхъ привѣщаній. Рѣдко приступалъ къ Королю, потому что долженъ былъ слушать лестныя похвалы, коими Монархъ всегда осыпалъ его.

Какое различіе между симъ знаменитымъ Полководцемъ и щеславными храбрецами, которые малую спычку ставящъ наравнѣ съ битвою Гигантовъ и починающъ себя Цесарями, или Александрами, потому что одинъ разъ въ жизни удалось имъ перерѣзать ихъ, которые съ равными силами заставили бы ихъ, не говорю уже умереть, но обратиться въ послыдное бѣгство! . . .

Р А С Т О Ч И Т Е Л Ъ.

Съ какимъ равнодушiемъ эпопъ молодой повѣса сыплеть золото. Онъ распочаесть имѣнiе, окропленное потомъ ошца своего. Bravo! безумный Хризифугъ, предавайся лѣности и порокамъ, плати ласкашельству сихъ подлыхъ пварей, спарайся поскорѣе промшвать богатство, копорого ты не достоинъ. Около 40 лѣтъ ошець твой отказывалъ себѣ въ самонужнѣишемъ, чтобы доставить тебѣ хорошее состоянiе: упомянные его члены никогда не освѣжались покойнымъ сномъ. Безъ стыда, безъ совѣсти онъ собиралъ сокровища, — не справедливѣ ли поступаесть сынъ его, упопреля оныя споль щедро? . . . Ошъ скунаго долженъ родиться распочитель — это законъ природы: продолжай Г-нъ Хризифугъ! скоро настанеть конецъ швоимъ удовольсшвiямъ; приближайся нечувсшвительнo къ бѣдности! ты узнаеешь цѣну богатсшва. Нѣкогда, можетъ быть, по своей неопышности, захочешъ искать помощи у дру-

зей своихъ: они такъ нѣжны, кажется спараются угождать тебѣ во всѣхъ случаяхъ. Ты прибѣгнешь къ нимъ, спанешь умоляшь ихъ подашь тебѣ руку помощи, но тупто и ожидаетъ тебя достойное наказаніе за всѣ твои сумазбродства. Теперь ложныя похвалы ихъ усыпляютъ тебя на лонѣ Зефировъ, настанетъ непогода, и услужливые содѣлаются твоими врагами. Они осыплютъ тебя всевозможными укоризнами и будущъ приписывать тебѣ столько же пороковъ, сколько доселѣ приписывали хорошихъ качествъ. Увидишь, какъ они будущъ издѣваться надъ твоимъ несчастіемъ и убѣгать тебя. По перемѣнѣ погоды ласпочка мѣняетъ жилище свое; подобно ей и дружба улетаетъ при легкомъ дуновеніи Борея. Безмысленный! ты не знаешь эпаго. Плачевное одиночество будетъ твоимъ удѣломъ; за одну минуту роскошныхъ удовольствій будешь претерпѣвать вѣчную бѣдность, и принужденный просишь милосердію, спанешь проклиная свою распочительность. Соспрананіе единственное утѣшеніе несчастныхъ, увы! и въ ономъ тебѣ будетъ отказано. Коль скоро станешь оплакивать участь свою самъ пому виною — скажешь совѣсть: » сей безпристрастный судія будешь для тебя враномъ, терзающимъ внутренности Прометея.

Бѣдность издали слѣдуетъ за распочителями. Она примѣчаетъ за ними, какъ за добычею, которая не можетъ избѣгнушь когшей ея. Чѣмъ пустѣе спановишься кошелекъ, тѣмъ ближе она приступаетъ и коль скоро безумецъ испратилъ деньги свои до послѣдней полушки, шутъ-то она налагаетъ на него свинцовую свою руку, и низвергаетъ въ пропасть, изъ коей онъ никогда не освободится.

Скупость, безъ сомнѣнiя, есть порокъ, но и распочительность не менѣе достойна презрѣнiя. Будучи опъ природы подверженъ нуждамъ, которые часъ опъ часу умножаются, смерпный долженъ кинушь взоръ на будущее.

Л Ю Б О П Ы Т С Т В О.

Есть два рода любопытства. Первое благородное желаніе, которое родился вмѣстѣ съ человѣкомъ, познавать употребленіе и свойство различныхъ предметовъ, представляющихъ его взорамъ. Оное, побуждая изыскивать начало каждой вещи, возводитъ насъ на высочайшую степень образованности. Ему обязаны мы всѣмъ, что ни есть изящнѣйшаго и полезнѣйшаго въ разныхъ открытіяхъ, обогащающихъ ежедневно область ума человѣческаго.

Другой родъ любопытства, есть неумѣренное желаніе проникать въ чужія тайны и дѣла. Сколько первое похвально и достойно одобренія, столько второе неблагоразумно и достойно порицанія. Сія пагубная спрасъ была главнѣйшею причиною того, что грѣхъ и смерть утвердили престоль свой во вселенной. Самые язычники почитаютъ ее началомъ зла. — Боги, говоряъ они, съ общаго согласія совокупивъ всеъ частные дары свои и попеченія сотворили женщину, которую наименовали Пандорою. Юпитерь для посрамленія гордости ихъ подарилъ ей

Любознательство

Скромность.

ящикъ, въ которомъ заключались все роды зла. Любопытство другой женщины побудило открыть сей роковой ящикъ, и ужасное скопище разпространилось въ одно мгновение по всей вселенной. Одна только надежда осталась въ утѣшеніе смертныхъ. — Изобрѣшеніе Аллегоріи дѣлаетъ честь Древности. И такъ . . . произнеси ли сіе? . . . И такъ, любопытство было во все времена и у всехъ народовъ гибельною погрѣшностію любезнаго пола, которой рожденъ для скромности, и которой обладаетъ многими прекрасными качествами. Ахъ! если бы подверженныя этой слабости, могли познать, сколько сей ненавистный порокъ неприличенъ благовоспитанной особѣ, — если бы убѣдившись ниже — слѣдующимъ примѣромъ постарались исправиться, то ожиданіе сочинителя было бы удовлетворено въ полной мѣрѣ.

Оплакивая потерю обожаемой супруги Графъ Ормильи, полагалъ всю надежду на единственную дочь свою. Лиза могла бы почитаться самою прекрасною особою своего пола, если бы не была слишкомъ любопытна и нескромна. Она за всемъ примѣчала, вездѣ подслушивала и ничто не могло отъ нее скрыться. Если въ домѣ отца своего не находила ничего любопытнаго, то уходила къ сосѣдямъ искать новыхъ предметовъ для примѣчаній и разсказовъ. Сія страннь содѣлала ее столь ненавистною, что всякой бѣгалъ ее, какъ язвы: лишь

только показывалась она въ общество, потчасъ все шептали другъ другу :—» остерегайтесь сего шворенія, — это опасная болшунья. » — Лиза, всѣми презираемая возвращалась домой со слезами на глазахъ, однако не исправлялась. Такимъ образомъ неумѣренное любопытство часто подвергало ее неудовольствіямъ и горести, но слѣдующее плачевное приключеніе, принудило навсегда отстать отъ сей привычки.

Это случилось въ 1798 году. Тираны, опустошавшіе Францію ликовали на окровавленныхъ трупяхъ своихъ согражданъ, между тѣмъ, какъ свирѣпые исполнители ихъ ужасныхъ повелѣній, искали повсюду новыхъ жертвъ. Господинъ Ормильи, произшедшій отъ благородной фамиліи, не могъ долго защищаться противъ ложныхъ обвиненій: одинъ изъ ошкунчиковъ донесъ на него въ умыслѣ противъ республики и вскорѣ послѣдовало приказаніе взять его подъ стражу. Предвидѣвъ сіе Ормильи спасся бѣгствомъ къ одному изъ друзей своихъ, который починялъ обязанностію укрывать его отъ всѣхъ поисковъ. Великодушный его начальникъ, вѣрный Боннетъ одинъ только зналъ его убѣжище. Онъ спарался опарашить подозрѣніе отъ всѣхъ его домашнихъ, и чшобы избѣжать дальнѣйшихъ вопросовъ Лизы, увѣрялъ ее, что Господинъ Ормильи уѣхалъ за границу. Любопытство не испрѣбило въ ней дочерней любви :

она проливала слезы объ опцѣ своемъ, но надежда, что онъ возвратится, по прошествіи политическихъ бурь, служила для нея утѣшеніемъ и уменьшала печаль ея. Не смотря на то нѣсколько словъ, вырвавшихся изъ устъ Боннета заславили ее подозрѣвать, что въ дѣлахъ начальника, находилось нѣчто таинственное, во что ей должно было проникнуть.

Однажды, когда въ замкѣ было много гостей, пришелъ съ письмомъ одинъ молодой человекъ, который желалъ лично вручить оное Г-ну Боннету. Это былъ сынъ того великодушнаго друга, у котораго скрывался несчастный арестантъ. Боннетъ удалился съ нимъ въ другую комнату, чтобы прочесть письмо. Лиза замѣтивъ сіе, вышла изъ залы и подкравшись на цыпочкахъ, не пропустила ни одного слова изъ ихъ разговора, изъ котораго узнала она, что отецъ ея нашелъ себѣ убѣжище въ деревнѣ Барона Рокенкура, разстояніемъ отъ города не болѣе пятнадцати верстъ, и что онъ ожидалъ только благопріятной переменны въ правленіи, чтобы возвратиться и уличить въ несправедливости враговъ своихъ. Лиза не могла въ тайнѣ наслаждаться тѣмъ удовольствіемъ, которое доставило ей щасливое открытіе. Одна изъ подругъ, увидѣвши ее входящую въ залу съ веселымъ видомъ, спросила о причинѣ такой радости; въ восторгѣ Лиза не могла скрыть отъ нее истину и вѣроломная подруга, общав-

шая совершенное молчаніе, пріѣхавши домой, шопъ же часъ сообщила роковую тайну своимъ родителямъ. Публичный донощикъ, которому случилось быть шупъ же, успѣшилъ извѣстить о семъ комитетъ революціонеровъ. Замокъ Рокенкура окруженъ со всѣхъ сторонъ. Несчастный Ормильи не могъ избѣжать преслѣдователей своихъ, и вмѣстѣ съ почтеннымъ и великодушнымъ другомъ поверженъ въ темницу. На другой день предпали они предъ трибуналомъ, для выслушанія рѣшительнаго приговора, и кончили жизнь свою на эшафотѣ.

Таково слѣдствіе нескромности и любопытства Елисаветы Ормильи. Она проклинала свою погрѣшность, но оную уже не возможно было поправить. Черты глубокой горести наконецъ возбудили къ ней сожалѣніе, и всеобщее негодование миновалось. Провидѣніе продлило жизнь ея для того, чтобы наказанъ долговременнымъ раскаяніемъ въ невольномъ опцеубиствѣ, печальномъ слѣдствіи ея любопытства.

С К Р О М Н О С Т Ъ.

Когда Улиссъ, мудрый царь Ипакскій, отпраплялся на осаду Трои, по взявъ въ объятія сына своего Телемака, говорилъ ему слѣдующее: » О сынъ мой ! пусть боги никогда не допустятъ меня видѣть тебя; пусть лучше не умолимая парка пресѣчетъ нить жизни твоей только начинающейся, подобно жнецу подѣкающему нѣжный цвѣтъ, на зарѣ разпущившейся; пусть лучше враги мои разсперзаютъ тебя предъ глазами твоей матери, нежели ты когда либо уклонившись отъ праваго пути, оставишь добродѣтель. — Друзья мои ! про должалъ онъ, вамъ препоручаю дражайшаго сына моего; призрите на его младенчество. Изъ любви ко мнѣ, удалите отъ него язвительную лѣсть, научайте его побѣждать самого себя, содѣлайте его справедливымъ, благодѣтельнымъ, искреннимъ и вѣрнымъ въ храненіи тайнъ; поползновенный ко лжи недостойнъ жить, а неумѣнціи хравить молчанія недостойнъ царствовать. »—

Благословеніе на главѣ смертнаго , которой узнавъ шайну ближняго , скорѣ лишится жизни, нежели измѣнитъ ему: для него то существующъ ушѣхи дружества , и все общее почитеніе есть такое сокровище, котораго никто не можеть оспорить у него. — Посмотрите, любезные Чипашели, съ какимъ равнодушіемъ двое молодыхъ людей удалились къ окошку и разсматриваютъ прелестныя окрестности , между тѣмъ , какъ любопытная Лиза подслушиваетъ у дверей! Вотъ примѣръ скромности достойный вашего подражанія: уважайте шайны, которыя хотятъ скрывать отъ васъ , и не ищите никогда узнать то , чего бы лучше не зналъ вамъ. Если какимъ нибудь случаемъ ввѣрятъ вамъ важную шайну, то не будьте подобны тѣмъ разбитымъ сосудамъ , изъ которыхъ вытекаеть все , чѣмъ бы ихъ не наполняли; подражайте скромности того молодаго Римлянина, котораго благородный поступокъ сохранила намъ исторія, какъ рѣдкій примѣръ благоразумія и скромности.

Однажды послѣдовалъ онъ за своимъ опцемъ въ Сенатъ. Важное опредѣленіе было утверждено въ его присутствіи , и такъ нечаяннымъ образомъ онъ сдѣлался соучастникомъ въ общественной шайнѣ. Малѣйшая нескромность съ его стороны могла бы нарушить благоденствіе республики, но онъ обѣщаль хранить молчаніе и ничто въ свѣтѣ не могло его по-

колебать. Его ожидало жестокое испытаніе. Когда онъ возвратился домой, мать его, оповѣдя на спорону, убѣждала сообщить ей предметъ Сенатскаго совѣщанія. Онъ долго прошивился пому и наослѣдокъ, накучивъ просьбами ея, согласился лучше обмануть ее, нежели измѣнить республикѣ. — « Если долженъ я вамъ пересказать все откровенно, такъ знайте, шепталъ онъ ей на ухо, что Сенаторы хотѣли издать законъ, коимъ давалъ бы право Римлянину имѣть двухъ женъ. Ради Бога, если вы меня любите, не сказывайте никому! » — Мать это обѣщала, но между тѣмъ желала скорѣе освободиться отъ тайны, коимъ становилась для нее въ тягость. Она спѣшила сообщить оную пріятельницамъ своимъ; сіи въ свою очередь пересказываютъ другимъ и въ одно мгновеніе таковая новость разпространилась по всему городу. Между женщинами начинаются жаркіе споры, шумятъ, бранятся, и на утро являющіяся въ Сенатъ, чтобы воспротивиться предлагаемому закону. Изумленные Сенаторы тщетно стараются узнать причину, такого смущенія, однако они скоро были выведены изъ ведоумія молодымъ Патриціемъ, коимъ рассказалъ имъ выдумку, употребленную имъ для того, чтобы избѣжать вопросовъ своей любопытной матери. Такой поступокъ былъ

всѣми одобренъ, и въ награду за такую скромность допустили его присутствовать въ Сенатѣ, хотя законами сіе было запрещено всѣмъ, недостижимымъ еще 40 лѣтняго возраста.

—Какъ бы то ни было, говоритъ Лафоншенъ, однакожъ не надобно думать, что скромность совершенно неизвѣстна женщинамъ: доказательствомъ тому славная Аѳинянка, которая рѣшилась лучше претерпѣть ужасныя мученія, нежели открытъ тайну, ввѣренную ей друзьями. Упоминивши пирановъ невѣроятною твердостью, она откусила себѣ языкъ, и чрезъ-то лишила ихъ и послѣдняго средства изторгнуть изъ нея истину. Аѳиняне, изумленные такимъ мужествомъ воздвигли въ честь ея спатую. —

Будьте скромны, милые дѣти! когда достигнете совершеннаго возраста, то сія добродѣтель содѣлаетъ васъ достойными любви и уваженія. Когда Провидѣніе ввѣритъ вамъ Государственную тайну, сохраняйте оную до послѣдней минушы жизни. Драгоценныя памятники, пверже мѣталла и мрамора въ честь вамъ будутъ воздвигнушы въ сердцахъ друзей, и имя ваше превознесетъ въ общечественной исторіи.

Тяжба.

Стихахождение.

Г Н Ъ В Ъ.

Нѣкоторые ученые называютъ гнѣвъ мгновеннымъ сумашествіемъ, ибо въ ономъ чловѣкѣ не внимаешь ни разсудку, ни совѣтамъ; глаза его сверкаютъ, лице воспаляется, волосы становящся дыбомъ, жилы напрягаются. Онъ произноситъ несвязныя слова, скрежещетъ зубами, все тѣло его приходитъ въ движеніе, такъ что нельзя сказать, заслуживаетъ ли сей порокъ болѣе омѣрзения, или жалоспи.

Если молодые читатели вникнуть въ пагубныя дѣйствія онаго, то увидятъ, что никакая язва не причиняетъ столько вреда чловѣческому роду, какъ гнѣвъ. Не ищите основаній знаменитыхъ городовъ — гнѣвъ разрушилъ оныя, возрите на страны, обращенныя въ пустыни — гнѣвъ изспребилъ обитателей, приведите на память столько великихъ мужей,

столько самодержцевъ , которые пали отъ гнѣва — одни изъ нихъ умерщвлены на ложахъ своихъ, другіе во храмахъ, иные предъ безчисленнымъ множествомъ своихъ подданныхъ.

Римскій Императоръ Валентиніанъ, будучи гнѣливъ и вспыльчивъ, причинялъ жестокія несправедливости. Нѣкопорый правитель просилъ себѣ лучшаго мѣста, онъ сказалъ на то: « если онъ не доволенъ своимъ мѣстомъ, то я дамъ другое; велише отрубить ему голову.» — Габиній, Король Квадовъ, жалуется на то, что приказано спростъ крѣпость на его землѣ; къ нему отправили Префекта Максимиана. Сей приглашаетъ Короля на пиршество, пошъ пришелъ къ нему безъ всякой недовѣрчивости и послѣ стола былъ заколотъ. Столь беззастѣнливое убійство причинило смерть Императору. Квады переправляются чрезъ Дунай, предаюшъ все огню и мечу. Валентиніанъ опускаетъ землю ихъ. Они отправляютъ къ нему нарочныхъ и просятъ помилованія. Сии Денушаны были главные изъ народа, но такъ худо одѣты и въ такомъ дурномъ видѣ, что Государь почелъ сіе посольство оскорбленіемъ себѣ. Пришедъ въ великій гнѣвъ онъ говорилъ имъ съ такимъ усиліемъ, что у него лопнула кровяная жила, и вскорѣ попомъ онъ умеръ. « Онъ былъ, говоритъ Г. Ле-Бо, послѣдняя жертва сегъ пылкаго гнѣва, копорой стоилъ жизни великому числу его подданныхъ. »

Но начпо вопрошаемъ исторію? посмотрите, что происходитъ ежедневно въ собственномъ кругу вашемъ , и вы будете гнушаться порокомъ , которой унодобляетъ людей свирѣлымъ звѣрямъ.

Альфонсъ съ юныхъ лѣтъ не могъ сносить противорѣчій: всякая малость приводила его въ бѣшенство и часпо неодушевленные предметы были жертвою онаго. Въ Пансіонѣ , если одно слово останавливало его въ урокъ, то онъ съ досады щипалъ перья , рвалъ книги ; въ играхъ за маловажную потерю ссорился , все опрокидывалъ , со всѣми бранился и обижалъ своихъ поварищей. Съ нимъ никто не хотѣлъ имѣть дѣла. Самые учители , истощивъ все средства , для исправленія его , возвратили родителямъ , коихъ постыдная безпечность была причиною его пороковъ. Достигнувъ совершеннаго возраста Альфонсъ не сдѣлался умѣреннѣе, напрошивъ того, его пороки возрастали съ лѣтами и онъ болѣе прежняго предавался своему вспыльчивому характеру. Думали, что узы супружества могутъ опврашить его отъ сей страсти. — Эпопъ тигръ, говорили тогда, не спанетъ сопротивляясь ласкамъ обожасмой супруги, а при видѣ дѣшей возрождаясь въ немъ иѣжныя чувствованія природы. — Увы, какъ они обманулись ! Альфонсъ , бывъ супругомъ и опцомъ сдѣлался совершеннымъ тираномъ. Въ

домъ ему все не нравилось, самые невинные поступки жены возбуждали его ревность, а кротость ея только раздражала его, онъ ежечасно находилъ причину къ брани, шуму и другимъ безпорядкамъ и потому его ненавидѣли и въ семействѣ и въ обществѣ. Дѣти пререпакали его присущствія и несчастная мать ихъ, видя невозможность возвратити ему разсудокъ скрывала въ своемъ сердцѣ печаль, которая много дѣйствовала на ея здоровье. Однажды Альфонсъ пришелъ домой раздраженный болѣе обыкновеннаго, онъ заспалъ свое семейство за чаемъ. Спрашиваетъ, для чего не подождали его — и въ ту же минуту схвативъ спулъ однимъ ударомъ опрокидываетъ столъ со всѣмъ приборомъ. Въ изступленіи нападаетъ на несчастную супругу, и самые дѣти не могли умолитъ его. Окровавленная испоргнувшись изъ рукъ его убѣгаетъ въ садъ, но жестокой и шамъ преслѣдуетъ ее. Глубокой прудъ по несчастію пресѣкалъ ей дорогу — она бросается въ него. Прошло нѣсколько часовъ, пока подали помощь : но уже поздно ! она была при концѣ своей жизни.

Можно себѣ представити, какое впечатлѣніе произвело сіе ужасное произшествіе на несчастныхъ ея родителей. Она имѣла брата недавно возвратившагося изъ полку ; онъ спѣшилъ въ домъ Альфонса; зрѣлище, поразившее его, возбуждаетъ въ немъ негодованіе; онъ вы-

зываетъ на поединокъ безчеловѣчнаго — и однимъ ударомъ повергаетъ его мертвымъ къ ногамъ своимъ. Вошь слѣдствіе Адфонсовой вспыльчивости. Его дѣти, возрастающая подъ покровительствомъ того, который избавилъ ихъ отъ свирѣпаго отца, воспользовались плачевнымъ урокомъ; и въ послѣдствіи, коль скоро возбуждалось въ сердцахъ ихъ сильное движеніе, по вспомни о семъ бѣдственномъ приключеніи, обращались къ хладнокровію и снисходительности.

С Н И С Х О Ж Д Е Н І Е.

Когда порицаемъ недостапки въ другомъ, то должны помнить, что и сами подвержены онымъ. — » Хотите ли, чтобы вамъ простили то, чего другимъ простить не хотите? » — Сказалъ одинъ знаменитый Ораторъ. Снисходительность служитъ украшеніемъ молодого человека: она укрощаетъ гнѣвъ и научаетъ терпѣливо сносить обиды.

Человѣкъ снисходительный и воздержный, не оскорбляя никого, не спрашивается постороннихъ оскорбленій: подобно Сократу онъ презираетъ толкнувшаго его. Въ радости умѣряетъ воспоргъ свой и неунываетъ въ злополучіи. Душа его подобна тихому, спокойному морю, поверхность коего никакой вѣспръ колебанъ не осмѣливается.

Молодой Романіи обладалъ высокимъ талантомъ Михель-Ажея и Рафаеля. Но путь, ведущій къ славъ, рѣдко бываетъ путемъ ко щастію. Доходы сего молодого художника ежедневно уменьшались, и никакъ не заботился о его состояніи. Къ несчастію Г-нъ Вотуръ, у

котораго онъ нанималъ кварпиру, былъ изъ числа людей, слишкомъ наблюдающихъ за своею собственностію. Онъ любилъ излишнюю точность въ полученіи платы съ жильцовъ своихъ, изъ чего можно заключить, что былъ сребролюбивъ, взыскашелевъ, грубъ и по тому подобное. Еще за недѣлю до срока, онъ напомнилъ Романію объ его обязанности. Настаетъ сей непріятный день. Безпокойный хозяинъ требуетъ платы, но какъ искусство Романія временемъ доставляло ему деньги, то онъ убѣждалъ его подождать до окончанія картины. Вошуръ согласился, однако съ тѣмъ, что ежели по испеченіи мѣсяца не отдастъ ему денегъ съ процентами и рекамбіями, то его согонятъ со двора и продадутъ съ аукціона всѣ его пожитки. Прошло назначенное время, а картина не кончена, — и Романій не въ силахъ удовлетворить своего хозяина.

Неумолимый былъ твердъ въ своемъ словѣ: теперь никакія обѣщанія не могли уже пронуть его. Онъ прибѣгнулъ къ Полиціи, и выхлопоталъ повелѣніе арестовать жильца своего. — Романій изображалъ опустошеніе Трои, въ то время какъ исполнили правосудія описывали его имѣніе. Вы, можете быть, подумаете, молодые Читайтели, что онъ, бросивъ свои кисти, станеть спрошивалъ, или предася спраху, весьма обыкновенному въ подобныхъ случа-

яхъ ? — Вы уже воображаете его въ судилищѣ среди своихъ припѣснителей , которые спорятъ между собою о его имуществѣ! — Совсѣмъ нѣтъ, онъ образецъ кротости, онъ хладнокровно взираетъ на разхищеніе своихъ пожирковъ ; онъ продолжаетъ работу и ни на минушку не упускаетъ изъ виду своего предмета ; присутствіе Алгвазиловъ даетъ Грекамъ его причинѣйшую Физіогномію. Въ сію минушку вошелъ одинъ изъ его друзей. Онъ увидѣлъ, что комната его опустѣла, и что уносили даже спуль, на которомъ сидѣлъ молодой художникъ. Раздраженный такою безопасностію онъ дѣлаетъ ему тысячу упрековъ. — » Къ чему мнѣ сердиться, отвѣщивалъ Романій, сіи люди управляютъ свою должностъ. Впрочемъ я самъ всему причиною. Развѣ ты не знаешь прекраснаго правила моего хозяина: *если не тѣло платитъ за наемъ, то должно имѣть свой домъ ?* —

Такая снисходительностъ въ молодомъ человѣкѣ не осталась безъ награжденія. Молва о поступкѣ Романія разпространилась по всему городу. Одинъ любитель изящнаго хотѣлъ посмотрѣть его работу, и картина, разрушеніе Трои — привлекла особенное его вниманіе. Онъ заказалъ ему нѣсколько картинъ, за которыя нарочито далъ значительную цѣну. Съ тѣхъ поръ состояніе художника поправилось и щастіе никогда не оставляло его.

Рѣдко снисхожденіе украшаетъ сильныхъ земли, но шѣмъ болѣе славы имъ приносить.
 Г-нъ Лозюнь, старая безразсудною спрасію къ дѣвицѣ Монпансье, внучкѣ Генриха IV однажды
 разговаривая съ Лудовикомъ XIV осмѣлился угрожать, что впредь не станеть ему служить.
 Король, державшій въ рукахъ палку, выбросилъ ее за окно, говоря: — « Я бы поступилъ весьма
 неблагоразумно, если бы прибилъ дворянина. » — Побѣда надъ самимъ собою славнѣе всѣхъ
 триумфъ въ : — содѣлашься обладателемъ половины свѣта — и бышь рабамъ спрасней своихъ
 значить бышь подобну шѣмъ нравоучителямъ, копорые, преподавая другимъ полезныя настав-
 ленія, сами упоаюшъ въ порокахъ.

Легко зломъ міръ гремяшь заставивъ:

До Героспрата только шагъ, но шрудно доблестью прославивъ,

И воцаришь себя въ сердцахъ.

М И Л О С Е Р Д І Е.

Чшо можешъ бытъ тебя святѣе,
 О милоснѣ, дщерь благихъ небесъ?
 Чшо краше въ мѣрѣ, чшо мнѣе?
 Кшо можешъ безъ сердечныхъ слезъ,
 Бѣтъ радости и восхищенья,
 Безъ гладкаго въ крови волненья,
 Взирашъ на прелести швой?

Доколь будемъ мы безжалостно шерзашъ другъ друга? Внутреннее чувство убѣждаетъ насъ, чшо милосердіе шѣсно сопряжено съ природою челоѣка. Испорія предала попомству имена шѣхъ, Государей, кои возвели съ собою на престоль сіе рѣдкое качество, между шѣмъ какъ съ оп-
 вращеніемъ именуешъ шѣхъ чудовищъ, кои были бичами рода челоѣческаго. Мы всегда слы-

Милосердие.

Жестокость.

шимъ, съ какимъ умиленіемъ разсказываютъ о Титѣ, Траянѣ, Маркѣ Авреліи, Генрихѣ.... Неупоминимость, съ каковою мы собираемъ дѣянія и изрѣченія Государей благодѣтельныхъ не служатъ ли доказательствомъ, что знаемъ цѣну добродѣтели, хотя и мало изъ насъ найдется такихъ, кои бы исполняли законы ея?

Милосердіе и кротость составляютъ наилучшее украшеніе женщины, но безъ оныхъ и красавица становится отвратительною.

Вильямъ Деркуръ, заслуженный воинъ, жилъ скуднымъ пансіономъ въ бѣдной хижинѣ, построенной его трудами. По смерти жены, у него осталась одна дочь, Ангелика, которая прекрасными свойствами души дѣйствительно заслуживала Ангельское имя. Единственная печаль, сидѣла сердце престарѣлаго Вильяма: онъ не могъ дать прочнаго основанія будущему счастью своей дочери. Между тѣмъ Ангелика ни о чемъ болѣе не помышляла, какъ только о спокойствіи отца своего. При всей бѣдности, она находила средства помогать несчастнымъ, и потому ее называли *бѣдною, милосердою Ангеликою*.

Въ одно утро, занимаясь работою, она увидѣла, предъ дверями своей хижины старика, одѣтаго весьма просто. — Души сострадашительныя! говорилъ онъ, сердца чувствительныя! сжалы-

» песь надъ несчастнымъ слѣпцомъ! Неподалеку опсюда напали на меня разбойники ; послѣднее
 » мое имущество сдѣлалось добычею варваровъ. Умоляю васъ, прикажите опвеспити меня въ Фран-
 » валь , — и Богъ , Который ни одного добраго дѣла не оставляетъ безъ награжденія , воздастъ
 » вамъ за ваше милосердіе къ бѣдному. » При сихъ словахъ Ангелика оставила свою работу и
 побѣжала къ нему на встрѣчу. » Несчастный , сказала она , успокойся на минупу въ жилищѣ
 » нашемъ , ты кажешься уснулъ , сядь на эту скамѣику! — вотъ немного молока , которое пред-
 » лагаю тебѣ опъ чистаго сердца. » — Миѣ ничего не надобно , отвѣщивалъ слѣпой ; те-
 » перь поздно , я долженъ возвращишься домой. — » Ну хорошо , сказала Ангелика , дай миѣ руку,
 » я провожу тебя. » Они пошли по дорогѣ въ замокъ , отстоявшій на полмили опъ хижины. На
 пупи старикъ не престаивалъ предлагать ей вопросы , на которые сія прелестная дѣвушка оп-
 вѣчала съ свойственною ей опкровенностію. Она говорила ему наиболѣе о своемъ опцѣ , о его
 попеченіяхъ , о его добродѣтеляхъ , такъ , что въ старикѣ родилось желаніе познакомиться съ
 нимъ покороче. При входѣ въ замокъ , онъ сказалъ ей : — » Вы столь добры , что проводили бѣд-
 » наго старца , почему надѣюсь , что также не откажешесь приини запра сюда съ своимъ
 » родителемъ : здѣсь я пользуюсь особенною благосклонностію хозяина. » — Ангелика общала

исполнилъ его желаніе и удалилась. На другой день Деркуръ и дочь его, пришли въ Франваль. Слуга ввелъ ихъ въ великолѣпно убранные покои, гдѣ находился вчерашній слѣпецъ. — « Добрый » человекъ, сказалъ онъ онцу Ангелики, давно я хотѣлъ себя видѣть: молва о твоихъ добродѣтеляхъ, разнеслась по всему округу. Я тоже слышалъ о твоей дочери, но спарался узнать, самъ справедливо ли то, что объ ней говорили. Чтобы испытать ея милосердіе, я предспалъ къ дверямъ вашей хижины подъ видомъ слѣпаго спарца. Ея великодушное привѣтствіе, пріятные разговоры убѣдили меня, что она превосходитъ всѣ похвалы ей приписываемыя. Вы находите во мнѣ владѣтеля сего замка, я молодъ, вижу также хорошо, какъ и вы. Давно уже ищу себѣ подруги, достойной моего сердца. Мнѣ предлагали многихъ богатѣйшихъ невѣстъ, но я ихъ отвергнулъ; — одна Ангелика обладаетъ добродѣтелями, составляющими щастіе супруга. — Предлагаю ей мое сердце и имущество; у тебя почтенный отецъ прошу ее себѣ въ замужство, если она не отвергнетъ моего предложенія. По прошествіи восьми дней я приду въ хижину узнать отвѣтъ ея. » Онъ кончилъ, — и вдругъ исчезла одежда слѣпца, сѣдые волосы пропали, вмѣсто дряхлаго спарика явился молодой человекъ, котораго фізіогномія сдѣлала живѣйшее впечатлѣніе на сердце чувствительной Ангелики. Вла-

дѣтель Франваля не отпустилъ гостей своихъ безъ пышнаго угощенія, и въ осьмой день пришелъ самъ въ ихъ хижину узнать согласіе Деркура. Безъ сомнѣнія, ему не было отказано. Чрезъ нѣсколько времени Франваль и Ангелика, въ домовой церкви, соединились неразрывными узами. Старый Вильямъ не разстался съ своею дочерью, и остатокъ своей жизни провелъ въ объятіяхъ нѣжной дружбы.

Г-жа Франваль не преславала помогать несчастнымъ, и до конца своей жизни, сохранила имя *милосердой Ангелики*.

Ж Е С Т О К О С Т Ъ .

Посмотрите на сихъ шалуновъ. Какъ они мучаютъ это бѣдное животное! — они его пащутъ въ воду. Жестокіе мальчики! чего можете ожидать отъ васъ человѣчество? можете ли вы быть добрыми дѣтьми, нѣжными супругами, сердобольными опцами? . . . потъ, кто находитъ удовольствіе въ жестокихъ поступкахъ, напослѣдокъ дѣлается тираномъ себѣ подобныхъ. Доминіанъ билъ мухъ прежде, нежели спалъ умерщвлять людей.

Дай Богъ, чтобы ваше сердце, любезныя дѣти, никогда не знало жестокости. Ей одолжены мы Калигулами, Неронами, Тиверіями и множествомъ другихъ чудовищъ, коихъ имена сохранила исторія; ей одолжены мы тѣми ужасными происшествіями, которыя не престають возмущать спокойствія государствъ и народовъ. Отъ взятія Тира до разрушенія Каррагена, отъ нашествія Монголовъ до убійствъ Варфоломеевой ночи — вездѣ являюща намъ примѣры

лютости человѣческой. Прежде нежели сообщу описаніе послѣдняго я долженъ объяснить причину онаго. (*)

Въ 1548 году по Р. Х. Марпинъ Люшеръ, ученый и ревностный богословъ своего времени, явно возсталъ прошивъ Каѳоликовъ и сѣдался главою Протестантовъ, (въ послѣдствіи называвшихся также Люперанами, Кальвинистами, Гугенотами, Реформаторами), Римское богослуженіе со дня на день становилось ненавистнѣе Реформаторамъ; инквизиція, новыя Епископства, законы прошивные свободѣ совѣсти, приписанія и казни по видимому вызывали ихъ къ бунту. Кальвинисты проиграли четыре сраженія и въ 1570 году Сенжжерменскимъ миромъ получили позволеніе жить во всѣхъ городахъ Франціи. Тамъ царствовала Елисавета, Итальянка изъ Папской фамиліи, ость природы коварная, и Карлъ сынъ ея, который съ малыхъ лѣтъ привыкалъ

(* Желая доставить болѣе удовольствія молодымъ Читателямъ и отличить сію книгу ость буквальныхъ переводовъ сего рода; я осмѣлился въ оной иѣкошорыя примѣры, не столь занимательныя замѣнить другими изъ лучшихъ писателей. — Описаніе Варроломеевой noci заимствовано изъ сочиненій Г жи Живансъ: Испор. Гевхира великаго Час. I. Ки. I. Переводчикъ.

къ кровопролитію ; сказываютъ, что въ младенчествѣ забавляли его умерщвленіемъ и терзаніемъ живописныхъ. Они ласкали Гугенотовъ для того , чтобы внезапно погубить ихъ. Они почитали ихъ Ерешиками , и пошому думали , что нѣтъ грѣха въ нарушеніи мирныхъ съ ними договоровъ. Въ сіе время случилось ужасное происшествіе , коего описаніе предлагаемъ нашимъ Читателямъ. Парижъ , столичный городъ Франціи , былъ театромъ онаго.

1579 года 24 Августа, въ день Св. Варѣоломея, въ четьре часа утра раздается во Дворцѣ звонъ колокола: это было для Каполиковъ извѣщеніемъ, что Адмиралъ Колиньи, глава Гугенотовъ , болѣе не существуетъ. Они были вооружены кинжалами и пистолями, на рукахъ имѣли перевязи изъ бѣлаго полотна, чтобы различать другъ друга. Жертвы являлись сами : на спрашную тревогу, произшедшую по смерти Адмирала, пробужденные Гугеноты выбѣгали шодонами изъ домовъ своихъ полунагіе , обезоруженные. Народъ спекается изъ всѣхъ частей города и ужасные крики : *бей Гугентовъ* ; раздаются изъ конца въ конецъ. — Три дня продолжалось убійство , и во все теченіе оныхъ сонъ удаленъ былъ изступленіемъ и ужасомъ ; не слышно было иныхъ словъ , кромѣ выражений бѣшенства и отчаянія. Въ сіи спрашные дни оскорбленное небо каждую минуу было призываемо одними умирающими. Кровь текла ручьями , преступленіе неутоми-

ное бодрствовало безъ отдыха. Въ продолженіи двухъ послѣднихъ дней, Парижъ представлялъ ужасную картину города, взятаго приступомъ и преданнаго на разграбленіе. Безпреспанно слышны были пистолетные и ружейные выстрѣлы; стукъ камней, бросаемыхъ въ стѣны и окна домовъ, вопль и стоны жертвъ, богохульства, ругательства и вопль убійць. Улицы были покрыты человѣческими трупами, разбросанными, окровавленными; двери домовъ, дворцовъ и публичныхъ зданій обрызганы кровію; смерть и разрушеніе изображались повсюду въ чертахъ самыхъ отвратительныхъ. —

Разсматривая обычаи разныхъ дикихъ народовъ, мы найдемъ примѣры болѣе ужасныя, и болѣе лютыя и потому должны сознаться, что при всѣхъ жестокостяхъ, которыя помрачаютъ исторію народовъ образованныхъ нѣтъ пворенія столь свирѣпаго, какъ человѣкъ въ естественномъ состояніи, котораго превозносятъ новѣйшіе Философы; мы должны благодарить небо, что родились въ странѣ благословенной, гдѣ стремленіе спрасней обуздывается законами въ совокупности съ мудрымъ ученіемъ вѣры и успѣхами просвѣщенія.

Faint handwritten text, possibly a signature or date.

Faint handwritten text, possibly a signature or date.

БЛАГОДѢЯНІЕ И СКУПОСТЬ,

Еслибъ мы знали, что претерпѣваютъ бѣдные, мы стали бы упрекать себя за излишнія издержки, стали бы стыдиться при взглядѣ на свои сокровища. Мы не знаемъ и знать не хотимъ, что они чувствуютъ, даже боимся услышать объ нихъ, избѣгаемъ ихъ присущія: думаемъ, что забывая ихъ, свободны уже отъ всѣхъ обязанностей ближняго.

Губернъ Вернеръ и сестра его Амалія были одарены отъ природы совершенно противоположными чувствами. Амалія Вернеръ всякому бѣдному подавала руку помощи. Она отказывала себѣ въ самонужнѣйшемъ, но не оставляла безъ покровительства несчастнаго. Уже нѣсколько семействъ благословляли ее, а жители города не иначе называли, какъ добродѣтельною Амалією; между тѣмъ какъ братъ ея Губернъ, сдѣлался извѣстенъ чрезмѣрною скупостію и безчеловѣчїемъ.

Помышляя единственно о умноженіи наслѣдства отца своего, онъ предался постыдной скупости: никогда бѣдный не удалялся отъ него, не получивъ отказа. Жестокосердіе его простиралось даже до того, что онъ нерѣдко оскорблялъ сестру свою, ту, которая росла съ нимъ вмѣстѣ, которая осыпала его нѣжнѣйшими ласками; ту, предъ которою и люпый звѣрь содѣлался бы крошкнмъ агнцемъ.

Но рано или поздно порокъ получаетъ достойное возмездіе! Всевышній Судія беретъ подъ Святой кровъ Свой благодѣтельнаго, блюдетъ защитника чадъ Его, даруетъ счастье тому, кто живетъ для счастья ближняго; но могущаго дѣлать добро, и не дѣлающаго, могущаго надѣлать неимущихъ, и презирающаго ихъ Онъ гонитъ, преслѣдуетъ, наказуетъ. Однакожь Христіанину всегда отверзтъ путь къ блаженству. Пріявшій крестную смерть по любви Своей къ человѣку, — терпитъ, ожидаетъ исправленія и какъ пастырь добрый не отвергаетъ опшадшаго, возвращающагося къ Нему съ истиннымъ покаяніемъ. — Нашему корыстолюбцу некогда было думать о покаяніи....

Наконецъ Всемогущій ниспосылаетъ достойную казнь на Губерна Вернера въ страхъ — и ипрепешъ, неисполняющихъ Его заповѣдей. Казалось, и самыя стихіи по единому Его мановенію

вооружились противъ сребролюбца. Въ одну ночь поднялась ужасная буря, яркія молніи блискали во мракѣ, удары грома сыпались одинъ за другимъ — и сердца злодѣевъ шрепешали; вѣтръ, дождь, градъ, ревѣли по улицамъ, устращенные жители спѣшили въ жилища свои. Ударилъ громъ — хижина Губерта запылала. Вспревоженный народъ сбѣжался со всѣхъ спаронъ; но никто не хотѣлъ подать ему помощи, тщетно умоляетъ онъ ихъ, — никто не внемлетъ воплямъ жестокосердаго; тушь-то несчастный позналъ весь ужасъ своего положенія. — « Праведный Боже! — восклицаетъ онъ, — на что собиралъ я сіи сокровища, кои будутъ жертвою нена- сытнаго пламени. » — Но тщетно; пожаръ разпространяется съ необычайною скоростію, вѣтръ усиливается и разноситъ далеко искры. — Домъ добродѣтельной сестры былъ смѣженъ съ жилищемъ ея брата, что побудило жителей защищать свою покровительницу отъ близкой опасности. На ужасный шумъ выбѣгаетъ Амалія. Видитъ несчастіе, постигшее ея брата; проливаетъ слезы и умоляетъ жителей подать ему всевозможную помощь. Нѣкоторые изъ нихъ, будучи тронуты ея добродушіемъ, устремляются къ хижинѣ; но уже поздно: Губертъ, стараясь спасти, хотя нѣкоторую часть своихъ сокровищъ бросилъ въ пламень, спервъ огнемной сундукъ вдругъ пошолокъ обрушивается и несчастный разпростереться на ссырь золотѣ

испускаетъ духъ. Вошъ какъ наказываеяся невнемлющій воплямъ нещасныхъ! Буря утихла семейства , покровительствуемая Амаліею удивлялись Правосудію Небесъ и возсылали шеплыя молишвы къ Благосердому Царю Царей , за сохраненіе ихъ ушѣшителя въ крайностяхъ и подпоры въ недугахъ.

Будыте съспрадательны , юныя Чипатели! Если вы наслаждаетесь изобиліемъ , то нельзя уже благородіе и полезіе употреблять богатство свое , какъ токмо на благодѣянія. Отверземъ нещаснымъ соболѣзнующія сердца наши ; облегчимъ ихъ участь , по крайней мѣрѣ , своими ушѣщеніями , если не позволяетъ доспапокъ оказатъ имъ совершенную помощь!—

Тотъ извергъ Естества , кто ближнихъ ненавидишь ;

Тотъ малъ , чшобъ честнымъ бышь , кто шолько же обидишь .

По правдѣ человекъ , кто всѣмъ благошворишь ;

Дыханія его немолчывый ешь свидѣшель

Сноснѣшна добродѣшель ;

Онъ живъ , кола всѣхъ живишь!

Воздуство.

Кокетка.

Х О З Я Й С Т В О.

Достойна уваженія добродѣтельная женщина, которая удѣляетъ нѣсколько минутъ своей жизни на хозяйственныя занятія и водворяетъ въ своемъ домѣ порядокъ и довольство.

Госпожа де Сенанжъ охотно исполняетъ многотрудныя обязанности, возлагаемыя на нее почтеннымъ именемъ супруги и матери; изобиліе и согласіе никогда не оставляютъ ее семейства, для него всякой день—есть день блаженства; и между тѣмъ, какъ большая часть особъ ея пола проводятъ жизнь исполненную заботъ и безпокойствъ, слѣдующихъ за роскошью и распочительностію, она наслаждается постояннымъ щастіемъ и находитъ въ сердцѣ супруга своего и въ ласкахъ дѣтей сладчайшую награду. Сія нѣжная мать сама занимается воспитаніемъ своего сына. Всѣ увеселенія опложены. Между тѣмъ, какъ юный Робертъ получаетъ отъ нее свой урокъ, Аглая, сестра его, занимается домашнимъ рукодѣліемъ. Однакожь не ду-

майше , чтобъ Гжа де Сенанжъ была изъ шѣхъ суровыхъ женщинъ , которыя лишаютъ дѣтей и невинной забавы ; она знаетъ , что умъ не можетъ быть всегда въ напряженіи ; она только не позволяеть имъ въ праздности проводить лучшія лѣта жизни .

Имѣя богатыхъ родителей , она заранѣе научилась познавать цѣну трудовъ , и царствующимъ вокругъ ея обиліемъ обязана своей попечительности . Соспояніе супруга ея , казалось , могло бы освободить ее отъ всѣхъ заботъ , коихъ пребуешь присмотрѣ за домомъ ; но одинъ несчастный случай принудилъ Гжа Сенанжа оставить отечество свое , чтобы избавиться смерти . Его имѣніе было конфисковано . Супругъ , рѣшившейся раздѣлять несчастія отечества , оспалась одна только надежда на свою дѣятельность . Если бы сія почтенная женщина , при всей снѣдавшей ее горести , не употребила послѣднихъ силъ на поддержаніе несчастнаго семейства своего , то все бы погибло . Напротивъ того Гжа де Сенанжъ по возвращеніи своемъ нашелъ всюду благополучіе и пищу . Онъ уже не наслаждался болѣе почестями ; и какова бы была тогда его участь , если бы Небо не даровало ему такой супруги , которая прекрасными качествами своими совершенно вознаграждаетъ его за всѣ претерпѣнныя имъ бѣдствія ?

Будьте увѣрены , молодые Особы , читающія сію повѣсть , что не довольно обладать шѣми

блистательными палантами, которые содѣлываютъ васъ украшеніемъ общества. Каково бы ни было богатство вашихъ родителей, вы не должны забывать, что громъ чаще ударяетъ въ высокій шеремъ, нежели въ скромный шалашъ. Старайтесь пріобрѣсти полезныя свѣдѣнія, которыя могли бы васъ защищать отъ непріязненной судьбы; пріучайте себя заранѣе къ исполненію добродѣтелей вашего пола; — принявши на себя обязанности матери, не помышляйте о щепныхъ удовольствіяхъ, вмѣсто домашнихъ занятій; ваши дѣти, да будутъ всегда предметомъ вашего неусыпнаго попеченія, и представляя ихъ въ какомъ нибудь обществѣ подражайте матери Граковъ, которая указывая на своихъ дѣтей сказала: « вотъ всё мое сокровище, вотъ всё мое украшеніе. » —

К О К Е Т К А.

Убѣгайте праздности! —Тѣ, которые занимаются только шулетомъ, балами, театрами, и тому подобнымъ, не имѣютъ ни времени, ни охоты исполнять свои обязанности. Правда, правиться необходимо для женскаго пола; но наилучшее къ тому средство состоитъ въ томъ, чтобы въ глубину своего сердца чаще заглядывать, нежели въ зеркало. Убранство и красота могутъ прельстить на одну только минуту; новашь супругъ и ваши дѣти всегда предпочтутъ въ васъ добродѣтель.

Что можетъ быть пагубнѣе роскоши и кокетства? Это бездна Харибды, поглощающая величайшія добродѣтели. Несчастливъ супругъ, коему судьба назначила женщину, помышляю-

щую токмо о щегольствѣ и забавахъ: всѣ сокровища земныя недостাপочны для нее, и если онъ твердостію своею не противупоставитъ надежной преграды сему все-испребляющему пламени, то пагуба его неизбежна. Нещасны дѣти, имѣющія такую мать: печаль и необразованность спановятся ихъ удѣломъ, и между тѣмъ, какъ сія богиня красоты, коей обязаны они своимъ существованіемъ, ослѣпляетъ глаза блескомъ брилліантовъ своихъ, они часто не имѣютъ . . . необходимаго.

Горшензія Мильванъ получила отличное воспитаніе. Родители ея ничего не щадили, чтобы доставить ей тѣ блестящія опличія, безъ коихъ молодая особа нынѣшняго свѣта почипается невѣждою. Она танцовала, какъ Вигоншини; пѣла, какъ Капалани, и въ рисованіи не уступала лучшимъ живописцамъ. Осыпаемая похвалами отъ безчисленныхъ обожателей; она почипала уже себя щастливѣйшею изъ смертныхъ. Желаніе нравиться содѣлало ее кокеткою, и имущество добрыхъ ея родителей давно бы истощилось, еслибы богатѣйшій банкиръ въ столицѣ не предложилъ руки своей. Едва вступила она въ черпоги Мондара: каждое упрое множество обожателей окружали ее; всякой почипалъ за величайшее щастіе присутствовать при ея шуалствѣ, и въ то время, какъ какой нибудь повѣса рассказывалъ ей анекдоты, или читалъ новѣйшій романъ

дражайшій супругъ восхищался цвѣтомъ лѣнпшъ и опдѣлкою модной шляпы своей щеголихи. Тотчасъ появились балы, концерты, маскарады, куда съѣзжались всѣ безъ зову. Не нужно говорить о томъ, что она всегда играла первую роль и рукоплесканія не упихали ни на минушу.

Между тѣмъ Мондоръ не примѣчалъ, что богатство его нечувствительно переходило въ карманы бриллианщиковъ, модныхъ портвовъ, каретниковъ, и другихъ художниковъ, покровительствуемыхъ нынѣшнимъ свѣтомъ, которые ежеминутно толпились на обширномъ дворѣ Горпензіи. Однакожъ пришло время;—должно было о семъ подумать, когда сундуки совершенно опорожненные, болѣе не позволяли ему тѣшить свою любезную супругу. — Кредиторы требовали уплаты по вексямъ. Все его имѣніе содѣлалось ихъ добычею; земли и замки едва могли удовлетворить ихъ требованія, и изъ всего имущества, осталась только малая часть, подобно опломкамъ корабля послѣ жестокой бури; а у безсмысленной женщины другое злополучное приключеніе похищало, почти въ одну минушу, всѣ средства блистать на сценѣ роскоши. Горпензія въ этотъ самый день, какъ богатство мужа ея содѣлалось жертвою мотовства, скакала по улицамъ въ легкой коляскѣ, на четверкѣ вороныхъ. Лошади, испугавшись чего-то взбѣсались и опрокинули ее; такъ, что Горпензія была выброшена весьма далеко на

мосповую. Однакожъ при семъ случаѣ она не лишилась жизни, но только повредила челюсть, сломила ногу, вывихнула руку и была привезена домой въ самомъ жалкомъ положеніи. Попеченіямъ докторовъ она обязана совершеннымъ облегченіемъ. — Но ахъ! пожалѣйте объ ней: та, которая споль хорошо рисовала — теперь не владѣетъ правою рукою; соперницу Капалани, — едва можно пощипать; богиня панцевъ — теперь ходитъ на костыляхъ! . . .

Н Е В О З Д Е Р Ж А Н І Е.

О ты , который считаешь себя совершеннѣйшимъ изъ твореній , — стыдись ! . . ты работаешь своему желудку . Развѣ существуешь для того только , чтобы пожирать ясныя разнородныя , которыхъ все достоинство состоитъ въ рѣдкости и дороговизнѣ ? Развѣ ничего не знаешь возвышеннѣе и благороднѣе скотскаго пресыщенія ? — стыдись , слабый смертный ! . .

Посмотрите съ какою жадностію этотъ прожора смотритъ на поставленный предъ нимъ паштетъ . При взглядѣ на сію громаду дичины , на сего жирнаго гуся ; при взглядѣ на сіе мясо , котораго большая часть отдана собакамъ достойной соудницѣ въ его чревоугодныхъ подвигахъ ; при взглядѣ на сего дороднаго повара , который несетъ еще кучу пироговъ , кто бы не подумалъ , что десятеро голодныхъ собесѣдниковъ должны уѣсться вокругъ стола , если бы дѣятельность сего господина не давала яснаго понятія , что вся эта смѣсь рябчиковъ , куронапокъ гусей и широ-

Невоздержаніе.

Слѣпенность.

говъ должна наполнить одинъ желудокъ!... Но какія будутъ послѣдствія таковой неумѣренности? Слასполюбець съ прищупленными чувствами съ трудомъ уже можетъ ощущать вкусъ самыхъ лучшихъ снѣдей. Его ослабѣвшій желудокъ обременяется веществами жирными, кислыми и солеными, которыя довершаютъ разрушеніе, и вмѣсто уполенія голода, возбуждаютъ оный. Такимъ образомъ съ умноженіемъ кушанья умножаются болѣзни наши, какъ сказалъ одинъ древній писатель весьма кспати: « Со времени изобрѣненія всѣхъ сихъ упощенныхъ яствъ, » для того только, дабы доказать, что человекъ можетъ сѣсть болѣе всякаго живошнаго, съ » того то самаго времени, то, что служило пищею превращается въ ядь. » Болѣзнь рано или поздно наказуетъ неумѣренность. Спросите сего богача, у котораго жестокая подагра опни-
 маетъ упоребленіе членовъ, спросите о причинѣ перимой имъ боли; онъ вамъ скажетъ: — « Я плачу долгъ моему невоздержанію. » —

Одинъ человекъ, который ѣлъ и пилъ за шестерыхъ, нѣкогда былъ представленъ Генриху IV, Королю Французскому, въ надеждѣ получить отъ него все нужное для поддержанія яволь рѣд-
 каго паланша. Король, знавшій его только по слуху спросилъ правда ли то, что говорятъ объ немъ. — Точно такъ, Государь, ошвѣчалъ онъ. — « И ты работаешь также по мѣрѣ своей ѣды? »

присовкупилъ Гевирихъ. — Государь, возразилъ сей человекъ, я работаю столькоже, сколько и другой равныхъ со мною силъ и возраста. — « Обжора! сказалъ Король, еслибы въ моемъ государствѣ, имѣлъ я много такихъ какъ ты, то велѣлъ бы всѣхъ перевѣшать; ибо опъ энихъ бездѣльниковъ нечего больше ожидать, кромѣ голода. » —

Спросишь къ винѣ не менѣе пагубна; ибо развратъ бываетъ неразлучнымъ спутникомъ оной и часто увлекаетъ за собою безразсуднаго въ могилу, изрытую подъ его колеблющимися стопами. — Мудрый наблюдаетъ въ семъ случаѣ сдержаннѣе воздержаніе; ибо стыдится того случая, въ которомъ бы онъ не опличался опъ звѣря вспылчивостію и бѣшействомъ, а опъ ребенка сумазбродствомъ и дурачествомъ.

Возможно ли! восклицаетъ Плиній, натуралистъ, мы покупаемъ великою цѣною то, что помрачаетъ разумъ и приводитъ въ бѣшенство; развѣ природа не даровала намъ воды, сего спасительнаго напитка, которое употребляютъ всѣ животныя? Ужасны слѣдствія пьянства, прибавляетъ сей же самый писатель. Въ ономъ открываются тайны нашего сердца; въ ономъ многіе произносятся ужасныя слова, сполучающія имъ иногда и самой жизни. Но если бы и того не случилось съ нами, то сія блѣдность, впалыя щеки, опухлыя глаза, дрожащія руки; сей сонъ,

возмущаемый ужасными сновидѣніями ; ночи, проводимыя въ безпокойствахъ , а на утро истребленіе памяти и какое-то ко всему равнодушіе , развѣ не довольно доказываютъ , сколь пагубна страсть сія для души и тѣла. Ипакъ , если страсть къ вину несвойственна всякому благоразумному мушцинѣ , то тѣмъ болѣе она неприлична иужному полу.

Римскими законами женщинамъ запрещалось пить вино. Фабіи Пикторъ упоминаетъ въ своихъ лѣтописяхъ , что одна женщина была осуждена на голодную смерть за то только , что развязала кошелекъ , въ которомъ хранились ключи отъ виннаго погреба.

Но послѣ сего кто же повѣритъ , что въ семъ самомъ городѣ , гдѣ были столь строгіе законы ; въ Римѣ , гдѣ иѣкогда Ценсоры наказывали Кавалеровъ (Equites) за роскошную жизнь , появились , въ послѣдствіи , Апиціи , Лукуллы , Антоніи и многіе другіе шунеедцы , прославившіеся въ лѣтописяхъ сластолюбіемъ ? Упомянемъ объ одномъ изъ нихъ . Никто не превзошелъ Лукулла въ роскоши и пышности , которыя послѣ завоеванія Азіи должны были перемѣнить Римскіе нравы . Однажды , когда дворецкой пригласилъ ему столъ не такъ пышный , какъ обыкновенно , потому что у него не было гостей ; то онъ разсердился сказалъ ему : — « развѣ ты не зналъ , что Лукуллъ долженъ нынѣ у Лукулла ужинашь ? » — Вотъ одинъ изъ величайшихъ мужей республики ,

превращившейся, такъ сказать, въ Персидскаго Сапрана. Послѣ его смерти было продано рыбы изъ прудовъ его болѣе, нежели на 15 тысячъ большихъ сестерцій. Это не удивительно, ибо въ Римѣ Азиній Цесарій за одну рѣдкую рыбу заплатилъ 36 сестерцій (около 1800 рублей.)

И въ наши времена многіе не стыдятся попирашь ногами священнѣйшія обязанности для того только, чтобы возжечь еиміамъ воздержанію; — и новѣйшіе Лукуллы уже начинаютъ къ нещасію подражать древнимъ.

Ты, который желаешь провесни жизнь свою въ благоденствіи, не забывай сихъ послѣднихъ сѣпокъ:

Блаженство не въ лучахъ Порфиръ
 Не въ вкусѣ яствъ, не въ нѣгѣ слуха,
 Умѣренность есть лучшій пиръ.

У М Ъ Р Е Н Н О С Т Ь .

Оставимъ сего, недостойнаго эгоиста, которой въ одинъ разъ поѣдаетъ столько, сколько довольно бы было для насыщенія нѣсколькихъ семействъ; оставимъ его съ опухлымъ лицомъ, багровыми глазами и слабыми нервами; пусть онъ бѣжитъ на встрѣчу смерти, которая уже заноситъ на него губительную косу, и остановимся на минушу на другомъ предметѣ болѣе достойномъ нашего вниманія. Взгляните на сію молодую женщину, которую фортуна осыпаетъ дарами своими, дабы содѣлать ее благодѣтельнымъ Ангеломъ, ниспосланнымъ на землю для утѣшенія несчастныхъ, — въ примѣръ Христіанскихъ добродѣтелей.

Аделія Кроифельдъ не долго носила на себѣ узы супружества. Оставшись вдовою, она сердечно чувствовала потерю, которую испытала; шѣмъ болѣе, чѣмъ Небо оказало ей въ пріятномъ имени матери. Она вознамѣрилась жить въ уединеніи, и богатство ея содѣлалось удѣломъ бѣдныхъ :

подобно милосердому Типу, она стигала дни свои по благодѣяніямъ. Та, которая могла бы исполнять всѣ свои прихоти, довольствуется скромнымъ жилищемъ; на умѣренномъ столѣ ея не видно ни сочныхъ яствъ, избрѣженныхъ для пресыщенія ненасытныхъ богачей, ни иѣнящихся винъ, коихъ пары помрачаютъ разумъ; при ней не увидите сихъ подлыхъ шуеядцевъ, которые, подобно наѣкомымъ, привлекаются запахомъ пищи. Бережливостію и хозяйствомъ Гжа Кроифельдъ удвоитъ доходы свои, и иѣмъ болѣе спановится число семействъ, которымъ она вспомоществуетъ. Куда ни направляетъ шаги свои, повсюду благословенія бѣдныхъ сопровождаютъ ее: никто на землѣ не наслаждается столь чистымъ блаженствомъ, которое доставляютъ ей умѣренность и благодѣяніе.

Большая часть великихъ людей и даже цѣлые народы, какъ на примѣръ Лакедемоняне, руководствуясь одною природою, которая довольствуется малымъ, приобрѣли щастіе и славу умѣренностію.

Сказываютъ, что Александръ Македонскій, занимаясь единственно великими предпріятіями своими, въ то время, когда онъ не забылъ еще наставленій полученныхъ въ дѣлствіи, и когда не развратился еще Азіятскою роскошью, отослалъ назадъ поваровъ, присланныхъ ему Адою, сестрою Мавзола, съ сими словами: — « Я не имѣю надобности въ этихъ людяхъ; наставникъ мой Лео-

» видѣ снабдилъ меня двумя самыми искуснымъ и поварами: военныя упражненія по утрамъ доставляютъ мнѣ хорошей обѣды, а умѣренность въ обѣдѣ приготовляетъ наилучшій ужинъ. »— Для чего не сохранилъ онъ сей похвальной привычки до конца своей жизни? онъ бы не сдѣлался убійцею Клипа. — Умѣренность была матерью крѣпкого сложенія Древнихъ Римлянъ. Разверните Исторію и подивитесь воздержной жизни Сципіоновъ, Катоновъ, Фабриціевъ, Эллиевъ, и Емилиевъ. » Виноградъ, груша и другіе плоды, говоритъ Ювенальъ были пищею Сенаторовъ въ тѣ времена, когда Республика начала уже оставлятьъ прежнюю грубость нравовъ. Гражданинъ довольствовался богами, собираемыми имъ самимъ въ своемъ огородѣ. Собственными руками готовилъ онъ на очагѣ такое кушаніе, которое нынѣ и самые невольники съ презрѣніемъ отвергаютъ. Въ старину пища добрыхъ предковъ нашихъ въ праздничный день состояла, въ кускѣ конченнаго сала, а коль скоро въ день своего рожденія приглашали къ себѣ родственниковъ, то прилагали къ тому еще нѣсколько мяса, оставшагося отъ жертвоприношеній. Присудствовать при такомъ пышномъ празднествѣ считали себѣ за честь и нѣ изъ гражданъ, которые уже три раза бывали Консулами. Сии великія особы, полководцы и даже самые Диктаторы, оставляя полевыя работы свои, съ заступами на плечахъ ходили на сей великолѣпный пиръ, гдѣ царствовали простота, веселость и умѣренность. »

Какое различіе между пѣми щаспливыми временами и нашимъ вѣкомъ ! Дѣплямъ уже не нравятся просныя кушанья ; съ малыхъ лѣтъ привыкающъ они къ сластолюбію , между пѣмъ , какъ въ сія лѣта должно приучашъ ихъ къ умѣренности и шерпѣнію , чпобы пригошовить къ пѣмъ непредвидѣннымъ бѣдспвіямъ , коими исполнена жизнь наша .

Здѣсь спросящъ , можемъ бытъ , какъ же взрослымъ , изнѣжившимъ себя воспитаніемъ и прихотями , укрѣплящъ свое пѣло ? —

Какъ бы бренно ни было наше пѣло , мы можемъ поддерживать его , можемъ даже продлить существованіе наше , если въ силахъ будемъ обуздывашъ спраспи , которыя погубляющъ преждевременно многихъ изъ насъ . Къ чему послужитъ Медицина , если мы спанемъ жить просто и употреблящъ пищу , неиспорченную искусствомъ ; ничто не приноситъ человѣку сполько чеспы , какъ умѣренность , воздержаніе и спрогіе нравы . Довольствовашъся малымъ не сполько полезно , но даже необходимо . Въ юношескія лѣта днемъ , большую часпъ года , проводимъ мы въ шеплой комнапѣ , а ночью на пуховой постелѣ . Выходя изъ дому спараемся сбѣрегашъ себя опъ сильного вліянія непогоды шеплою одѣждою . Упражненія наши состоящъ въ чпеніи , писаніи ; мы просиживаемъ до полуночи , просыпаемъ до десяти часовъ ушра ; и опъ шого бываемъ недовольны собою и

всѣмъ окружающимъ ; неспособны къ дѣламъ , пребывающимъ нѣкотораго напряженія силъ ; и нерѣдко впадаемъ въ ипохондрію. Еслибы наша пуховая постеля была замѣнена простою , набитою соломой , и теплѣе одѣяло — холоднымъ , если бы мы за два часа до полуночи ложились спать и вставали съ возхожденіемъ солнца , если бы все излишнее было оставлено , если бы мы въ пищу сдѣлались умереннѣе : то въ нашемъ плѣтѣ воспослѣдовала бы примѣтная перемѣна ; множество непріятныхъ ощущеній прошли бы и исчезли мало по малу , а исполненіе обязанностей содѣлалось бы тогда гораздо легче.

Испытайте это сами надъ собою , любезные Читатели , вы найдете , что жизнь ваша и здоровье совершенно перемѣнятся. Множество печальныхъ припадковъ , лѣность , безсиліе и неспособность духа къ ясному помышленію происходятъ отъ обремененнаго желудка : *воздержаніе есть наилучшее лѣкарство.*

СТРАСТЬ КЪ ИГРЪ.

Игрокъ добровольно мѣняетъ богатство свое на нищету ; ужасное опчяніе есть достойное наказаніе за сію безразсудность. Молодые чипапели , прочтите со вниманіемъ исторію нещаснаго , котораго конецъ , вы увидите , будетъ самый плачевный , и сей примѣръ да отвратишь васъ навсегда отъ порока , заслуживающаго презрѣніе.

Гнъ Сенневиль былъ достапочнымъ фабриканпомъ на берегахъ Лоары. Онъ имѣлъ одного только сына , на котораго полагалъ всю свою надежду. Викторъ , получивши модное воспитаніе , не думалъ слѣдовать благоразумнымъ наставленіямъ отца своего. Обольщенный совѣсами развратныхъ друзей , по выходѣ своемъ изъ Пансіона , онъ пристрастился къ игрѣ и расточительности. Однакожь , при жизни отца своего нѣсколько воздерживался отъ пагубной склонности : родительскія увѣщанія прогали , еще не совсѣмъ развращенное , сердце ; но это была слабая прегра-

Страсть къ игръ.

да спремленію воды, ожидавшей благопріятной минуцы, чтобы сокрушить оную. Гнѣ Сенневиль, удрученный печалію, примѣчалъ, что здоровье его со дня на день ослабѣвало. Новое огорченіе причиненное сыномъ, ускорило приближеніе смерти, — тогда - по Викпоръ могъ свободно слѣдовать спрашивая своимъ, не опасаясь встрѣпиться на презрѣнномъ своемъ поприщѣ еъ какимъ нибудь несноснымъ пупеводипелемъ, копорой бы на всякомъ шагу оспанавливалъ его.

Первою его заботою было освободиться прекраснаго заведенія, доставлявшаго нѣсколько лѣтъ порядочный доходъ отцу его. Онъ переѣхалъ въ столицу съ намѣреніемъ пользоваться своимъ наслѣдствомъ гораздо благороднѣе; однакожъ, въ надеждѣ, что богатство его никогда не изсякнетъ, ни мало не умѣрялъ издержекъ и напослѣдокъ, опвергнувъ правила благовоспитаннаго человѣка, презрѣвъ послѣднія наспавленія виновника дней своихъ, совершенно погрязъ въ безднѣ пороковъ. Вѣроломные друзья усыпали цвѣтами шу пропастъ, копорая должна была поглотить его. Едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ — и молодой Сенневиль позналъ весь ужасъ своего положенія. Каршны и биліардъ похипили у него большую часпъ имѣнія, а остатокъ сдѣлался добычею хищныхъ заимодавцевъ. Но блѣдный лучъ щастія снова просіялъ для него, — кажется, на нѣсколько времени примирилъ его съ судьбою. Опялъ обладаетъ значительною суммою, можетъ

наслаждаться спокойствіемъ , если призоветь на помощь разсудокъ и не спанеть въѣришься слѣ-
 пому случаю. Познавъ изъ опыта превратность щасія , онъ подлинно имѣлъ намѣреніе испра-
 выться и для достиженія сей благородной цѣли не находилъ лучшаго средства , какъ обязать себя
 узами супружества. Викторъ женился на богатой наслѣдницѣ , и въ объявіяхъ Гименея забылъ
 на минупу спросить къ игрѣ. Но , увь ! искра пламени , несовершенно попухшаго , снова возго-
 рается , Викторъ не можетъ пропитаться , проигрываетъ все , что ни имѣлъ до своей свадьбы ;
 играетъ на приданое жены своей—и оно оспаеша въ когтяхъ развратныхъ его товарищей. Тер-
 заемый угрызеніями совѣсти , онъ не зналъ , что дѣлать : — возвратиться ли домой къ невинной
 жертвѣ своего безразсудства , или однимъ ударомъ прекратить коловратную жизнь. Но вдругъ
 молодая супруга съ новорожденнымъ сыномъ представляется мысленнымъ взорамъ его не долго
 колебался ; рѣшился прибѣгнуть подъ покровительство богатой тещи своей.— Сія простила
 его великодушно и приняла въ домъ свой. Если игрокъ , лишенный единственнаго своего удо-
 вольствія , можетъ наслаждаться благополучіемъ ; то Викторъ жилъ у нее щастливо. Между
 тѣмъ теща умерла скоропостижно , и спустя нѣсколько времени , онъ получилъ все ея имуще-
 ство. Нещастный снова принимается за карты , въ надеждѣ , что по крайней мѣрѣ упроитъ свое

богатство. Первый вечеръ ему пощасливился, второй еще болѣе, на претѣй видѣть себя на краю гибели; — играетъ на послѣднее . . . все кончено! Пришедши въ бѣшенство, и брося на поварницу свирѣпый взглядъ, онъ хотѣлъ удалиться; но увидѣвъ въ углу двоихъ игроковъ, которые дѣлили между собою выигранное у него золото. Волосы его спановаятся дыбомъ, внушительность волнуется. Въ отчаяннѣйшій выходитъ онъ на балконъ, вынимаетъ изъ кармана пистолець и произносивъ имена супруги и сына раздробляетъ себя черепъ. Несчастная супруга была извѣщена о семъ ужасномъ происшествіи однимъ неблагоразумнымъ слугою, безъ всякой предосторожности. Она упала безъ чувствъ и испустила послѣдній мучительный вздохъ, оставя на произволъ судьбы — бѣдное, невинное дитя.

Не шѣ ли, кои должны удалять дѣтей своихъ отъ всего, что только можетъ внушать имъ подобную страсть, — не они ли первые часто раздуваютъ въ юныхъ сердцахъ искру того пламени, который погубляетъ человѣка въ одно мгновеніе? Когда мы заставляемъ дѣтей вмѣсто себя мѣшать карты, или выбирать билетъ для лотереи, что тогда они должны заключить изъ сего? . . . То, что въ игрѣ соединитъ величайшее щастіе, что она можетъ прокормить насъ безъ трудовъ и заботъ, что людямъ предназначено искать только однихъ кучъ золота. Посме-

мирише , съ какимъ удовольствіемъ они перебираютъ карты , коихъ зловредному употребленію мы сами научаемъ ихъ. Ощцы семействъ ! опклоняйте дѣшей вашихъ , даже и опъ "невицной забавы въ карты. Все вкореняется непримѣннымъ образомъ съ лѣтами. Опъ забавы можетъ родиться навикъ , опъ навика спрасъ и сія по спрасъ естъ главнѣйшая причина шѣхъ злоключеній , коими преисполнена жизнь наша.

Роскошь.

Бедность.

РОСКОШЬ И БОГАТСТВО.

Кто въ роскоши живешь.

Не знаешь и того, что въ свѣтѣ есть несчастный.

Не судяшь ли о плодахъ по ихъ вкусу, о живописныхъ по ихъ пользѣ? всякая вещь имѣетъ свое существовавшее достоинство, по которому дается оной преимущество предъ другими. А человекъ, Великій Боже! какое твореніе? — Онъ уважается на земли по своему богатству и пышности: подобно изнещеннымъ пшамъ, въ которыхъ одни только перья привлекаютъ вниманіе.

Что сдѣлалъ сей богатый Крезъ, сей роскошный Мидъ, дремлющій на мягкомъ ложѣ? что сдѣлалъ онъ, для пользы общества — семейства; для приобрѣщенія повиновенія сихъ подлыхъ

рабовъ , окружающихъ его , которые съ подобострастіемъ исполняютъ его малѣйшія желанія : которые ежеминутно ищутъ случая польстить его самолюбію ? Любезные Чипатели , что сдѣлалъ онъ ?

Предки его попирали ногами священнѣйшія права , водворя повсюду неправосудіе , клятвопреступленіе , клевету ; для нихъ ничего не стоило скопить нещетное сокровище , которое содѣлало Мондора невѣждою и надменнымъ и жестокимъ . — Науки ему извѣсны по одному только названію , добродѣтель для него мечта , достоинство — онъ ихъ не имѣетъ и никогда имѣть не будетъ . Да и на что ? — Мондоръ обладаетъ блестящими кучами золота , и предъ нимъ всѣ съ подобострастіемъ преклоняютъ колѣна .

На что ему спяжашъ моральныя доброты ?

Онѣ — не векселя ; не выложимъ на щѣты .

А съ деньгами какихъ нельзя пороковъ сбыть ,
Достоинствъ наклепашъ , талантовъ прикупишь !

Дуракъ ли кто , — премудръ ! безграмошекъ , — все знаетъ !
Ведешешь , — день и ночь о чести помышляешь !

Онъ обладаетъ золотомъ : — спыдливость удаляется жилища его , невинность приноситъ себя на жертву спрястямъ , а сладострастіе усыпаетъ цвѣтами незаконное его ложе. Спупайте , смертные , не щадите ни трудовъ , ни заботъ ; лепите во все концы вселенной и навезите съ собою сладкихъ снѣдей для его пресыщенія ! Не забудьте нарубить въ лѣсахъ Американскихъ , того рѣдкаго дерева , кошорому искусство должно дать тысячу новыхъ видовъ для укращенія великолѣпныхъ его чертоговъ ! — Онъ обладаетъ золотомъ ; — но осушилъ ли когда нибудь слезу несчастнаго ? Нѣтъ , одна низость , приступающихъ къ нему съ пренетомъ , можетъ служить спискомъ его благодарній. Вы , коихъ злополучіе принудитъ когда нибудь искать помощи и защиты его , научитесь прежде преклоняя предъ нимъ колѣна ; научитесь преклоняя къ землѣ униженное чело ваше !

Щастіе , щастіе ! — оно осыпаетъ своими дарами любимца , упоающаго въ изобиліи и удовольствіяхъ , оно дѣлаетъ его повелителемъ всего , что ни составляетъ предметъ наслажденій на землѣ Но , если душевное спокойствіе доставляется намъ побѣдою надъ страстями , то Мондоръ , рабъ оныхъ , — несчастливъ. Удрученный душевными и тѣлесными болѣзнями тщетно надѣется получить облегченіе на пышномъ ложѣ , кошорое еще болѣе расслабляетъ извѣжен-

лые его члены. Никогда сладкій сонъ несмежитъ вѣжды его, — развѣ на одну минуту; но — какая минута! тѣни, принесенныхъ имъ на жертву спрашнямъ своимъ, представляются его воображенію; и сонъ, сей недремлющій спражь справедливости, сѣановинся для него несноснѣе безсонницы. — Вопъ щасііе Мандора. . .

Благѣразумный не желаетъ пріобрѣсти великаго богатства: онъ знаетъ, что сіе кратковременное благо болѣе ^{вопъ} общаетъ, нежели даетъ; знаетъ, что оно доводитъ насъ до корыстолюбія, алчности, зависти и другихъ гнуснѣйшихъ пороковъ, — поперею ввергаетъ въ отчаяніе и вѣкъ лишаетъ спокойствія. — Однакожь онъ и не пренебрегаетъ онаго; ибо хотя оно и не есть истинное благо, однако еще можетъ быть онымъ. Не презирать богатство, но умѣть утверждать на ономъ щасііе ближняго: вопъ что называется мудросіію. Оно должно быть драгоценно по цѣли своего употребленія; ибо человекъ умѣреннаго состоянія бываетъ столько же богатъ, какъ и обладающій несмѣннымъ сокровищемъ, если съ пользою умѣетъ располагать онымъ.

Говорятъ, что роскошь необходима въ государствѣ, что она споспѣшествуетъ торговлѣ, ободряетъ искусства, производитъ между различными классами гражданъ нѣкоторое соревно-

жаніе, которое побуждаетъ одного превосходить другаго — и что безъ роскоши народъ былъ бы подверженъ бѣдности. Но сія самая роскошь не есть ли зародышь пороковъ и несчастій? примѣры сильныхъ, имѣя вліяніе на меньшихъ, заспаваютъ каждаго, подражая имъ, выходя изъ своего круга: если позволено богатымъ то, чего не могутъ имѣть другіе, то бѣдные, избѣгая презрѣнія забываютъ ограниченность своего состоянія и часто нищета многихъ семействъ есть неизбежное слѣдствіе распочительности, распространяющейся даже на низкіе классы народа. Не благоразумнѣе ли бы было желать, чтобы всѣ вообще наблюдали умеренность? Одинъ благонравный человекъ, почтенный достоинствами и знаменитый именемъ можетъ исправить нравы цѣлаго общества; а развратный есть гибель государства: не потому только, что онъ порабощенъ порокамъ, но и потому, что другимъ подаетъ поводъ къ своимъ. И такъ, если имѣемъ достатокъ, то употребимъ его на вспомошествованіе несчастнымъ, ежели нѣтъ, то ограничимъ желанія наши, будемъ довольствоваться безъ ропота, чѣмъ благословилъ насъ Милосердый Творецъ. Будемъ есть для утоленія голода, будемъ пить для уменьшенія жажды, будемъ одѣваться для защиты отъ стужи. Что нужды, что стѣны наши не будутъ обиты ни шпифомъ, ни бархатомъ: человекъ бываетъ

еполюкоже благополученъ подѣ соломеннымъ кровомъ въ мирной хижинѣ, какъ и въ позла-
щенныхъ чершгахъ.

Умѣренный удѣлъ и скромное жилище
 На родинѣ свяшой въ ошцовомъ пенелищѣ,
 Гдѣ опытъ научилъ смалецька мудрымъ бытъ,
 Надежды всѣ свои на Бога положишь;
 Тамъ — шамъ, оставя всѣ теоріи невѣрны,
 Ищете чаще умы высокоумны!
 Тамъ спрашенъ полюко грѣхъ; — великъ небесный Царь
 Тамъ швердъ Его законъ и святъ Его адшарь.
 Лукаштво паушинъ съ улыбкою не вяжешь,
 И взира своего зла ненависть не кажешь;
 Тамъ хитрость прошоны съ ножемъ не спережешь;
 И зависишь ошрыхъ шрѣль, лобная не длетъ.

Б Ъ Д Н О С Т Ъ.

Иной въ прекраснѣйшей палатѣ
 Даетъ всеневно пирь друзьямъ ;
 А рядомъ съ нимъ, въ подземной хашѣ,
 Другой ме ѣсть по цѣлымъ днямъ.

Кто чувствуетъ недоспашокъ въ необходимомъ, попь бѣденъ. И пакъ, бѣденъ гонимый судьбою, обремененный семействомъ и отвергаемый ближними, бѣденъ изнуренный болѣзнями и умирающій опъ голода, бѣденъ спенящій подъ игомъ рабства, бѣденъ лишенный разума, единственнаго путевоидителя въ нашей жизни. Напрошивъ шого, кто своими шрудами снискиваетъ скудное пропитаніе, кто не въ состояніи содержать себя прилично своему званію; шого весьма несправедливо называютъ бѣднымъ. Учасъ бѣднаго самая жалкая: его убѣгаютъ, какъ зараженнаго; если начинаетъ говорить, опъ него опдѣлываются ком-

применшми, спрашась, что бы не попросилъ вспоможенія. Ближніе—враги его; друзей, знакомыхъ— онъ не имѣеть; и самая земля, сія общая наша мать отказываетъ ему въ пищу, которую даетъ она и малѣйшимъ наѣжкомымъ: посреди общаго изобилія бѣдный преперѣваетъ нужду и голодъ.

Здѣсь, можетъ быть, скажутъ, что онъ ведетъ распушную жизнь, признаки порока напечатанены на его рублицѣ; слѣдовательно онъ достоинъ спрданій. Безъ сомнѣнія, онъ одинъ изъ тѣхъ несчастливцевъ, коихъ наказуетъ Правосудное Небо; однакожь не всякому можно приписывать вину нищеты его, какъ сказалъ одинъ знаменитый ораторъ: *что въ бѣдноиѣ почитается, преступленіемъ, то въ богатомъ называютъ слабостію, ошибкою.* Какихъ бы не обычайныхъ переменъ были мы свидѣтелями, если бы одни виновные содѣлались бѣдны!...

Имѣя родителей посредственнаго состоянія, Доминикъ могъ бы еще наслаждаться совершеннымъ спокойствіемъ; если бы неумолимая смерть не похитила виновника дней его. У него осталась нѣжная мать, удрученная скорбію; прудолюбивая, но лишенная опоры. Родитель при жизни своей спарался о его образованіи, зная изъ опыта, что науки только даютъ прочное основаніе благоденствію нашему подкрѣпляя насъ на скользкомъ поприщѣ жизни. При смертномъ часѣ онъ препоручилъ сына одному изъ лучшихъ друзей своихъ, которой оправдалъ надежду его, не оставляя

бѣднаго Доминика до послѣдней минутой своей жизни. У него научился молодой человекъ познавать и любить добродѣтель, уважать старшихъ и достойныхъ. Ему обязанъ онъ, чувствительнымъ сердцемъ и крошечнымъ нравомъ. Но къ несчастію добродѣтель жить не долго. Возшумѣла революція, и Доминикъ былъ свидѣтелемъ ея плачевной кончины. Злополучный едва успѣлъ спасти мать свою изъ рукъ кровожадныхъ враговъ; уже упѣшался пріятною надеждою раздѣлять съ нею плоды трудовъ своихъ, какъ вдругъ роковое предписаніе повелѣваетъ выступить на полъ брани, и преснаряжая мать остается безъ подпоры. По прошествіи шести лѣтъ, проведенныхъ въ странѣ чуждыхъ, среди военнаго шума; онъ находитъ ее изнеможенную подъ бременемъ нищеты и печали. Ему должно было прибѣгнуть къ трудамъ, чтобы нѣсколько облегчить свою участь. Доминикъ имѣлъ дядю и тещку, родственниковъ скупыхъ и жестокосердыхъ. Они старались умножать богатства свои на счетъ другихъ: самая совесть была чужда преступныхъ душъ ихъ. Онъ прибѣгнулъ къ нимъ, предложилъ свои услуги и просилъ соразмѣрной помощи. Лукавые чудовища съ злобною улыбкою приняли его предложеніе, и на словахъ обѣщали все, если онъ выполнитъ ихъ пребываніе. Доминикъ повѣрилъ обѣщаніямъ, согласился и вскорѣ былъ посланъ управителемъ въ одно селеніе, которому долженъ былъ

доставить благоденствіе. Тамъ женился онъ на прекрасной дѣвицѣ , которая не имѣла ничего , кромѣ добраго—невиннаго сердца. Престарѣлая мать , о которой онъ не преставаля заботиться , нашла въ домѣ его покойное убѣжище : вопъ все , —чего желалъ онъ. — Вдругъ разверзшая пропасть , гошова поглотила его , представляется доселѣ ослѣпленнымъ взоромъ. Позорное сомнѣіе овладѣло подлыми сердцами дяди и шешки ; чтобы завлечь его въ свои сѣти и содѣлать на вѣки рабомъ они принудили его взойти въ долги для удовлетворенія расходовъ. Нѣжная супруга и добрая мать должны были перенѣть неслыханныя гоненія. Его гибель было неизбѣжна. Наконецъ Доминикъ вышелъ изъ шешня : вознамѣрился прервать навсегда связи съ недостойными родственниками. Сего то и желали , они столь далеко простерли свои требованія , были столь взыскашельны , что не возможно было удовлетворить ихъ. Не смотря на то Доминикъ твердо рѣшился оставить ихъ. Освободившись съ любезными своему сердцу опъ неминуемой гибели , онъ радовался , какъ спасенный опъ бури мореплавателъ , видя разсѣвающіяся тучи , ни о чемъ болѣе не помышляшъ , какъ о безопасномъ пристанищѣ. Онъ сдѣлался опцомъ и въ первой разъ блеснулъ для него лучъ щастія , но не надолго : продолжительныя бѣдствія имѣли сильное вліяніе на его супругу , слабость нечувствительна разрушала сославъ ея ; едва минуло чешыре года , какъ роковая минута наступила. Кто

можешь описать горестъ Доминика? — Онъ беретъ на руки умирающую, прижимаетъ ее къ груди своей, умоляетъ помедлить хоть секунду и проситъ Бога, чтобы его жизнь прекратилась съ жизнью дражайшей супруги. « У тебя есть мать, Доминикъ, сказала она, у тебя есть сынъ » . . . и съ этими словами переселилась въ вѣчность. Печаль осиротѣвшаго ни чѣмъ не могла быть утѣшена. Но сего не довольно : несчастіе непріятеля довершаетъ несчастіе Доминика Перо выпадаетъ изъ рукъ при описаніи его плачевнаго состоянія. Изувѣченный, лишенный всего имущества, обремененный дряхлою матерью и малолѣтнимъ сыномъ, вмѣсто утѣшенія и помощи, вездѣ встрѣчаетъ насмѣшки и гоненія ; друзья, по обыкновенію, оставили его, а безчеловѣчные родственники, виновники всѣхъ его несчастій, оправляли упреками черствой кусокъ хлѣба, окропленный горькими слезами матери и сына.

Управленіе деревнями не позволяло Доминику оставаться вдовымъ : онъ заключилъ новый союзъ. Прекрасныя качества вѣпорой супруги, нѣсколько облегчили жалкую участь его. Снова блеснула искра щастія, — и поухла навѣки. Поправивъ въ три года свое состояніе прилѣжаніемъ и хозяйствомъ, онъ помышлялъ только о воспитаніи четверыхъ дѣтей. Раздѣливъ сердце свое между матерью и нѣжною супругою, онъ забылъ прошедшія мученія ; онъ нашелъ

жопечительнаго друга въ одномъ изъ своихъ подчиненныхъ и ввѣрилъ ему всѣ тайны свои но вѣроломный искалъ его погибели. Однажды ввечеру когда Доминикъ сидѣлъ безпѣчно въ кругу своего семейства, пріѣзжаетъ хозяинъ деревни, описываетъ малое имѣніе его, а самаго съ матерью, женою и дѣтьми выгоняетъ на улицу; ибо ложный другъ не щадилъ ни лжи, ни клеветы, чшобы получить его мѣсто, и полъ люпымъ образомъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Долго блуждало несчастное семейство: приверженные крестьяне не смѣли дать ему убѣжища въ своихъ хижинахъ, пока въ другой деревнѣ не нашло оно худаго пристанища. Взгляните, молодые Чипашели, на бѣднаго, злополучнаго Доминика: подлѣ униженнаго шалаша, въ коемъ онъ спарается скрывать нагопу свою опть взоровъ прохожаго, дѣти его разводяшъ огонекъ изъ сухихъ вѣтвей. Онъ обогрѣваетъ оледенѣлыя члены свои и, смопря на невинныхъ соучастниковъ нищеты своей, проливаетъ слѣзы. Онъ образованъ, скажете вы; онъ можетъ опредѣлиться къ мѣсту — опправлять должность и трудами процищать свое семейство. Безъ сомнѣнія, онъ бы все могъ, еслибы во время кораблекрушенія подали ему помощь; но Доминикъ безъ покровителя, безъ благодѣтеля, безъ друзей. Тщешно спучился въ двери вельможъ: до мраморныхъ черпоговъ не достигаютъ вопли несчастнаго. Если они и слышатъ какіе-шо стоны, то ни одинъ не поспудился выглянуть

въ окошко. Между тѣмъ, какъ подлѣя пвари осыпаются благодѣлїями, бѣднаго Лазаря не допускають питаться и крохами, падающими отъ спола.

Доминикъ не есть герой сказки выдуманной. Бѣдствїя его, увы! весьма справедливы и, можетъ быть, онъ эпого не заслуживаетъ. Лишившись супруги и проихъ дѣшей, онъ живетъ съ матерью и сыномъ на берегахъ Саоны: зыбкїй шалашъ его не далеко отъ увеселипельнаго замка Мондора. Бывъ свидѣтелемъ кончины драгоцѣнныхъ сердцу его, опринушый жестокимъ любимцемъ Форшуны, согбенный подъ тяжкимъ ярмомъ жизни, идетъ своимъ путемъ и не смотря на всѣ гоненїя судьбы, безъ воли Всевышняго не оставяетъ назначеннаго ему удѣла.

» Великодушїе и благоразумїе извлекають челоука изъ всякой пропасти, » сказалъ одинъ Германскїй Философъ. » Мудрецъ порожествуетъ надъ ударами судьбы: съ улыбкою взираетъ на » ея угрозы, съ величїемъ души и неустрашимостїю преодоуваетъ всѣ препяшствїя. Терзай, » говоритъ онъ ей, терзай Я не паду отъ мученїй пвоихъ ты можешь поколебать » меня, но не поразить; можешь губить, — но не испребишь меня Я предстану предъ » побою еще съ большею силою и если не могу привлечь къ себѣ любви пвоей, по крайней мѣрѣ, » обнаружу пвою несправедливость. —

Т Р У Д Ъ.

Трудъ есть прямое наслажденье ;

А праздность—скука и мученье.

Душа безъ дѣйствія не живешь :

Такъ гаснешь огонь , коль нищи вѣшь.

« *Въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой ; дондеже возвратишися въ землю , отъ нее же взятъ еси ,* » сказалъ Господь Богу праотцу нашему , изгоняя его въ юдоль плача изъ жилища радостей. Но и въ самомъ гнѣвѣ Всезышняго заключалась безконечная благость : сими словами даровалъ онъ человѣку вѣрный способъ достигнуть всевозможнаго блаженства на землѣ. Тогда , воздѣлывая поле и засѣвая пучную землю , Адамъ въ шрудахъ своихъ забывалъ нищасія. Изъ сего видно , что человекъ сотворенъ для дѣятельности и одинъ только трудъ можетъ доставить ему щасіе ,

Любовь.

и Трудъ.

копорого онъ лишился грѣхопадениемъ. Время естъ благо невозвратное ; употребляйше минуты краткой жизни вашей на пользу ближняго , пусть бесплодная праздность не похищаетъ ни одной изъ нихъ. Она производитъ скуку , которая несноснѣе самой печали. Она простираетъ владычество свое даже до великолѣпныхъ чертоговъ вельможъ , до проновъ Царей ; но не смѣетъ приближиться къ хижинѣ селянина.

Благоразумный полагаетъ единственное удовольствіе въ полезныхъ занятіяхъ ; онъ почитаетъ трудъ главнѣйшею обязанностію и праздность для него несносное бремя. Коль жалки безпечные люди , которые проводятъ по нѣскольку дней въ бездѣйствіи. Таковыя спановятся въ нягость себя и другимъ , они мертвы для всего на свѣтѣ и если пробуждаются на минуточку , то для того только , чтобы предаваться разпутству , неизбежному слѣдствію праздности. Древніе говорили , что юность должно предостерегать отъ заразныхъ пороковъ , приучая къ трудамъ тѣло и разумъ. Въ Афинахъ по законамъ Дракона проваждавшій жизнь свою въ праздности подвергался смертной казни.

Каково бы ни было наше щастіе , мы одолжены онымъ тому обществу , къ которому принадлежимъ какъ члены ; и когда каждый спарается способствовать нашему благоденствію , то

прилично ли намъ подражать прупнямъ, поядающимъ медъ, собираемый прудолюбивыми пчелами? — Сего дня мы богаты, а завтра будемъ ли таковы?—Эпо неизвѣстно. Не лучше ли быть готову ко всякимъ переменамъ. Благоразумный прудами облегчаетъ постигающія его бѣдствія и во дни благополучія наслаждается плодами оныхъ въ полной мѣрѣ.

Спокойствіе и здоровье суть сіи драгоценные плоды прудовъ.

Какое пріятное зрѣлище представляется взорамъ вашимъ, любезные Чипашели! Перенеситесь мысленно въ страну, гдѣ царствуетъ повсюду изобиліе и дѣлательность; вы удостовѣритесь сами собою, что жизнь проводимая въ сельскихъ упражненіяхъ доставляетъ и спокойствіе и здоровье и щастіе. Дамонъ женившись на прекрасной Аннѣ, ничего не имѣлъ, кромѣ посоха и собаки. Спада, за которыми онъ смотрѣлъ, принадлежали старому Палемону; носей, видя его прудолюбіе и неутомимость, подарилъ ему нѣсколько овецъ въ то время, какъ предложилъ ему руку своей дочери. Едва прошелъ годъ, спадо Дамона умножилось въ шрое, на деньги, вырученные имъ работою, нанялъ онъ не большой участокъ земли, которой раченіемъ его сдѣлался несравненно плодоноснѣе. Хозяинъ деревни замѣпивъ въ дѣлахъ его порядокъ и экономію ввѣрилъ ему въ управленіе свою дачу. Дамонъ прудился болѣе и чрезъ шесть лѣтъ про-

слылъ богатѣйшимъ откупщикомъ въ окрестностяхъ. Всѣ имъ довольны, каждый съ охотою исправляетъ свою должность ; въ праздничные дни крестьяне собираются подъ молодымъ вязомъ плясать при звукѣ волынки и забываютъ пруды свои. Онъ самъ одушевляетъ ихъ своимъ присутствіемъ, не рѣдко семейство его участвуетъ въ играхъ ; а на другой день всѣ снова принимаются за работу, копорая доставляетъ имъ щастіе — блаженство. —

 Л Ъ Н О С Т Ъ .

Aide-toi, le ciel t'aidera (*)
 (La Fontaine.)

Есть люди, порабощенные лѣноспію; ничто въ свѣтѣ не можетъ принудить ихъ свергнуть сіе постыдное иго. Они будутъ лучше въ бѣдности влачить дни свои, нежели прудами побѣждать своеправіе фортуны. Сіи несчастные, которыхъ вы видите въ такомъ бѣдственномъ положеніи, не въ силахъ доставить куска черстваго хлѣба дѣтямъ своимъ умирающимъ съ голоду. Невинныя пворенія! возможно ли, чтобы тѣ, которыхъ вы обязаны жизни, были до того развращены, что хладнокровно взирають, на ваши слезы, на ваше изнеможеніе?

Сильванъ и Лизеша, казалось, были рождены одинъ для другаго. Когда они соединились узами сунружества, то получили отъ родителей своихъ порядочное награжденіе: сверхъ того Сильванъ

(*) На Бога надѣйся, самъ не плошай! —

быль искусный портной , а Лизета превосходно пряла. Но къ несчастію оба они не любили работать и, безъ сомнѣнія , почивали богатство свое неизчерпаемымъ. Они предались пагубной безпечности. Деньги ихъ истощились до послѣдняго шелега , поздно увидѣли свою ошибку. Они не могутъ приняться за работу, давно оставленную, а съ умноженіемъ семейства , увеличивается ужасъ ихъ положенія. —

Сколько такихъ людей , которые ежедневно обвиняютъ судьбу въ сраданіяхъ , ихъ изнуряющихъ ! По словамъ ихъ , злополучное созвѣздіе имѣетъ вліяніе на ихъ участь , они ни въ чемъ не имѣютъ успѣха и прежде нежели принимаются за какое нибудь дѣло , по увѣряютъ уже , что имъ оно не удастся. Несмысленные, сорвите съ глазъ своихъ ослѣпительную повязку ! познайте, что лѣнь и нерадѣніе, сіи двѣ дщери Спикса, суть виновницы всѣхъ вашихъ несчастій! Онѣ внушаютъ спросъ къ праздности, которая заставляетъ васъ забывать собственные выгоды, и возбуждаетъ ненависть даже къ малымъ занятіямъ. По пути усѣянному цвѣтами онѣ ведутъ васъ на край пропасти ; еще шагъ — и вы погибнете на вѣки !

Нѣтъ трудностей, коихъ бы не могъ преодолѣть трудолюбивый. Дайте Фидію, Праксипелю,

Полигноту самый негладкій камень, самый пвердый мраморъ и вы увидите со временемъ, что дѣяшельныя руки ихъ сошворяшть изъ оныхъ Аполлона Бельведерскаго, или Венеру Медицейскую.

О, если бы молодежь люди, посвятившіе себя наукамъ, могли удостовѣриться въ сей истинѣ! Они говорятъ, что ихъ обременяють множествомъ наукъ, что изученію оныхъ принуждаютъ ихъ посвящать себя преждевременно, что лѣша ихъ неспособны къ подобнымъ занятіямъ, но когда бы вмѣсто того, чтобы развращаться въ поспыдной праздности, они употребляли во благо дарованія, полученныя ими опть природы: по съ Божію помощію пробѣжали бы исполинскими шагами поприще, которое успрашаетъ ихъ обширностію.

Одинъ земледѣлецъ по смерти своей ничего болѣе не оставилъ въ наслѣдство своему сыну, кромѣ не большаго участка земли, хощя плодородной, но споль запущенной, что кромѣ перновика ничего не росло на ней. — Молодой человекъ печалился, думая что покойный отецъ его хощѣлъ сдѣлать его несчастнымъ, и оплакивалъ участь свою. Тщетно спарики увѣряли его, что солнце будетъ одно изъ наилучшихъ средствъ, могущихъ произвести хорошую жатву, если онъ сполько постарается обработать землю свою. Юноша, избѣгающій трудовъ, не внималъ ихъ совѣщамъ; онъ говорилъ, что одинъ никакъ не можетъ снести споль тяжкую

работу и подъ симъ предлогомъ провождалъ дни въ праздности. Между крестьянами, подававшими ему совѣты нашелся одинъ, которой сжалившись надъ положеніемъ молодаго человѣка, вздумалъ употребить выдумку, чтобы внушить ему любовь къ дѣятельности. Онъ зналъ, что прудность предпріятія была единственною причиною, удерживавшею его отъ заботы, почему онъ раздѣлилъ его поле на малыя части и опредѣлялъ по одной изъ нихъ ему на каждый день. Такимъ образомъ запрудненія исчезли сами собою: молодой человѣкъ принялся за воздѣлываніе своего наслѣдства и въ короткое время не только очистилъ его отъ терновника; но и удобрилъ оное такъ, что при концѣ года собралъ изобильную жатву. —

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ.

Признательность есть долгъ не токмо въ разсужденіи родителей , которые по Божѣ суть первые благодѣтели наши ; но и въ разсужденіи всѣхъ , кто дѣлаеть добро. Любезные дѣти ! не почиайте за стыдъ быть признательными и доказывать это на самомъ дѣлѣ : благодарящаго безъ свидѣтелей можно назвать неблагодарнымъ.

Сикстъ У во время перваго прибытія своего въ Римъ , былъ столько бѣденъ , что нашеть себя принужденнымъ просить милоспыню. Собравши нѣсколько денегъ , онъ размышлялъ : употребить ли оныя для уполенія голода , отъ котораго уже начиналъ приходиться въ изнеможеніе , или на пару башмаковъ , въ коихъ имѣлъ великую нужду : черпы лица изображали вол-

неніе души его. Одинъ купецъ спросилъ его о причинѣ такого замѣшательства, онъ ему сказалъ оную съ полью пріятною опроверженностію, что купецъ будучи плѣненъ умомъ его, взялъ къ себѣ, накормилъ и нѣмъ вывелъ его изъ недоумѣнія. Сикстъ не позабылъ его; достигнувъ Папскаго званія, онъ позвалъ его во дворець и возблагодарилъ за оказанную услугу.

Большая часть одолженій дѣлается изъ корыстолюбія, такъ что можетъ быть и не заслуживаетъ ни малѣйшей благодарности; однакожъ человекъ праводушный и честный не вникаетъ въ починствъ побудительныхъ причинъ; но разсмаприваетъ только одни благодѣянія и удовольствіе, которое ему доставили: хотя бы сами благопвортители дали замѣнить низость своихъ намѣреній; онъ ищетъ случая опплатить имъ нѣмъ болѣе попому, что ему спвновлялся въ шягость ихъ своекорыстныхъ одолженій.

Неограничивайтесь одною только признапельностію, если пвдидительною причиною сдѣлаять добро, было желаніе услужить вамъ. Подражайте нѣмъ плодороднымъ землямъ, которыя приносятъ гораздо болѣе, нежели сколько получили. Дѣлайте для вашихъ благодѣтелей то, чего должны они ожидать отъ человека самаго признапельнаго. Если они въ нуждѣ, по

пользуйтесь и минутою оказать свое усердіе , умножайте болѣе и болѣе доказательства сердечной благодарности.

Въ великихъ и благородныхъ душахъ признательность блистаетъ въ высочайшей степени , и производитъ геройскіе подвиги.

Кавалеръ Фэрбенъ , знаменитый морской Капитанъ въ царствованіе Лудовика XIV повѣстствуетъ , что сей Государь повелѣлъ Дюкеню бомбардировать столицу Алжирцевъ. Сии морскіе разбойники , не могли удалить отъ береговъ своихъ флотъ непріятельскій , который совершенно разбилъ ихъ: въ опмщеніе за то рѣшились приковать къ жерлу пушекъ Французскихъ плѣнниковъ , чтобы пренецунціе члены ихъ были перенесены на корабли ихъ соотечественниковъ ; Алжирскій Капитанъ , участвовавшій въ этой войнѣ , будучи нѣкогда въ плѣну у Французовъ , былъ принимаемъ ими весьма хорошо. Теперь между несчастными жертвами безчеловѣчія замѣпилъ онъ одного офицера , коего благорасположеніемъ пользовался во время своего плѣна. Онъ ходатайствуетъ , — спарается испросить милости своему благодѣтелю. Но тщетно : уже хотѣли приложить финиля къ пушкѣ , къ коей прикованъ былъ Французскій Офицеръ. Алжирецъ бросается къ нему , обнимаетъ его и обратившись къ артиллеристу , говоритъ:—

» стрѣлай! если не могу спасти моего благодѣтеля , то по крайней мѣрѣ , упѣшаюсь тѣмъ , что умру съ нимъ вмѣстѣ. » — Дей свидѣтель сей прогательной сцены, былъ пораженъ до такой степени , что помиловалъ Офицера. —

Теперь остается спросить : если и варвары уважають признательность , что же дѣлать просвѣщеннымъ ? . .

НЕБЛАГОДАРНОСТЬ.

Нѣтъ закона для наказанія неблагодарнаго. Древніе причисляли сей порокъ, къ тѣмъ ужаснымъ преступленіямъ, копорыя исправлять было предоставлено самимъ Богамъ; думали, что угрызеніе совѣсти и стыдъ, обыкновенные спутники зла, достаточны овлечь ихъ отъ онаго.

Надъ нѣкоторымъ Философомъ вздумалъ посмѣяться воспитанникъ его и сказалъ, что онъ похожъ на подлое живошное. » Не знаю отвѣтствовалъ пошъ, имѣю ли сходство съ шаквымъ живошнымъ; но я увѣренъ и всѣ будущъ въ томъ согласны, что ты подобенъ благодарному, копорой естъ самая презрѣнная и ненавистная тварь. » Цезарь пользовался верховною и

неограниченною властію, за что большая часть Паприціевъ въ тайнѣ негодовала на него. Учиненъ заговоръ : зачинщиками были Кассій и Брутъ. Сего послѣдняго Цесарь любилъ какъ сына, — онъ спасъ ему жизнь, осыпалъ милостями и включилъ въ число друзей своихъ. Надлежало умершвишь Диктатора въ полномъ собраніи Сената. Заговорщики произають его кинжалами. Увидя Брута, Цесарь вскричалъ : » Брутъ ! сынъ мой , и ты противъ меня ? » . . . Онъ закрылъ лице плащемъ и изпустилъ духъ подъ ударами вѣроломства и неблагодарности.

Императоръ Михаилъ Калафатъ, будучи усыновленъ и возведенъ на престоль Импераприцею Зоею, умершвилъ ее спустя послѣ того чешыре мѣсяца. Раздраженный симъ народъ взбунтовался, выкололъ ему глаза и заключилъ его въ монастырь. —

Во всеобщей исторіи путешествій повѣствуется, что владѣтель Мандоасскій, въ Индостанѣ, упавши въ рѣку былъ щастливо вытасченъ своимъ невольникомъ, которой бросившись въ плавь поймалъ его за волосы. По возвращеніи во дворець первое попеченіе его было узнать своего избавителя. Тотчасъ объявили, кому онъ симъ одолженъ, несомнѣваясь, что награда должна бытъ соразмѣрна шoliko важной услугѣ. Но ширанъ спросилъ, какъ онъ осмѣлился наложить руку на главу своего Государя, и повелѣлъ шотчасъ же умершвишь его. Въ другой разъ сей же монархъ,

сидя съ одною изъ любимѣйшихъ своихъ женщинъ на кормѣ лодки, упалъ въ воду : неблагодарная могла бы легко спасти его ; но она даже не допускала его схватиться за край и послѣднее опияла средство къ спасенію. Когда ее стали упрекать, то она отвѣщивала : » Я очень жомню приключеніе съ невольникомъ. » —

Такъ маказывается неблагодарность неблагодарностию — одинъ злодѣй испребляется другимъ.

ДОЛЖНО ИЗБѢГАТЬ ХУДЫХЪ СООБЩЕСТВЪ.

Неопытные юноши, избѣгайте такого знакомства, которое можетъ развратить ваше сердце, или помрачить разумъ. Отцы и матери, удаляйте отъ оныхъ дѣтей вашихъ, ибо въ юности и душа и тѣло бывающъ болѣе склонны къ впечатлѣніямъ порока. Спрашивесь, чѣмъ худыя общества не были для нихъ столько пагубны, какъ и для сего челоука, о которомъ повѣствовуетъ знаменитый Канцлеръ Жерсонъ.

Онъ съ малыхъ лѣтъ былъ образцемъ невинности и набожности; но подружившись съ однимъ развращеннымъ челоукомъ отъ примѣровъ и обхожденій съ нимъ совершенно перемѣнился. Подражая ему онъ предался разнуштству и наконецъ былъ постигнутъ смертельною болѣзнію. При послѣдней минутѣ жизни' воспоминаніе преступленій ввергнуло его въ отчаяніе. » Да будетъ проклятъ » шотъ, который совратилъ меня съ пути истиннаго, сказалъ онъ утѣшавшему его священнику.

» Мои злодѣянiя столь велики, что я не могу надѣяться прощениа. Я вижу адъ разверзатоуцiйся подо мною! « Онъ испустилъ духъ произнося сiи послѣднiя, ужасныя слова.

Обществу безъ вѣры и нравственности намъ болѣе нравится. Обыкновенно внимаемъ мы совѣшамъ шѣхъ, копорыхъ любимъ и удовольствiе, копорое они намъ доставляютъ мало по малу заставляешъ перениманъ у нихъ то, что достойно презрѣнiя. Въ обращенiи съ порочными скорѣе можно развратиться самому, нежели ихъ обратишь къ добродѣтели: такъ какъ гнилыя плоды, лежащiе въ одномъ сосудѣ съ свѣжими, скорѣе повреждатъ оныя, нежели сами оцъ нихъ сдѣлаются свѣжими.

САДЪ НАДЕЖДЫ.

СНОВИДѢНІЕ.

Надежда! ты моя богиня,
Надежда лучь души моей!
Мнѣ жизнь — печаль; мнѣ свѣтъ — пущыня;
Дышу отрадою твою. —

Изо всѣхъ удовольствій, услаждающихъ жизнь нашу, надежда есть самое драгоценное: она раждается, такъ сказать вмѣстѣ съ нами, она возгарается съ того самаго времени, когда мы можемъ сравнивать свое состояніе съ другимъ, и съ той минуты сія сладостная и вѣрная спутница болѣе никогда не оставляетъ насъ, даже до послѣдней минуты жизни. Она всегда обѣщаетъ намъ новыя пріобрѣпенія, оправду за претерпѣнныя печали, умноженіе щастія и шому подобное. Надежда необходима во всякомъ состояніи: безъ нее, кто бы могъ сносить иго бѣдности, болѣзней, рабства? безъ нее, можно ли бы было имѣть понятіе о блаженствѣ? если въ

чертогахъ самыхъ великолѣпныхъ , если среди всѣхъ даровъ природы и богатства, она ничего не обѣщаетъ намъ ; тогда, какъ бы ни было блистательно наше мнимое, или истинное счастье, при всемъ томъ оно имѣло бы видъ нищеты и злополучія. Размышляя такимъ образомъ , я заснулъ и вошь , что мнѣ приснилось :

Я увидѣлъ себя въ обширномъ саду. Всѣ предметы, окружавшіе меня казались обвороженными , блестящими , благоухающими ; земля была украшена всѣми прелестями природы , въ роцахъ раздавалось пріятное пѣніе птицъ. Я началъ разематривать съ большимъ вниманіемъ сію прелестную страну и съ сей минуты позналъ , что мнѣ должно ожидать чего-то болѣе. Я увидѣлъ въ небольшомъ оупъ себѣ разстояніи , цвѣты прекраснѣе , источники прозрачнѣе , роуи величественнѣе. Птички болѣе восхищали меня сладостною гармоніею , деревья казались зеленѣе , и разсѣвали повсюду благоуханіе , а еще далѣе манили меня зрѣлостію своихъ плодовъ. Я пошелъ къ онимъ , но только приспупаю — листья вянутъ , плоды онадаютъ и птицы летятъ далѣе. — Удвояю шаги свои . спремляюсь къ предметамъ , которые , обѣщая удовольствіе , исчезаютъ предо мною съ чрезвычайною скоростію , какъ будто издѣваясь надъ моими тщетными усиліями.

Сія непредвидѣнная перемѣна весьма огорчила меня, однакожь я не сичаягаался достигнуть сихъ убѣгающихъ удовольствій. Наконецъ усматриваю вдали между кустарниками безчисленное множество людей всякаго возраста и пола; копорые все, кажется, наслаждались одинакимъ благополучіемъ; ибо приближившись къ нимъ, я замѣтилъ на лицѣ каждаго одинаковую снечень удовольствія, во всѣхъ взорахъ блиснאלъ одинакій огонь однакожь всякой сщущалъ какую-шо таинную радость, копорую какъ будто бы старался скрыть. Очень мало было шаковыхъ; копорые объявляли другъ другу свои намѣренія, а того менѣе такихъ, копорые желали предпринимать шруды выше силъ своихъ. По скоросши ихъ движенія, заключилъ я, что у нихъ много было дѣлъ, копорыя не позволяли имъ заниматься ни чѣмъ другимъ: и шакъ, дабы не наскучилъ своими нескромными вопросами, я дожидался удобнаго случая, и увидѣлъ на конецъ одного человека, согбеннаго временемъ, копорой съ шрудомъ могъ находиться въ полѣ. Полагая, что онъ заняшъ, менѣе другихъ, я подошелъ къ нему съ своимъ вопросомъ, но онъ отворопилел отъ меня съ гнѣвомъ и сказалъ, чтобы я впредъ остерегался его безножонилъ, ибо великій часъ уже насталъ, приспѣло время въ копорое Меркурій броситъ свои крылья, время, въ копорое невольничесшво престанешъ копать руду, для извлеченія изъ оной

золоша! — Удивляясь такому странному отвѣсу я оставилъ его и обратился къ другому. Признаніе и благородная поступь сего обнадѣжили меня, что буду ласковѣе принять эту сказаль мнѣ, съ низкимъ поклономъ, что онъ былъ бы очень радъ. удовлетворить моему любопытству; но ему нужно тотчасъ отправиться въ одно мѣсто, котораго онъ домогается уже лѣтъ 20 шъ. — Я приступилъ къ третьему, но сей собирался ѣхать, поспѣвая осматрѣть земли, которыя онъ долженъ получить въ наслѣдство отъ своего стараго дяди. Четвертый приготавливалъ себѣ сокровища въ изобрѣненіи новаго колокола, а пятый пошелъ надъ изысканіемъ квадратуры круга.

И такъ, отправивъ всѣми я размыслилъ, что сдѣлаю гораздо лучше, если оставлю свои вопросы, и буду довольствоваться собственными наблюденіями. Но вдругъ увидѣлъ молодого человѣка живаго и пылкаго характера. Я опять осмѣлился попробовать своего счастья. На вопросъ мой онъ отвѣчалъ, что я нахожусь въ саду надежды, дочери желанія, и что всѣ коихъ нуть вижу спараются, поскорѣе удостовѣриться въ дарахъ, предлагаемыхъ ею. И подлинно, я увидѣлъ богиню, украшенную блескомъ юности, сидящую на тронѣ, вокругъ котораго были разсыпаны всѣ блага, могущія обратить на себя вниманіе смертнаго. Она имѣ-

ла веселый видъ, и улыбалась ко вздыханіямъ каждаго. Неподалеку находился холмъ, съ котораго можно было обнять однимъ взоромъ всю обширность мѣстоположенія и разсмотрѣть различныя шолны путешественниковъ. Я взошелъ на оный и вопъ что могъ замѣтить : въ садъ надежды было два входа , одинъ спрегомыи *ра-судкомъ* , а другой *воображеніемъ*. Разсудокъ имѣлъ взглядъ угрюмый и суровый ; онъ былъ столь спрогъ , что не иначе впускалъ , какъ по продолжительномъ испытаніи и многократныхъ вопросахъ. Воображеніе напрошивъ того, пошчасъ оппирало калипку и принимало всѣхъ безъ разбора , почему и спекались къ нему со всѣхъ сторонъ. Всѣ презрѣнные разсудкамъ прибѣгали къ нему , зная , что шупъ ихъ не будущъ разспрашивать. Ошъ ворошъ разсудка была къ трону надежды проложена дорожка. Это извилистая и каменистая шропинка , по коей надобно было вкарабкиваться и безпрестанно поворачивать по на право, по на лѣво, почему она по справедливости заслуживаетъ названіе *трудностей*. Прошедши сію дорожку, спранникъ доснигалъ до самой скалы, и шупъ снова встрѣчалъ за трудненія почти непреодолимыя; ибо скашъ горы съ перваго взгляду казался пріятнымъ , и обѣщаль щастливый и скорый успѣхъ , но вдругъ представлялась глубокая пропасть , пресѣкавшая дальнѣйшій шупъ.— Всѣ желали опередить другъ друга, хотя однимъ шагомъ ; однако многіе поскользывались и падали.

Опасности усугублись, когда ихъ хотѣли избѣгнуть: паденія были столь многократны, предосторожности столь безполезны, что большая часть принуждены были оставить свое предпріятіе и воротиться назадъ; одни изъ нихъ упали въ обморокъ посреди дороги, другіе, поскользнувшись, ушибались до смерти, такъ что до прона надежды достигало только малое число, подкрѣпляемыхъ смѣлостію и силою. Но едва получали они обѣщанное, какъ начинали уже сожалѣть о шѣхъ трудахъ, коими столь дорого заплатили за милость надежды; другіе напропавъ того довольствовались малымъ и удалялись подъ кровъ *спокойствія*.

Обратившись ко врагамъ воображенія, я не могъ найти дороги къ надеждѣ, которую можно хорошо видѣть подъ открытымъ небомъ, сидящую на тронѣ, и призывающую къ полученію даровъ, кои держала она въ рукахъ своихъ и которые производили живѣйшія воспорги. Всѣ зрители стремились къ ней съ одинакимъ жаромъ; но скоро высокая гора пресѣкала имъ дорогу. Я смотрѣлъ на трудолюбивыхъ людей, которые изыскивали всѣ средства перейти ее. Нѣкоторые изъ нихъ придѣлывали себѣ крылья, другіе строили огромные переходы; но всѣ ихъ попеченія, всѣ пособія искусства оставались безуспѣшны: едва они приподнимались на

вершину, какъ опять низвергались далѣе отъ прона надежды. Они утѣшались своимъ паденіемъ, и смѣялись надъ тѣми, которые медленно шли путемъ трудностей!

Въ числѣ послѣдовавшей воображенія примѣнилъ я такихъ, которые вошедши въ садъ, совершенно не покушались вскарабкиваться на гору. Они уходили въ долину *праздности*, чтобы наслаждаться тишиною и спокойствіемъ, которыя тамъ царствовали. Они довольствовались только тѣмъ, что издали смотрѣли на надежду, и были увѣрены, что она сама непременно къ нимъ предстанетъ. Всѣ издѣвались надъ ихъ легковѣріемъ; однако они невидимали ни совѣтамъ, ни упрекамъ, ни презрѣнію.

Я прогуливался съ сими послѣдними, коихъ безразсудность мнѣ показалась пріятною и забавною: они отвѣчали съ снисходительностію на все мои вопросы, и я хотѣлъ было принять участіе въ ихъ невинныхъ удовольствіяхъ; какъ вдругъ предстали два ужасныя чудовища; въ которыхъ узналъ я *старость*, и *нужду*. Тутъ прекратились игры и удовольствія; отъ испуга и смѣшенія раздались пронзительные крики — и я проснулся.

Человѣкъ вступающъ на стезю жизни со склонностію прилѣпляться болѣе къ наружному, нежели ко внутреннему: онъ выноситъ на свѣтъ пороки своихъ родителей: росшеть и умъ

его наполняется заблужденіями , сердце прازیтся страстями , воля развращается худыми примѣрами. Опъ младенческихъ пеленъ до савана гробоваго онъ долженъ боролсь съ безчисленными трудностями и препятствіями : самыя лучшія предпріятія его разрушаются подобно *картоннымъ дощикамъ* ; онъ бы погибъ опъ изнеможенія , если бы надежда не подкрѣпляла его на семь скользкомъ пути. Она манишь его своими дарами , — онъ спремится къ нимъ , презирая всѣ опасности. Когда мы изберемъ путь *разума* : по подъ руководствомъ *мудрости* и неупрашиваемости достигнемъ предмѣта своихъ желаній и насладимся блаженствомъ подъ кровомъ *спокойствія* ; если же поидемъ путемъ *воображенія* , то или сдѣлаемся жертвою своей неосторожности , или *старость и нужда* заспигнутъ насъ въ долину *праздности*.

Д О Б Р О Д Ъ Т Е Л Ъ .

Какъ лозы , юноши , цвѣтшише ,
 Но добродѣтель сердцемъ чшише ,
 Да краше будете цвѣсши .

Всѣ таланты и достоинства исчезнутъ вмѣстѣ съ нами ; но *добродѣтель* будетъ единственнымъ украшеніемъ нашимъ , когда мы оставимъ сію землю . И разумъ и красота — увянутъ , познанія — исчезнутъ и всѣ труды наши забудутся ; одна *добродѣтель* сравняетъ насъ съ существами высшими . Пусть Неронъ заставляетъ прешасть вселенную , пусть Тамерланъ обладаетъ половиною свѣта , — они болѣе не существуютъ : одно воспоминаніе жестокосеи ихъ осталось — одни проклятія безпокоятъ прахъ ихъ ; но *добродѣтель* доставитъ намъ любовь и почтеніе всѣхъ добрыхъ существъ , даже и тогда , когда одно имя наше останется въ исторіи .

Чѣмъ болѣе существо просвѣщается и подходитъ къ совершенству , тѣмъ болѣе прилѣп-

яется къ *добродѣтели*. Она есть законъ вселенныя. Изъ нее истекаетъ чистѣйшій источникъ мудрости и милосердія: и самъ Богъ есть *добродѣтель* во всемъ своемъ совершенствѣ.

О, коль сладостно, коль благородно, спарашься подражать Творцу своему! Что можешь сравниться съ тѣмъ удовольствіемъ, которое доставляетъ намъ *вѣра*, или *любовь къ ближнему*, или *милосердіе*, или *смиреніе*? Какое блаженство можешь сравниться съ тѣмъ, которое доставляютъ намъ благословенія народа, или веселые взоры счастливыхъ, избавленныхъ нами отъ нужды, отъ рабства, отъ смерти?..

Благоразумный юноша! презри суетны мірскія, презри пышныя пища, громкія дѣла, великолѣпные чертоги; оставь чувственныя наслажденія презрѣннымъ сластолюбцамъ! Обратись къ *добродѣтели*, исполняй обязанности свои какъ повелѣваетъ *вѣра* и законъ, будь защитникомъ слабыхъ и неимущихъ, — одно *расположеніе души твоей къ добру* будетъ *предпочтительнѣе всѣхъ твоихъ талантовъ и достоинствъ*. Занимайся науками, которыя образуя разумъ твой, показываютъ тебѣ неложный путь къ *добродѣтели*, а сія доставишь тебѣ истинную честь, славу, богатство и прямое счастье.

КОНЕЦЪ.

С Л О В А Р Ъ

Д О Б Р О Д Ъ Т Е Л Е Й И П О Р О К О В Ъ,

О КОТОРЫХЪ НЕ БЫЛО УПОМЯНУТО ВЪ ПРЕДЫДУЩИХЪ СТАТЬЯХЪ.

Добро всегда собой прекрасно

А зло и гнусно и ужасно.

(Прелож. Екклис.)

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

С Л О В А Р Ъ.

А.

Алчность. Алчный не знаетъ ни стыда, ни совѣсти; готовъ покуситься на все, если представляется случай наполнить желудокъ или карманы. Его бѣгаютъ, какъ язвы; его презираютъ какъ подлое животное, существующее на счетъ другихъ.

Б.

Бережливость. Бережливость презрительна, когда она есть ничто иное, какъ лицемеріе скупыхъ; если же она есть свойство благовоспитаннаго человѣка: то достойна похвалы и уваженія. Она удерживаетъ его отъ всѣхъ пороковъ, которые бывають слѣдствіемъ мотовства и

коимъ подвержены, большею частію, молодые люди.

Благопристойность. Вести себя благопристойно, значитъ умѣть сообразовать свои слова и дѣйствія со временемъ, мѣстомъ и лицами. Должно приучить себя къ точному исполненію правилъ благопристойности: она укрѣпляетъ связи общественныя и самую жизнь дѣлаетъ пріятнѣе. Если случатся между нами нѣкоторые изъ тѣхъ презрительныхъ тварей, кои готовы язвить перваго, къ нимъ приближающагося; но благопристойность принуждаетъ ихъ, по крайней мѣрѣ, скрывать свои иглы. Взаимное уваженіе, которымъ мы обязаны другъ другу никогда не унижитъ насъ; ибо большая разница между благопристойностію и униженіемъ.

Богоухуленіе. Самая вѣра не можетъ загра-

дитъ уста богоухулиателя. Всѣ случающіяся съ нимъ несчастія онъ приписываетъ Богу, и въ неистовствѣ безстыдно ругается всѣмъ что ни есть самаго священнаго.

Хула на Бога и Святыню показалась одному изъ Царей— Законодательей столь великимъ преступленіемъ, что онъ велѣлъ прижигать раскаленнымъ желѣзомъ языкъ виновнаго. Тотъ, кто не страшится порицать Творца своего есть блудный сынъ, незаслуживающій никакой пощады. Онъ обращаетъ на главу свою мщеніе Небесъ и если угрозы закона не имѣютъ на него должнаго дѣйствія; то—пусть препещетъ онъ, представъ на судъ раздраженнаго Царя Царей

Болтуиѣ. Что можетъ быть скучнѣе неоснаго говоруна, котораго пустословіе, подобно стремленію воды, ни чѣмъ не можетъ

быть удержено? Рассказываетъ все безъ разбора, знаетъ или не знаетъ. — Чпо видитъ, слышитъ, подозреваетъ, чего надѣется, все пошмась разглашаетъ. Онъ собираетъ неусыпно; повседневныя приключенія, все чпо происходитъ въ сѣмействахъ все, чпо оскорбляетъ честь и славу ближняго; для того только, ччтобы удовлетворить своей слабости. Эпо нестерпимый городской трубачъ! Величайшее удовольствіе, какое только ему можно доставить, состоить въ томъ, ччтобы слушать его не прерывая; но какое же нужно для сего терпѣніе и какая мука можетъ сравниться съ шою, которюю причиняетъ его болшанье? —

В.

Восторгъ. Небесный огонь, который возноситъ насъ выше самихъ себя и дѣлаетъ спо-

собными къ великимъ предпріятіямъ. Поэтъ, оживленный высокими и благородными чувствами изливаетъ оныя въ сладостныхъ понахъ спройной лиры; духъ его выпадетъ среди міровъ и сами боги говорятъ языкомъ его. Станемъ удивляться, молодые Чипашели, смертному, объятому симъ верховнымъ чувствомъ, и будемъ страшиться того слѣпаго испуленія, съ каковымъ Сеидъ съ кинжаломъ въ рукѣ отдаетъ повелѣній Магомеша.

Вѣтрность. Ничего не должно дѣлать съ излишнею поспѣшностію, которая бываетъ слѣдствіемъ вѣтрности. Иногда о молодомъ человѣкѣ говорятъ: » Онъ огонь скорбъ—огонь вѣтрный. » Правда ччто объ сіи погрѣшности не затмѣваютъ его душевныхъ качествъ; но не лучше ли, ччтобы благоразуміе и постоянство управляли посяпками нашими? —

Г.

Гордость. Что можетъ быть отвратительнѣе сего порока? Человѣкъ происхожденія низкаго, безъ талантовъ, безъ душевныхъ достоинствъ, держась за платье другихъ, карабкается на верхъ почестей и славы; прибѣгаетъ къ пронырствамъ, униженіямъ, чтобы подкрѣпить себя на новомъ пути, и между прочимъ поступаетъ жестоко съ низшими, презираетъ равныхъ, старается унижить высшихъ. Не внемлетъ воплямъ угнетенныхъ: никогда надменные взгляды его несойдутся съ слезливыми взорами несчастливца. . . . Но рано или поздно онъ погибаетъ — и всеобщее презрѣніе преслѣдуетъ его даже за предѣлы гроба.

Грубость. Грубыми и надменными поступ-

ками вы сдѣлаетесь несносны: низшіе будутъ васъ ненавидѣть, а высшіе презирать.

Грубое обращеніе помрачаетъ даже благодѣянія. Оно заславляетъ забывашь оныя, изсребляетъ признапельность къ благопоспелю. «Сынъ мой, сказалъ одинъ благоразумный отецъ, не присоединяй упрековъ къ добру, оказываемому тобою, и не сопровождай оными подаянія. Твои утѣшенія будутъ драгоцѣннѣе самой помощи.»—

Д.

Дерзость. Дабы смягчить древнюю грубость нравовъ люди условились между собою во взаимномъ размѣнѣ уваженія называемомъ учтивостію. По недостатку образованія и опыта должно соображаться съ оною вездѣ и всегда.

Дерзкій возстаеъ пропиву цѣлаго общесва ; а какъ въ соперничествѣ всякаго рода должно остапъся или побѣдителемъ или побѣжденнымъ : по онъ часто испытываетъ участь послѣдняго и всѣ бѣдспвія обручивающа на него.

Добро. Спанемъ дѣлать добро, чего бы по ни стоило ! — Пусть и малѣйшія дѣиспвія наши будупъ обращены къ сей благородной цѣли. Можемъ ли считать дни свои по благодареніямъ ? можемъ ли при смертномъ часѣ собирать благословенія несчастныхъ , коимъ мы подали руку помощи ? — » Щастливы тѣ , сказалъ Геснеръ , копорыхъ сердца могутъ чувствоватъ удовольствіе благодарпелности. Они полько восхищаются яснымъ упромъ , веселятся пріятностію весны , — они полько наслаждаются въ полной мѣрѣ всѣми сокровищами природы. » —

Дружество. Дружба естъ неоцѣненный даръ боговъ. Она доспавляетъ намъ постоянное наслажденіе ; самое время укрѣпляетъ узы ея , умножаетъ пріятности. Она облегчаетъ тягостное бремя жизни нашей и усыпаетъ путь оной цвѣтами. Кропками увѣщаніями , нѣжнымъ соболѣзнованіемъ услаждаетъ душу нашу въ несчастіи , — какъ сказалъ одинъ Поэтъ :

Врага ли сильнаго робію , или убожество шерплю ,
Въ совѣсель надобность имѣю , или иначе какъ
скорблю ,

Къ кому прибѣгну , какъ не къ другу :

Онъ мнѣ гонимъ явишь услугу

Заочно такъ , какъ и въ глаза ;

А еслижъ слабъ помочь найдеша ,

По крайней мѣрѣ хснь сольеша

Съ моею слезой — его слеза —

Слеза любви ! . . . Она дороже миліоновъ въ любуыи
часъ —

3.

Зависть. Адачность и зависть суть родныя сестры, изчадіе эгоизма, которой приписывая все себѣ одному, желаетъ быть единственныиъ любимцемъ щасія. Зависпливый огорчается благоденствіемъ своихъ ближнихъ. Совершите что либудъ съ успѣхомъ — онъ сохнетъ и помнитъ опъ злобы; живите спокойно въ уединенной хижинѣ — онъ нарушитъ спокойствіе ваше злословіемъ. Никогда не признается, чтобы кпо либо изъ прошивниковъ его имѣлъ какое достоинство.

Зависть разслабляетъ душевныя и тѣлесныя силы и приближаетъ несчастнаго къ тому предѣлу, за копорымъ уже нечему завидовать

Зло. Поелику зло существуетъ, по надобно

полагать, что оно необходимо. Оно входитъ въ составъ вселенной какъ иѣкоторыя яды въ составленіе лѣкарствъ — еще въ глубокой древности имѣли понятіе о добрѣ и злѣ. У Грековъ Геніемъ зла почитался Тифонъ, а у Персовъ — Ариманъ. Если бы люди наслаждались безпрерывнымъ щасіемъ, по не знали бы цѣны оному; если бы не было зла, по они потеряли бы понятіе о добрѣ. И пакъ, подобно Іову многосправдальному, спанемъ сносить съ покорностію наказанія Небесъ и при всякомъ поспункѣ нашемъ будемъ вспоминать сіи слова: » *Не желай зла другу иб, если хочешь, чтобы и тебѣ онаго не желали.* »

II.

Истина. Говорите истину, любезныя дѣ-

ли, — всеобщее почтеніе наградитъ васъ ; ищете покло испины—и найдете мудрость ; избереете истину себѣ пушеводительницею — и дощипнете неложнаго щаспія.

Ж.

Клевета. Предсказывать зло, копорого еще нѣтъ, оскорблять добродѣтель, опни-мать у человека доброе имя— вопъ дѣло клеветы. Увы! коль ужасенъ таковой порокъ и какія погубныя слѣдствія влечетъ онъ за собою! — Избѣгайте онаго, молодые люди! Если же принуждены будете сами испытать его : то вспомните, что рано, или поздно всеобщее и резръніе поражаетъ клеветника.

Коварство. Доколь владычество и славу
Коварство будешь присвясать ;
Вѣсы , кадило , мечь , державу
Въ рукахъ злодѣйскихъ обращать ?
Доколь ловишвой ухищренной
Яремъ накладывать вселенной
Тебѣ чрезъ наглость , или чрезъ ласку?—

Доколь желѣзный скипепръ швой будетъ обла-дать міромъ ? Доколь человекство будетъ степенать подъ бременемъ крамоль и мятежей, шбою порождаемыхъ ? — Доколь ослѣпленные смершныя будутъ искашь въ тебѣ защиты и покровительства ?

Л.

Легковѣріе. Любезные дѣти, презирайте смѣшныя спрахъ шрусоеъ. Во всякомъ случаѣ

прибѣгайте къ разсудку и ничему иному не вѣрйте. Часто обольщаются одною наружностію, часто вѣрятъ пому, чего желаютъ, или пому, чего боятся. Такимъ образомъ, подобно слѣпцамъ, бѣгутъ къ своей гибели и узнаютъ ошибку свою тогда уже, когда ничѣмъ нельзя поправить оной.

Лесть. Корыстолюбіе и подбострастіе произвели на свѣтъ лести. Человѣкъ *благородный* никогда не будетъ играть роли льстеца. Онъ говоритъ всегда то, что чувствуетъ; и если боится оскорбить кого, то лучше молчитъ.

Лесть есть самый пагубный даръ, который разгнѣванные небеса низпослали Государямъ, говоритъ Расинъ. — Когда нѣкоторые хвалили съ воспоргомъ судъ Конспанпина Великаго, то онъ сказалъ: » я бы былъ весьма

благодаренъ за сіи похвалы, ежели бы точно увѣренъ былъ, что приписывающіе мнѣ оныя, имѣютъ довольно мужества выговаривать мнѣ и за мои просупки. »—

Лицемеріе. Подъ маскою лицемера скрывается порочное сердце. Ко всѣмъ своимъ слабостямъ онъ присовокупляетъ еще лукавство. Но пусть онъ прикиворствуетъ; — онъ неизбѣженъ угрызений совѣсти.

Ахъ! молодые Чипатели, не ищите лицемеріемъ достигнуть той чести, которой вы не заслужили добродѣтелями.

Любезность. Чтобы быть любимымъ должно быть любезнымъ, сказалъ одинъ изъ древнѣйшихъ стихотворцевъ. Любезность наибольше приличествуетъ молодымъ людямъ: ею они привлекаютъ сердца. Сія драгоценная добродѣтель бываетъ иногда испочникомъ наше-

го счастья. И такъ, научитесь крошкимъ нравомъ заслужить любовь и почтеніе себѣ подобныхъ.

Ж.

Мода. Мода есть непостоянное божество, пребывающее отъ обожателей своихъ многочисленныхъ жерпвъ. Она обладаетъ искусствомъ очаровывать слабыхъ смертныхъ; ей спойти только сказать слово — и мы ищемъ того, чему прежде хохотали, такъ какъ краснѣемъ того, чему прежде удивлялись. Ея воля — законъ; захочетъ — и самое безобразіе спануть, починать красоту.

Мудрость. Здѣсь на землѣ случаю мы обязаны всѣми благами. Здоровье, почести, богатство не отъ насъ зависятъ; минута —

ихъ итѣтъ. Что же остается намъ?
Мудрость.

Мщеніе. Мститъ своему ближнему за маловажную обиду грѣшно и безчеловѣчно. Если и подлинно кто желаетъ причинять намъ неудовольствія, то не лучше ли оставить его въ покоѣ безъ всякой ссоры. Знайте, что послѣдствія мщенія споль же пагубны, какъ и самыя дѣйствія. Одна минута часто причиняетъ несчастіе на всю жизнь.

И.

Надмѣнность. Надмѣнность есть излишняя увѣренность въ собственныхъ достоинствахъ, побуждающая насъ часто къ такимъ предпріятіямъ, которыя пресупаюшъ мѣры. Никогда не должно слишкомъ надѣяться на себя. Тотъ

благоразумиѣ, кто менѣ другихъ обманывается; но если кто либо возмечтаетъ, что онъ можетъ превозмочь все, тогда на каждомъ шагу будетъ ошибаться. Не теряйте изъ виду посрамленія, которому подвергается надмѣнный, незнающій предѣловъ своему глупому тщеславію и не забывайте что одно истинное достоинство доставляетъ намъ истинную славу.

Я, Князь—коль мой сілешъ духъ;
Владѣлецъ—коль спрасшьми владѣю;
Боляринъ—коль за всѣхъ болю,
Царю, закову, церкви другъ.

Насмѣшка. Никто не любитъ чтобы надъ нимъ смѣялись. Это самое несносное дарованіе. Много было примѣровъ, что одно оспрое слово стоило дорого. Вы думаете, что невинно

шутите надъ своимъ ближнимъ, но между шутъ его весьма огорчаете. Насмѣшка и обида весьма близки между собою. Тотъ, который ищетъ случая привести въ смѣхъ какимъ нибудь оспрымъ словомъ, показываетъ свой разумъ на щепъ другихъ. Когда замѣтите, любезные дѣти, въ комъ либо неправильную фizioномію или смѣшныя ужимки, которыя дѣлаютъ его еще безобразнѣе, то лучше сожалѣйте о немъ, а не издѣвайтесь. Кто будетъ сострадателенъ къ вамъ, если вы къ другимъ нечувствительны? . . Если смѣются надъ вами, то вмѣсто того чтобы сердиться, обращайтесь въ шутку колкія слова, которыми бы вы могли обидѣться: тогда превзойдете насмѣшника и онъ не осмѣлится уже въ другой разъ нападать на васъ.

Невинность. Пусть злодѣй борется съ угры-

зѣніями совѣсти, пусть виновные трепещутъ шепота лиспьевъ, вѣянїя Зефира, ежеминутно ожидая наказанїя; невинный всегда покоенъ: совѣсть никогда не угрызаетъ его, никакое обвиненїе не устрашитъ его. О ты, который какимъ либо случаемъ прочтешь сіи спроки! прими благой совѣтъ, предлагаемый тебѣ отъ чистаго сердца: — храни невинность, какъ такое сокровище, котораго пошею возвратишь никогда не будешь въ силахъ.

Несбѣжество. Ничто не можетъ быть презрѣннѣе самопроизвольнаго несбѣжества. Не вѣжа имѣетъ глаза, но ничего не видитъ, имѣетъ уши и ничего не слышитъ. Не обращая вниманїе ни на что, происходящее вокругъ него, мало опличается отъ безсловесныхъ. Онъ подверженъ участи нѣкошорыхъ расщѣпнїй, кои родятся,

роступтъ и засыхаютъ, не бывъ примѣчены ни однимъ естествоиспытателемъ.

Ненависть. Дѣши, старайшесь переносить все равнодушно, и тогда назовутъ васъ мужами. Ненависть есть звѣрское чувство, котораго должно быть чуждо сердце доброе и благородное.

Неосторожность. Прежде подумай, потомъ говори, или дѣлай; иногда чрезъ неосторожность много теряютъ. Въ дѣлахъ, такъ какъ и въ разговорахъ, должно отличать себя благоумїемъ и швердосцію и не забывать сего прекраснаго правила: » *безъ размышленїя ничего не предпринимай.* »

Низость. Коль презришеленъ честолюбецъ, который для исполненїя своихъ намѣренїй, доходитъ до низости. Малодушный! прежде, нежели будешь ползати предъ подобными себѣ,

обрати взоры на самого себя. Развѣ Высочайшее существо наклонило чело свое къ землѣ? развѣ оно сравнило себя съ пресмыкающимися, коимъ ты неспыдишься подражать? . . . Заклинаю тебя самымъ человѣческимъ, возстань изъ праха, возри на небесный сводъ! — преклоняющъ колѣна предъ единымъ Богомъ.

Нужда. Она научаетъ насъ терпѣнію. — Трудъ есть самое надежное средство, могу еще предохранить отъ оной.

О.

Обманъ. Кто прибѣгаетъ къ обману, чтобы поправить ученную погрѣшность, тотъ еще болѣе увеличиваетъ оную. Говорите всегда правду, молодые чинаштели, чего бы по ни стоило. Мудрыи ехотно сознаются въ своихъ слабостяхъ,

одинъ только злодѣй долженъ ложными поступками прикрывать развратное поведеніе свое. Даже и въ самыхъ шупкахъ всегда наблюдайте справедливоснъ : обманщику никогда не вѣряте.

Осторожность. Ничего не должно предпринимать, не размысливъ о тѣхъ опасностяхъ, копорыхъ бы нельзя было избѣгнуть, если бы осторожность не водила нашими дѣйствіями. Смотря только на наружность предметовъ, неосторожныи часто презираютъ оныя и— самовольно ввергается въ напасть. Съ перваго взгляда, приучайте себя проникать во внутренность всякой вещи, разсмотрѣвъ рачительно ея поверхность. Благоразуміе есть мать безопасности; чѣмъ болѣе имѣете проникательности, тѣмъ болѣе старайтесь сохранять твердость духа, тѣмъ болѣе должны вы скрывать внутреннія движенія ваши.

Отчаяніе. Какое бы несчастіе ни постигло насъ , въ какомъ бы мы жалостномъ положеніи не находились ; должно всегда сохранятьъ присушество духа и не предаваться отчаянію. Не болѣе минуны поспрѣбно, чтобы разсѣять бурю , сконившуюся надъ нашею головою , и часто самое щасіе , выглядывая изъ за тучь , готовился бросить на насъ громы. Даже на краю гроба надежда не оставляетъ насъ ; и шопъ , кпо отвращаетъ отъ нея смущенные взоры свои , есть ничпо иное , какъ робкій воинъ , оспавляющій постъ , назначенный ему Природою.

II.

Подозрѣніе. Подозрѣніе заставляетъ насъ имѣть худое мнѣніе о ближнемъ. Для честнаго человека нѣтъ мучительнѣе сего безпокой-

ства. Можетъ быть онъ пожелалъ бы лучше сдѣлаться жертвою своего праводушія , нежели видѣть себя осужденнымъ на вѣчное подозрѣніе. Подозрѣвающимъ другихъ въ обманъ думаетъ , что и самъ онъ въ состояніи обмануть ихъ. Бралъ ли бы онъ такія предосторожности , если бы собственное сознаніе его не говорило ему : безразсудный , ты при всякомъ случаѣ долженъ ожидать подобнаго ?

Покорность. Я уже говорилъ вамъ , дѣпи мои , о покорности , кпорую вы обязаны къ вашимъ родителемъ , теперь остается только сказать нѣсколько словъ о той , кпорой имѣютъ право пребывать отъ васъ наставники. Любите и почитайте добрыхъ воспитателей своихъ , кпорые стараются скопить для васъ сокровище просвѣщенія. Взгляните на садъ ; въ немъ

ничто не можетъ цвѣсти безъ присмотра. Что же подумае о помѣ деревь, которое, не смотря на всѣ усилія садовника, оспаеся согбеннымъ? Вы сами будете подобны сему закоренѣлому дереву, если въ на граду за совѣсы своихъ наставниковъ будете плашить имъ непослушаніемъ. Они напослѣдокъ прекрапятъ свой попеченія и невѣжество — презрительное невѣжество будетъ плодомъ вашего упрямства. Не должно дѣлать ни малѣйшаго возраженія, когда они прибѣгаютъ къ угрозамъ для исправленія вашего. Молодые дѣла очень склонны къ неповиновенію; какъ же могутъ они поспавить васъ на путь истины, если желая вамъ добра, не спануть употреблять иногда, хотя легкаго, необходимаго наказанія?

Притворство. Притворство есть оплечельца черта развращеннаго сердца. Похваль-

нѣ быть искреннимъ въ своихъ поступкахъ, нежели скрывать оныя. Надобно вспомнить, что зло рано или поздно опкроется. Да если бы и оспалось оное никому неизвѣстнымъ, то можете ли скрыть его опъ совѣсти? — Вы говорите: *здѣсь меня никто не видитъ.* Ахъ! какъ вы обманываетесь. Вы погибли уже, когда боишься порицанія болѣе, нежели самой вины. Разсмотришь, каковы слѣдствія притворства. Когда вы невинны: то ни малѣйшее подозрѣніе не тяготитъ васъ.

Противорѣчіе. Хвалишь все безъ разбора свойственно льстецу и безхарактерному человеку; однакожь и недолжно подражать имъ, которые не хощатъ мыслишь подобно другимъ и всегда готовы зажать вамъ ротъ, если начнете о чемъ нибудь говорить. Подверженные слабой слабости походятъ на безумныхъ ко-

порые, в того, чтобы повиниваться порядку вещей, дали бы другое направление печенію планетъ, повелѣли бы морямъ выплупить изъ своихъ предѣловъ, еслибы Высочайшее Существо даровало имъ, хоша на одну минушу, нѣкоторую степенъ своего могущества.

Р.

Рабство. Хоша природа не назначила намъ въ удѣлъ невольничества. Однако повиниваться законамъ — есть нашъ долгъ

Развратъ. У развращеннаго совѣсть почивается за такой товаръ, котораго цѣна увеличивается и уменьшается смотря по числу покупателей. Доброта вещи у нихъ занимаетъ послѣднее мѣсто. Вельможа будетъ имѣть гораздо болѣе преимущества, нежели какой ни-

будь прикащикъ. Ибо послѣдній ходитъ въ шомъ и щипать чужіе расходы почитаетъ наивеличайшимъ благополучіемъ. Сіапелнѣйшій напропивъ того не можетъ обойтиса безъ лошадей, безъ кареты, безъ лакеевъ, а болѣе всего безъ искуснаго повара. Онъ знаетъ, что мы живемъ не во времена Куріевъ и Фабриціевъ, бѣдныхъ людей, которые довольствовались сахарями, рѣдкою — и пренебрегали кучами лоша

С.

Самоллюбіе. Я — вотъ девизъ самолюбія. Порабощенный сему пороку думаетъ, что онъ одинъ во всей вселенной. Родителей, супругу, дѣтей господъ онъ сію минушу принести на жертву, лишь бы только безиреяспвенно удовлетворить

своимъ прихотямъ. Бѣдный никогда неполу-
чишь отъ него сострадательнаго взгляда: онъ
испустишь духъ въ мученіяхъ у ногъ его, и ка-
менное сердце ни мало не пронется. . . .

Сварливость. Сварливый, безпокойный ха-
рактеръ дѣлаетъ насъ ненавистными. Человѣкъ,
съ которымъ нельзя ужиться подобенъ шѣмъ
животнымъ, отъ которыхъ нужно носить съ
собою палку. Будьте тихи, не предавайтесь
вспыльчивости, которая только обезчеститъ
васъ.

Своеволие. Своеволие есть злоупотре-
бленіе свободы. Оно увлекаетъ насъ въ раз-
вратъ съ такою стремительностію, что свое-
вольный человѣкъ не въ силахъ бываетъ обуз-
дать себя. Спроси однажды разторгнувши
оковы, рѣдко утомляюща; и раскаяніе, кото-
рое опять приводитъ насъ на нущь испыны,

есть, столь строгій къ насъ кошпорого
уроки кажутся намъ столь скучны.

Сидлостъ. Конечно, робость предосудитель-
на; но и чрезмѣрная смѣлостъ есть также по-
рокъ, котораго должно избѣгать. Случается
что смѣлый долженъ иногда жертвовать са-
мишъ собою. У Овидія, сказано, что Фортуна
особенно благопріятствуетъ смѣлымъ людямъ
и что робкаго она лишаетъ своихъ милостей.
Однакожъ не должно принимать этого въ соб-
ственномъ смыслѣ. Мы иногда уступаемъ до-
кучливости; но не можемъ смотрѣть безъ до-
сады на безспыднаго, который получилъ уже
отказъ и пребудетъ неопытно довлешворенія
въ просьбѣ.

Соревнованіе. Не рѣдко мы называемъ зави-
стїю то, что происходитъ отъ соревнованія;
а онымъ почитаемъ то, что есть плодъ за-

